История Церкви

Часть 1

Николай Д. Тальберг

Оглавление:

Апостольский век.
Условия, благоприятствовавшие распространению Церкви. Первые десятилетия после вознесения Господня. Апостольский собор в Иерусалиме. Дальнейшие труды ап. Павла. Труды ап. Петра и прочих апостолов.

Первые три века.
Распространение Церкви в первые два века христианства. Гонение на церковь со стороны иудеев. Гонения со стороны язычников. Гонения на христиан со стороны императоров. Святые мученики. Эдикт Константина Великого.

Ранняя христианская письменность, Лжеучения.
Нападения на христиан со стороны ученых и философов. Христианские апологеты. Источники вероучения Церкви. Канон Св. Книг и Св. Предание. Краткое изложение церковного учения в символах. Частные догматы, раскрывавшиеся св. церковью. Происхождение ересей и лжеучений. Еретики иудействующие. Гностицизм. Манихейство. Ересь Антитринитариев. Монтанизм. Хилиазм. Мужи апостольские. Богословская Наука после Апостольского времени.

Церковная жизнь.
Устройство и управление Церкви. Церковные должности. Избрание и посвящение духовных лиц. Положение клира в первые века. Взаимоотношения поместных церквей. Споры о праздновании Пасхи. Совершение таинств. Споры о крещении еретиков. Церковная дисциплина. Расколы. Чистота жизни христиан первых веков.
Христианские обычаи.

Эпоха Константина Великого и его преемников.
Положение Церкви при Константине Великом. Церковь при Юлиане Отступнике. Церковь при последующих императорах. Распространение церкви вне пределов империи. Усилия защитить падающее язычество. Бедствия Церкви.

Эпоха Вселенских Соборов.
Общий взгляд на характер ересей 4-8 веков. Первый вселенский собор. Второй Вселенский Собор. Третий Вселенский Собор. История несторианства после собора. Четвертый Вселенский Собор. Монофизитская ересь после собора. Пятый Вселенский собор. Упорство монофизитов и их секты. Шестой Вселенский собор. Иконоборческая ересь и Седьмой Вселенский Собор. Продолжение иконоборческой ереси. Filioque. Евхиты (мессалиане). Ересь павликиан.

Духовное просвещение 4-10 веков.
Духовное просвещение во второй период. Богословские школы на Востоке в 4 и 5 веках. Великие Святители Восточной Церкви. Духовное просвещение на Западе в 4 и 5 веках.

Духовное просвещение в 6-8 веках. Духовное просвещение на Востоке в 9 и 10 веках. Духовное просвещение на западе в 9 и 10 веках.

Церковное управление.

Отношения между Церковью и государством в 4-11веках. Церковная иерархия. Увеличение церковных должностей. Церковное управление. Возвышение константинопольского патриарха. Вселенское управление и церковное законодательство. Папские притязания на главенство в церкви.

Богослужение и Монашество.

Богослужебные действия и обряды. Покаянная дисциплина и раскол донатистов. Христианская жизнь вообще. Монашеская жизнь на Востоке.

Тальберг Николай Дмитриевич (1886 - 1969). Родился 22 июля в мест. Коростошев близ Киева. Окончил в 1907 г. Императорское училище правоведения. Занимал ряд должностей на государственной службе. В эмиграции с 1922 г. Жил в Германии, в Югославии и в Австрии. В 1940-е гг. староста храма св. архистратига Михаила в г. Зальцбург и Свято-Покровской церкви в г. Парш (Австрия). Один из лидеров Высшего монархического совета. Постоянный сотрудник газеты (впоследствие журнала) “Отечество” (1921-1927). В 1950 г. переехал в США. Историк Церкви. Преподавал в семинарии при Свято-Троицком монастыре в г. Джорданвилль. Скончался 29 мая (по ст. ст.). Похоронен на кладбище Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле.

Творения: Церковный Раскол (Париж, 1927). Святая Русь (Париж, 1929. Джорданвилль, 1964). Месяцеслов русских святых (Джорданвилль, 1954). Русская Православная Церковь в Северной Америке (Джорданвилль 1955). Муж верности и разума: К. П. Победоносцев (Джорданвилль, 1957). История Русской Церкви (Джорданвилль, 1959). Отечественная быль (Джорданвилль). К сороколетию пагубного Евлогианского раскола (Джорданвилль, 1966). История христианской Церкви (М., 1991, 2-е издание - М.: Св.-Тихоновский богословский ин-т, 2000).

Апостольский век.

Условия, благоприятствовавшие распространению Церкви.

Ко времени пришествия Христа Спасителя в мир почти все народы тогдашнего политического мира соединены были в одно государство — **римское.** Рим назывался столицей всей вселенной. За несколько лет до явления Спасителя римское государство из республики превратилось в империю. Императоры обладали деспотической властью. Таковыми являлись и их представители в отдельных областях. Народ раболепствовал перед императорами. Резко отличалось имущественное и социальное положение высших классов. Особенно тяжелым было положение многочисленных рабов, которые в руках своих господ были не более, чем одушевленной вещью, которой те распоряжались по своему произволу.

Иудея, под управлением князей из фамилии **Маккавеев,** составляла ещё отчасти самостоятельное государство (167-63 гг. до Р. Хр.), находясь даже в дружественных отношениях с Римом. Но за 64 года до Р. Хр. произошел раздор в фамилии Маккавеев между братьями Гирканом II и Аристовулом II. Они обратились с жалобами друг на друга к римскому полководцу Помпею, находившемуся тогда на востоке. **Помпей,** после трёхмесячной кровопролитной борьбы, в 63 г. занял Иудею с Иерусалимом и положил конец независимости иудейского народа, заставив его платить дань Риму. Помпей предоставил Гиркану первосвященническое достоинство и титул народоначальника. Но на самом деле всем заведовал преданный римлянам идумеянин Антипатр, принявший иудейство, со своими сыновьями Фасаилом и Иродом. В 37 г., правя, после отца Антипатра, Ирод получил титул царя иудейского при содействии триумвира Антония. Последний Маккавей, Антигон, сын Аристовула, отправлен был в Рим и подвергнут бичеванию как преступник. Со вступлением Ирода на престол царская власть в Иудее отошла от колена Иудина.

Ирод, прозванный Великим, расширил пределы Иудеи, восстановил разрушенное государство, украсил Иерусалимский храм. Но народ его не любил за жестокость и введение в Иудее языческих обычаев и римских зрелищ. После смерти Ирода, последовавшей в первые годы по Рождестве Христовом, в Иудее начались волнения против римлян. В Иерихоне предводители разбойничьих шаек присваивали себе царский титул. Римский же император Август передал управление Иудеей детям Ирода, но они настоящей власти не имели. Все дела вершили римские прокураторы, предоставляя иудейским царям пользоваться только титулом. Ревнители национальной свободы под предводительством **Иуды Галилеянина** подняли восстание, которое было подавлено римскими легионами.

Ко времени пришествия Христа Спасителя иудеи жили и вне Палестины. Во время постоянных нападений на Иудею и её опустошений жителей брали в плен и расселяли среди других народов, так что не было страны, входившей в состав римского государства, в которой не было бы евреев. Там их положение было спокойнее, чем в Палестине. Благодаря своему предприимчивому характеру евреи занимались торговлей и промышленностью, приобретая богатства, а с их помощью — иногда независимость и привилегии. Особенно много евреев было в Александрии. Были они также и в Риме, куда попали в первый раз пленниками, при Помпее.

Истинного богопознания тогда не было ни у одного народа, за исключением еврейского. Понятия о едином истинном Боге и об отношении к Нему людей, которые проповедовала человечеству первобытная религия, в течение многих веков, прошедших после падения прародителей, утратились окончательно. Человечество успело создать свои религиозные системы, в которых сначала были заметны следы истинной первобытной религии. Но чем больше проходило времени, тем меньше оставалось истинных религиозных понятий. Люди всё более погружались в жизнь окружающей их природы и совсем потеряли представление о высшем духовном мире. Появились так называемые **языческие** религиозные системы, обоготворяющие природу, её силы и явления. Вместо единого Бога первобытной религии появились множество богов: небесные светила, стихии, геологические образования, разные животные, люди, чем-нибудь знаменитые, добродетели, пороки, страсти и т.п. Всё могло стать предметом обоготворения в язычестве.

В греко-римском мире, с которым христианская Церковь прежде всего соприкоснулась, господствующая языческая религия допускала обоготворение людей. Но основы этой религии начали колебаться, когда в греческом обществе просвещение развилось настолько, что не могло допустить веры в различные создания человеческой фантазии. Появились **философские системы**, поставившие своей задачей объяснить и постигнуть бытие мира и вещей. Фи-

лософия подвергла народную религию критике и отвергла её. Взгляды философов стали распространяться среди народа, и в нём тоже появилось недоверие к богам. Такое отрицание прежних верований началось в Греции ещё за три века до Р. Хр., так что ко времени появления христианства оно стало почти всеобщим. Народная религия терпела поражение. Народ уже не верил своим богам, хотя и исполнял религиозные обряды по привычке к старине и по привязанности к блестящим религиозным церемониям, удовлетворявшим его эстетические чувства.

То же случилось и с религией **римлян.** Народная римская религия, сходная с греческой, держалась до тех пор, пока Рим в своих завоеваниях не выступил за пределы Италии, особенно, пока не вошёл в столкновение с Грецией. Греки, побежденные римлянами, **подчинили их своему нравственному влиянию.** Они познакомили римлян со своим образованием, философией и передали свой взгляд на религию. Высшие классы прежде других переняли греческое образование; поэтому прежде всего среди них и пробудилось неверие к отечественным богам. Народ же последовал за образованными классами в религиозном отрицании: сценические представления, в которых высмеивались боги, подрывали в нём религиозные убеждения. Если и оставалось в народе нечто от религии, так это была только привязанность к обрядам и церемониям. Даже жрецы были заражены общим неверием. Римское правительство, заботясь о всемирном господстве, собрало в римском пантеоне изображения всех богов завоеванных народов. По этой причине римский народ охладел к собственной религии, и установилось убеждение, что можно придерживаться любой религии. Впрочем, правительство требовало сохранения древней народной религии, считая, что тогда сохранится и государство, основанное на ней.

Философия, подорвавшая народные верования, вместо них не могла дать ничего положительного. Одни философы — **эпикурейцы** — всю мудрость человеческую полагали в наслаждении жизнью. Другие — **стоики**, — проповедуя строгость жизни и равнодушие к её случайностям, заставляли искать успокоения в неизбежности всего совершающегося, в углублении человека внутрь себя; о божественном, высшем в этой жизни не было и речи. **Платонизм**, выработавший понятие о Высочайшем, Божественном Мироправителе, проповедовал зависимость человека от Него и общение с Ним признавал единственным источником освящения; но на этом и останавливался, не разъясняя, каким образом людям искать это общение. Так называемый **неоплатонизм**, отвергая все философские системы и религии, утверждал, что истины безусловной нет ни в одной из них, но проблески её можно найти во многих.

Все эти философские рассуждения не могли заменить человеку религии. Люди в сознании внутренней пустоты переходили от одной философской системы к другой, не находя нигде удовлетворения своим религиозным исканиям. Масса народа философии вовсе не знала. При отсутствии же определённой веры люди бросались в противоположную крайность — суеверия. Перед пришествием Христа Спасителя в греко-римском мире особенно широко распространились тайные восточные культы, со своими гаданиями, волшебствами и пр. Вместе с падением религии пала и нравственность. Деспотизм императоров, наплыв в Рим богатств со всего мира, происшедшая отсюда роскошь и философия, проповедовавшая наслаждение, — все это содействовало падению прежней строгости нравов. Языческие писатели того времени единогласно отмечают упадок нравственности в мире. Ап. Павел яркими чертами изображает в Послании к Римлянам нравственное состояние Римского общества, говоря, что оно полно всякой неправды, лукавства, корыстолюбия, злобы, зависти, убийства, распрей, злонравия, гордости и т.п. пороков. Иудеи же обладали великим благом — у них была религия Богооткровенная, с истинными понятиями о Едином истинном Боге и об отношении к

Нему человека. Имели они и божественные обетования о пришествии в мир Искупителя человечества. В течение многих веков, при всех политических переворотах в судьбе иудейского народа, Богооткровенная религия сохранялась им неизменно. Под влиянием соседних языческих народов случались непродолжительные отступления евреев от служения истинному Богу. Господь разъяснял устами пророков истинную религию, данную через Моисея. Пророки своими возвышенными толкованиями закона готовили появление новой религии. Они указывали уже и на Спасителя, говорили, что день Господень наступит скоро, даже обозначали время Его пришествия.

Но перед пришествием Спасителя и евреи в религиозном отношении не избежали участи остального человечества. Веры в единого Бога еврейский народ не потерял, но, с одной стороны, главный догмат своей религии — учение об Искупителе стал понимать совершенно неверно, с другой — евреи разделились на несколько партий в понимании религии вообще. Под влиянием таких тяжелых обстоятельств, как порабощение то египтянами, то сириянами и, наконец, римлянами, — народ еврейский видел в обещанном Искупителе только необыкновенного царя-завоевателя и освободителя от чужеземного ига, который устроит земное царство и даст славу и блеск еврейскому народу. Гордый своей истинной религией, бывшей только у него, еврейский народ ожидал и Мессию только для одного себя, как для народа избранного. В таком же смысле евреи объясняли и понимали свои пророческие сказания о Мессии. Появлялись даже лжепророки, которые говорили о наступлении времени освобождения от чужеземного ига. Мессии в уничиженном виде евреи не хотели знать, а между тем охотно шли за народными бунтовщиками, объявлявшими себя мессиями, пришедшими освободить народ от ига. Таким был, например, Иуда Галилеянин. Конечно, были среди евреев и понимающие люди, но они составляли исключение. Большинство было слишком далеко от Того обещанного Мессии, верой в Которого прежде жили лучшие представители народа.

К этому времени в еврейском народе образовались религиозные партии **фарисеев, саддукеев, ессеев и ферапевтов.** Появление двух первых партий относится ко времени распространения на востоке греческой образованности (во 2 в. до Р. Хр.), когда некоторые иудеи из высшего класса стали увлекаться ею, а вместе с тем и заимствовать языческие обычаи. Ревнители отечественной религии и отечественных учреждений восстали против этого и образовали особую религиозную партию с политическим оттенком под именем **фарисеев**, что значит **избранных, отделённых**. Они были ревнителями не только закона Моисеева, но и всей еврейской старины, всех устных преданий. Ревность их, сначала почтенная, получила скоро превратное направление: они не столько заботились о сохранении и поддержании существенного в религии, сколько второстепенного. Всё внимание фарисеев, доходившее до мелочей, было обращено к **внешней стороне** религии. Они добровольно накладывали на себя посты, часто молились, часто совершали внешние омовения в убеждении, что такое строгое исполнение предписаний закона, нередко ими самими выдуманного, особенно угодно Богу и составляет единственный путь ко спасению. Отсюда — фарисейская гордость и презрение ко всякому, не принадлежащему к их партии. Внешняя святость жизни фарисеев привлекала к ним народ, который всецело подчинялся влиянию этих мнимых ревнителей веры.

Противоположность фарисеям составляли **саддукеи**. Это были люди, усвоившие греческое образование, смотревшие на всё с философской точки зрения, в том числе и на религию. Они стремились к рационалистическому пониманию закона Моисеева, поэтому отвергали устные предания, не придавали большого значения обрядам. Саддукеи дошли, наконец, до отрицания бессмертия души, воскресения мертвых, бытия мира духовного и Божественного Провидения. Их было, по сравнению с фарисеями, немного. Секта их состояла из богатых и

знатных людей, которые занимали высшие должности. Среди них было даже немало первосвященников.

В начальный период борьбы партии фарисеев и саддукеев (во 2 в). образовалось новое религиозное направление **ессеев** и **ферапевтов**. Люди, примыкавшие к ним, образовали подобие ордена, посвятившего себя служению Богу вдали от настоящего еврейского общества. **Ессеи** сначала жили в городах, потом ушли за Мёртвое море и там поселились отдельным обществом, которое насчитывало до 4000 человек. **Ферапевты** проживали в Египте. В своё общество ессеи принимали после тщательного испытания с особыми обетами почитать Бога, хранить имена ангелов, любить истину, не открывать никому тайн общества. Жизнь в этих обществах была строго умеренная; все члены их занимались земледелием, имущество у них было общее. Были у них общие собрания, особенно в субботу, на которых читалось священное Писание, пелись гимны. В молитвенных собраниях наблюдались строгий порядок и торжественная тишина. Все стремления обоих обществ были направлены на внутреннюю сторону религии, на внутреннее усовершенствование человека, в противоположность фарисеям. Внешним выражением религии ессеев служили частые омовения. Толкование и понимание Моисеева закона, **особенно у ферапевтов,** было мистическое, таинственное. Среди палестинских иудеев жили люди, которые также ожидали Мессию. Это — **самаряне**, обитавшие между Иудеей и Галилеей. Происхождение самарян относится ко времени падения царства израильского (722 г. до Р. Хр.), когда ассирияне, пленив большинство израильтян, переселили в завоёванную страну язычников. Последние, смешавшись с оставшимися израильтянами, смешали иудейство с язычеством, пока, наконец, не возобладало служение истинному Богу. Так появились самаряне. Они принимали только Пятикнижие Моисея, как единственную книгу закона, имели некоторое время свой храм, построенный на горе Гаризим бежавшим из Иудеи священником Манассией, и совершали богослужение по установлению Моисееву. Евреи ненавидели самарян и считали их еретиками, хотя последние, как видно из беседы Иисуса Христа с самарянкою, имели понятия о Мессии более правильные, чем они сами. У самарян не было, как у евреев, такой национальной гордости и уверенности в собственной святости вследствие одного только происхождения от Авраама. Самаряне видели в Мессии пророка, Который должен им объяснить закон и научить их всему. Поэтому они стояли ближе к христианству, чем иудеи. Что касается **евреев рассеяния**, живших в городах, близких к Риму и познакомившихся с политическим могуществом империи на местах её владычества, то им были чужды мечтания палестинских иудеев о всемирном политическом господстве иудейского народа. Поэтому представления их о Мессии сложились иначе: они были более подготовлены к принятию Его как искупителя от грехов. Кроме того, постоянно общаясь с язычниками, они проявляли к ним известную терпимость. Они знакомили язычников со своей религией, в свою очередь, перенимали греческое образование и философию. Особенно заметно это было в **Александрии**, центре мировой торговли и науки. Здесь у евреев св. Писание давно было переведено на греческий язык, тогда самый употребительный. Любознательные язычники благодаря этому могли убедиться в возвышенности богословия еврейской религии. Вследствие такого знакомства религиозные убеждения евреев рассеяния стали прививаться и язычникам, недовольным собственными верованиями. Ко времени пришествия Христа Спасителя мы уже встречаем довольно большое число язычников, принявших иудейство, которые были известны под именем **пришельцев врат**, если принимали иудейство без обрезания, и **пришельцев правды**, если принимали и обрезание. С другой стороны, евреи, знакомясь с греческой философией, особенно с философией Платона, находили в ней нечто достойное уважения в религиозном отношении.

В эту эпоху и в **языческом** мире считали, что общее положение при упадке религии и нравственности было ненормально. Выйти из этого безотрадного положения, по мнению лучших представителей древности, само человечество было бессильно. Для этого, утверждали они, нужна сверхестественная Божественная помощь. Подобные убеждения ещё с большей силой утвердились среди язычников при распространении верований иудеев в Мессию. Идея о Мессии, как Избавителе от всяких зол и Установителе лучших порядков жизни, была особенно привлекательна для страждущих и угнетенных, которых так много было в языческом мире. Можно сказать, что в последние годы перед Рождеством Христовым ожидание Мессии стало всеобщим. Поэтому, когда Божественный Спаситель рода человеческого явился и основал для спасения людей истинную Церковь, те из иудеев и язычников, которые ожидали Его и увидели в Нем истинного Мессию, первыми и начали вступать в Его Церковь. Таким образом, безотрадное состояние политической и религиозно-нравственной жизни народов дохристианского времени послужило на пользу Церкви. Оно побуждало многих искать истинное религиозное знание и успокоение от всех бедствий в христианстве.

Объединение народов под одной политической властью римлян, облегчавшее пути сообщения, также благоприятствовало распространению Церкви.

Первые десятилетия после вознесения Господня.

Еп. Арсений в своей “Летописи церковных событий” указывает, что в 31-е лето по Рождестве Христовом последовало избрание Спасителем 12 апостолов. Слово “апостол” обозначает “посланник,” которому поручено исполнить известное поручение (Православная Богословская Энциклопедия). Ап. Матфей пишет: “Двенадцати же апостолов имена суть сии: Симон, называемый Петром, и Андрей, брат его, Иаков Зеведеев и Иоанн, брат его, Филипп и Варфоломей, Фома, и Матфей мытарь, Иаков Алфеев и Леввей, прозванный Фаддеем, Симон Кананит и Иуда Искариот, который и предал Его. “Прав. Бог. Энцикл.” отмечает, что брата Иакова Алфеева, Иуду ап. Матфей называет Леввеем, апостол же Марк — Фаддеем. “Но Фаддей или Леввей, из которых одно происходит от сад или фад, — “грудь,” а другое от “леб,” — сердце, означают, в аналогичных терминах, вообще, человека благородного и энергичного. Можно думать, что это почётное прозвание вытеснило собой его собственное имя Иуды, как напоминающее имя предателя”… (Прав. Бог. Энцикл.).

В 32 г. состоялось избрание Спасителем 70-ти учеников (апостолов) и послание их на проповедь, которая продолжалась от Пасхи до праздника Кущей, около шести месяцев (еп. Арсений). Ап. Лука излагает это событие так: “*После сего избрал Господь и других семьдесят учеников, и послал их по два перед лицем Своим во всякий город и место, куда Сам хотел идти.”*

О важнейших событиях после Вознесения Господня, охватывая период примерно в 30 лет, повествует нам книга Деяний апостолов. Еп. Арсений пытается рассчитать, к какому году каждое из этих событий относится. В 33 г. от Рождества Христова, по вознесении Господа на небо, апостолы на место Иуды предателя избрали Матфея и вручили ему жребий апостольства. Они с другими верующими проводили время, большей частью, вместе в одном доме, ожидая обещанного им сошествия Св. Духа (еп. Арсений).

“Через десять дней по вознесении Господа Дух Святый видимым образом, в виде огненных языков, сошёл на апостолов и других верующих, собравшихся на молитву по случаю праздника Пятидесятницы, в Сионской горнице, в числе ста двадцати душ вместе с Пресв. Девою. Облечённые силою свыше, апостолы и другие верующие начали разными языками

хвалить Бога и возвещать о спасительных делах Его, а народ, со всех стран мира пришедший в Иерусалим на праздник, по слуху о чуде стекался к тому дому, где они находились. Это было в третьем часу дня по тогдашнему счёту, по нашему — в девятом… И присоединилось в тот день к верующим около трёх тысяч душ. Они постоянно пребывали в учении апостолов, приобщались Евхаристии и проводили время в молитвах. Возвращавшиеся из Иерусалима благовествовали слово другим" (еп. Арсений).

В 34 г., как повествует еп. Арсений, началось преследование апостолов иудейским Синедрионом. В том же году апостолы, желая иметь больше времени для молитв и поучений, избрали семь одобренных (Деян. 6:3) мужей и рукоположили их во **дьяконы**. Им поручено было управление и распоряжение общим имением и призрение вдов и сирот, а у алтаря раздавали они тело и кровь Господню (Игнатий Богоносец в послании к Траллианам). В это же, должно быть, время апостолы вручили апостольство в церкви Иерусалимской Иакову, одному из братьев Господних, на что указывает Климент Александрийский, отмечая наименование его Праведным.

Один из семи дьяконов, св. Стефан, с особой ревностью и силой проповедовал слово Божие и указывал на конец закона Моисеева во Христе. Его обвинили перед синедрионом в хуле на Моисея и на Бога. Ожесточенная толпа схватила его и побила камнями за городом.

В 35 г., один из семидесяти апостолов, Анания, положил основание Церкви в Дамаске, а Филипп-дьякон крестил многих в Самарии. Оставшиеся в Иерусалиме апостолы послали из среды своей Петра и Иоанна, которые возложили руки на крестившихся и низвели на них благодать Св. Духа. Впоследствии возложение рук было заменено миропомазанием (еп. Арсений). В числе крестившихся самарян был и Симон волхв, полагавший с помощью веры во Христа обрести дар творить чудеса и изумлять людей своими делами. Он дерзко пытался у ап. Петра за деньги получить дары Св. Духа, но был обличен им, однако не покаялся и смущал многих своими вымыслами. По имени его, продажа и купля священных должностей называется "**симонией**."

В том же 35 г. **св. Филипп**-дьякон на большой дороге из Иерусалима близ Газы крестил евнуха царицы эфиопской, державшегося закона Моисеева. Последний был первым провозвестником Евангелия в своем отечестве — Абиссинии.

Ап. Петр, наученный небесным видением о призвании и язычников в Церковь, крестил первого из язычников **Корнилия**, сотника римского. Тогда же верными из Иерусалима, рассеявшимися после смерти Стефана, основана Церковь в Антиохии.

В 37 г. Савл, преследовавший христиан, с этой же целью отправился из Иерусалима в Дамаск. На пути чудесным явлением и гласом Иисуса Христа он был обращён к вере, а через три дня крещён в Дамаске св. Ананием. В 41 г. Савл, придя в Иерусалим, вступил в общение с апостолами. Вскоре он удалился в свой город Тарс, где благовествовал слово Божие. В том же году ап. Матфей, по просьбе уверовавших евреев, написал для них на еврейском языке Евангелие. Переложение его на греческий язык приписывают первому иерусалимскому епископу Иакову (еп. Арсений).

В 42 г. в Антиохии проповедовали Евангелие **Варнава**, родом киприянин, иудей из рассеяния, и приведенный им из Тарса **Савл**. Целый год они устраивали антиохийскую Церковь, имея большой успех, в особенности, среди язычников. Именно в Антиохии последователи Христа усвоили себе название **христиан**. Уверовавшие из иудеев не могли сначала отрешиться от прежней религии настолько, чтобы принять новое имя христиан. Почин в этом принадлежал обращённым (Е. Смирнов).

В 44-ом году царь иудейский Ирод Агриппа для угождения народу велел предать смерти ап. **Иакова Зеведеева**. Он велел схватить и ап. Петра, но ангел Божий вывел того из темницы.

В 45 г. Варнава и Савл, пребывавшие некоторое время в Иерусалиме, по возвращении в Антиохию, вследствие особого откровения учителям антиохийским, были отправлены на проповедь Евангелия. Прежде всего, они посетили Кипр, где обратили римского проконсула Сергия Павла в г. Пафосе. “С этого времени, — пишет еп. Арсений, — Савл именуется в св. Писании Павлом, хотя не сказано, почему последовала перемена имени.” Проповедовали они потом в Малой Азии и основали в некоторых городах Церкви. После трёх лет проповедничества они вернулись в Антиохию.

В 48 г., по преданию, сохранившемуся в Церковной Истории Евсевия, последовало успение Богоматери (еп. Арсений).

Апостольский собор в Иерусалиме.

(51 г. по Рождестве Христовом).

“По возвращении ап. Павла в Антиохию пришли туда некоторые христиане из иудеев и начали учить христиан, обратившихся из язычников: “если не обрежетесь по обряду Моисееву, не можете спастись.” По этому поводу произошло разногласие и немалое состязание с ними у Павла и Варнавы. Возник трудный вопрос, грозивший разделением Церкви: нужно ли христианам соблюдать обрядовый закон Моисеев? Для разрешения его антиохийские христиане обратились к апостолам и пресвитерам в Иерусалиме, а они, по заповеди Спасителя (Матф. 18:17), собрались вместе для рассмотрения этого дела. После предварительного рассуждения ап. Петр сказал, что его первого Бог избрал для проповеди язычникам и, “очистив сердца их верой, даровал им Св. Духа, как и нам. Что же вы ныне искушаете Бога, желая возложить на выи учеников иго, которого не могли понести ни отцы наши, ни мы?” Варнава и Павел, со своей стороны, рассказали, какие знамения и чудеса Бог сотворил через них среди язычников. В заключение говорил святой ап. Иаков, и слова его как бы выразили решение (резолюцию) собора. Апостольский собор освободил христиан от соблюдения обрядового закона Моисеева и внушил им ревностно заботиться об исполнении нравственного закона, сущность которого была выражена в следующих словах: “не делать другим того, чего сами себе не желаете.” Решение собора было изложено письменно, запечатлено словами: “изволися Духу Святому и нам” и послано с доверенными лицами (Силой и Иудой, имевшими дар пророчества) в Антиохию.

“Апостолу Иакову предоставлено было последнее решающее слово и как бы председательство на соборе, хотя он был не из 12, а из 70 апостолов. Такая почесть, как думают, была предоставлена ему, как представителю местной иерусалимской церкви. В такое достоинство апостол, по преданию, возведен был Самим Господом Иисусом Христом, явившимся ему по воскресении. Здесь видим начало третьей высшей священной степени епископа. Через епископов в особенности продолжается в церкви служение апостольское: им принадлежит право рукополагать в священные степени, учить и судить в церкви” (прот. Пётр Смирнов).

Дальнейшие труды ап. Павла.

Вскоре после апостольского Собора Павел предпринял второе великое путешествие с проповедью Евангелия, во время которого, пройдя Сирию, Киликию и Галатию, вследствие видения (Деян. гл. 16), перешел в Европу и основал церковь в Филиппах (Македонии). В 52 г. он проповедовал в Солуни, основал церкви в Верии и Афинах, прибыл в Коринф. Там он работал у христианина из иудеев, Акилы, ушедшего из Рима, согласно указу того года имп. Клавдия об изгнании иудеев из Рима. Акила и жена его Прискилла сопровождали потом ап. Павла до Рима. Всюду он совершал богослужения в домах христиан. К 53-му году относятся два послания ап. Павла к Солунянам. Еп. Арсений пишет: “Около сего же времени, может быть, спутник ап. Павла, Лука, написал в Коринфе Евангелие, известное под его именем.”

В 54 г. ап. Павел к празднику Пятидесятницы прибыл в Иерусалим, затем пошел в Антиохию, где прожил недолго. Оттуда предпринял он третье проповедническое путешествие: прошел Киликию, Фригию и Галатию и к зиме прибыл в Ефес. Там он принял в церковь учеников Иоанна Крестителя (Деян. гл. 19). В Ефесе он провёл более двух лет. Оттуда же он написал в 55 г. послание к Галатам и в 56 г. первое послание к Коринфянам. В 57 г. он посещает церкви, основанные им в Македонии, и пишет второе послание к Коринфянам. Три месяца живет он в Коринфе (еп. Арсений).

Ап. Петр, оставшийся в Антиохии после Павла, завершил устройство тамошней церкви и примерно в это же время поставил ей епископа Еводия. Затем он проповедовал в области антиохийской, в Понте, Галатии, Каппадокии и Вифинии. Наконец, ап. Петр отправился благовествовать иудеям вавилонским. В то же время ап. Марк, родственник Варнавы, по поручению ап. Петра отправился в Египет с проповедью Евангелия. Для основанной в Александрии церкви он поставил первого епископа Аниана.

В 58 г. ап. Павел, предполагая посетить Рим, составил послание к римской церкви, в которой большинство христиан составляли обращенные язычники. По этому поводу еп. Арсений пишет: “Из того, что ап. Павел нигде в послании не упоминает о предварительном благовестии апостольском в Риме, в ряду многочисленных приветствий разным лицам (гл. 16) также не упоминает ни о ком из апостолов, равно и принимая во внимание, что ап. Павел принял себе за правило действовать независимо и самостоятельно и не вмешиваться в область других апостолов (Рим. 15:20-21; 2 Кор. 10:16), следует заключить, что до того никто из апостолов не благовествовал в Риме, что римская церковь образовалось, подобно антиохийской, сначала из апостольских учеников и членов церкви иерусалимской, потом, после изгнания из Рима евреев и в том числе христиан из евреев, усилилась обращенными преимущественно через учеников ап. Павла язычниками, которых указ Клавдия не касался. Во время написания послания римская церковь была уже многочисленна и значительна, хотя во главе её не было ещё епископа.”

После Коринфа ап. Павел провел Пасху в Филиппах и на праздник Пятидесятницы прибыл в Иерусалим. По наветам иудеев он, как “возмутитель,” был взят под стражу и отправлен в Кесарию к прокуратору римскому. Там он из-за происков иудеев и несправедливости прокуратора Феликса два года пробыл в узах.

В 61 г. ап. Павел отверг предложение нового прокуратора Феста судиться в синедрионе и на правах римского гражданина потребовал суда кесарева. Поэтому он был отправлен в Рим, куда и прибыл к концу марта того же года. Находясь там под военным надзором, он жил в частном доме, как не совершивший большого проступка. О своей проповеди в Риме он упоминает в послании к Филиппийцам, указывая, что эта проповедь достигла и дома кесарева. Сопутствовавший Павлу Евангелист Лука в Риме закончил свою книгу “Деяний апостолов.”

Тогда же по предложению еп. Арсения он рукоположил и первого епископа римской церкви, св. Лина, своего ученика. Из Рима ап. Павел поддерживал общение со всеми основанными им Церквами в Греции и Малой Азии, а христианам филиппийским, колосским и ефесским писал и послания. Из Рима же писал он к Филимону, гражданину колосскому (еп. Арсений).

В 62 г. первосвященник Анан, воспользовавшись смертью Феста и отсутствием нового прокуратора, воздвиг гонение на еп. **Иакова** Иерусалимского. Он требовал от него провозглашения с кровли храма о заблуждении тех, кто признают Иисуса Сыном Божиим. Иаков же произнес исповедание веры. Разъярённые книжники и фарисеи сбросили апостола с крыши храма, и один, заметив, что он дышит, довершил мученичество, раздробив ему голову. Царь Агриппа за этот самовольный поступок лишил Анана первосвященства. Имеется послание ап. Иакова "двенадцати коленам, находящимся в рассеянии," написанное, по мнению еп. Арсения, вскоре после Апостольского собора. Преемником его стал св. Симеон, сын Клеопы, брата Иосифа Обручника.

В 63 г. ап. Павел был освобожден благодаря недоказанности обвинений против него, одобрительным отзывам о нем римских правителей Иудеи и его собственной беспорочной жизни. Тогда он (по предположению еп. Арсения), путешествовал в Испанию и из Рима отправил туда семь благовестников, которые и учредили там первые епископские кафедры. После этого ап. Павел проповедовал на о. Крите, где оставил ученика своего Тита, был в Ефесе, поставив епископом Тимофея. Находясь в Македонии, он (в 64 или 65 гг). отправил первое послание к Тимофею и одно к Титу. Примерно в это же время апп. Иасон и Сосипатр положили основание Церкви в Коркире, нынешнем Корфу.

В 65 г. ап. Павел, оставив Македонию, снова посещает азийские церкви и приходит в Коринф. Туда же прибыл с Востока ап. Пётр, и они вдвоём отправились в Италию для утешения и ободрения гонимых при императоре Нероне христиан. Из Рима ап. Павел отправил своё послание к Евреям. Лжебратия об этом донесли, и апостолы были заключены в темницу в конце того года или в начале следующего. В 67 г., после нескольких месяцев пребывания в темнице, ап. Павел был усечён мечом.

В своей "Истории христианской Церкви" Евграф Смирнов пишет: "Одно перечисление путешествий этого великого апостола, которые он совершал почти постоянно после своего обращения в продолжение тридцати лет, говорит уже о том, что он был одним из ревностнейших и самых неутомимых проповедников христианства. Глубокое убеждение в истинности проповедуемого им учения, ясное понимание христианских истин, спокойное мужество среди всевозможных опасностей, необыкновенное знание человеческого сердца и от природы увлекательная сила красноречия при благодатных дарах Св. Духа содействовали его необыкновенным успехам. Множество христианских общин на пространстве почти всей Римской империи от востока до запада считают его своим основателем. Неутомимый проповедник своей апостольской ревностью возбуждал к такой же проповеди и других. Он образовал сонм проповедников христианства, которые в Деяниях апостольских и посланиях ап. Павла поименно упоминаются под названием сотрудников и спутников его."

Труды ап. Петра и прочих апостолов.

Ап. **Пётр** принял на себя труд распространять христианство между иудеями. Из язычников он обратил в Иерусалиме по особенному внушению Божию целое языческое семейство. В 44 г., когда ему угрожала смерть от Ирода Агриппы, он, освобождённый ангелом из темницы, на долгое время оставил Иерусалим, проповедуя в соседних провинциях, особенно же, в Анти-

охии. Ап. Пётр в 51 г. присутствовал на Апостольском соборе. Считается, что после собора, он, посетив Антиохию, проповедовал иудеям рассеяния в Понте, Галатии, Каппадокии, Асии и Вифинии, к которым писал своё первое послание. Затем ап. Пётр со своим учеником Марком проповедовал в Вавилоне Египетском, и в Александрии ап. Марк основал церковь. Посетил ап. Пётр и Коринф после того, как ап. Павел основал там церковь.

В 67 г. ап. Пётр прибыл в Рим, где, по свидетельству Тертуллиана, рукоположил третьего римского епископа Климента. В 66-м или в начале 67-го года ап. Пётр был заключен в темницу и через несколько месяцев распят на кресте, вниз головой, так как считал себя недостойным быть распятым, как Спаситель.

Ап**. Андрей** проповедовал в Каппадокии, Галатии, Вифинии, вообще по восточным и северным берегам Черного моря и в Скифии. По преданию он был на месте будущего Киева. Мученическую смерть апостол претерпел в Патрасе, в Ахаии. В Византии он поставил первым епископом св. Стахия, и таким образом от него ведёт свое начало константинопольская иерархия.

Выше упоминалось о мученической кончине в 44 г. ап. **Иакова Зеведеева,** который, как пишет Е. Смирнов, вероятно, никогда не оставлял Иерусалима.

Ап. **Иоанн Богослов** был сыном галилейского рыбака Зеведея и жены его Саломии, по преданию, дочери Иосифа Обручника от первого брака. Возлюбленный ученик Спасителя, он, по Его завету, был охранителем Богоматери до самого Её успения. Известно участие его в Апостольском соборе. Достоверно неизвестно, когда именно он появился в Малой Азии. Прибыл он тогда, когда после заключения ап. Павла в узы, тамошние церкви лишились последнего своего руководителя. Постоянным его местопребыванием был Ефес. Около 96 г., при имп. Домициане, он, будучи брошен в котёл с кипящим маслом, чудесным образом остался жив и был сослан на о. Патмос. В 96-98 гг. вернулся опять в Ефес. Скончался он в Ефесе в начале 2 в. в возрасте более ста лет. Его и брата его Иакова за силу духа и огненную ревность Господь прозвал “воанергес,” что значит “сыны громовы.” Им написано Евангелие, три послания и Апокалипсис.

Ап. **Фома**, называемый также Дидимом, проповедовал Евангелие варварским племенам в Парфии, Индии и на близлежащих островах. В Индии он пострадал в г. Каламине (Мальяпур). Мощи его перенесены в Едессу.

Ап. **Филипп** был родом из Вифсаиды, также как апп. Пётр и Андрей. По более поздним сказаниям он устроил церковь во Фригии; скончался в г. Иераполе, у гробницы его всегда было много людей

Ап. **Варфоломей** был родом из Каны Галилейской. По достоверным свидетельствам, он проповедовал в Счастливой Аравии и Индии, пострадал же (с него живого содрали кожу) в Армении, в г. Алванополе, в нынешнем Дагестане. Еп. Арсений отмечает, что Варфоломея и Нафанаила считают одним и тем же лицом.

Ап. **Матфей,** которого считают бывшим мытарем Левием, был сборщиком податей при Галилейском озере. Сначала он проповедовал евреям. Он написал Евангелие на родном языке. По позднейшим сказаниям, он проповедует то в Македонии, то в Сирии, Парфии, Эфиопии и др. странах. Несомненно только то, что он проповедовал вне пределов Римской империи. Неизвестно, умер ли он естественной смертью, или был замучен.

Ап. **Иаков младший**, сын Иосифа Обручника от первого брака. Он пользовался особым уважением христиан из иудеев и, как епископ Иерусалимский, принимал деятельное участие в Апостольском соборе. Об убиении его в 62 г. упоминалось выше.

Брат его, ап. **Иуда**, называемый Леввеем и Фаддеем, по одним сказаниям, проповедовал в Ливии, по другим — в Сирии и Армении. Еп. Арсений отмечает, что он был повешен на кресте и пронзен стрелами в Армении, в окрестностях Арарата. Имеется одно его послание.

Ап. **Симон Кананит**, по прозвищу Зилот, как полагают, был братом Иакова и Иуды. Известно, что он проповедовал на востоке, в прикавказских странах, сопутствуя ап. Андрею. Скончался он в Анатолии, в 15 верстах от нынешнего Сухуми, при впадении р. Псирста в Чёрное море.

Ап. **Матфей**, избранный на место Иуды Искариотского, проповедовал вне пределов Римской империи. Еп. Арсений отмечает основание им церкви в Синопе.

Ап. **Фаддей**, из 70-ти, сперва сопутствовавший ап. Фоме, отправлен был им около 38 г. к владетелю Едессы, князю Авгарию, верившему в чудеса Спасителя. По преданию, он крестил Авгаря и многих его жителей, положив этим основание Армянской Церкви. Перед смертью он поставил для Едессы епископом Аггея.

Евграф Смирнов так излагает условия проповедничества апостолов и объясняет причины быстрого распространения Церкви: “Апостолы по слову Спасителя ходили с проповедью Евангелия ко всем известным тогда народам. Греко-Римская империя была центром деятельности нескольких апостолов. А некоторые из них, как сказано было выше, посвятили себя проповеди Евангелия среди народов варварских, вне пределов Римского владычества. Все они исполняли дело своего служения с необыкновенной ревностью. Затруднений и препятствий для них как бы не существовало: голод и холод, преследования, темницы, смерть — ничто не останавливало их. Проходя с проповедью Евангелия, апостолы, за исключением немногих, не оставались долго на одном месте, но, устроив церковь в одном месте, переходили в другое и т.д. Результатом их деятельности было то, что во всех больших и важных чем-либо городах Римской империи, напр., Иерусалиме, Антиохии, Эфесе, Филиппах, Солуни, Афинах, Коринфе, Александрии, Риме и др., устроены были христианские церкви. Даже во многих малых городах были христианские общины, как это видно из путешествий ап. Павла. Ученики апостолов, — особенно Павла и Иоанна, воспитавших целое поколение ревностных учителей и проповедников Евангелия, часто бывшие предстоятелями основанных ими церквей, — были их ближайшими помощниками в распространении христианства. Как быстро шло распространение христианства во времена апостольские, видно по тому, что в самом начале 2 века, немного спустя после смерти Иоанна Богослова, правитель Вифинии, Плиний младший доносил императору Траяну, что в этой области христианство проникло, по его выражению, как зараза, не только в города, но даже в сёла и деревни, так что опустели языческие храмы и прекратились языческие празднества. Конечно, такое множество христиан в Вифинии появилось не вдруг после смерти апостолов, а увеличивалось постепенно ещё при их жизни. Вообще, в век апостольский во всей империи насчитывались многие тысячи христиан.

Что касается причин такого быстрого распространения Церкви Христовой в век апостольский, то, как замечали христианские писатели последующего времени, такое распространение есть **само по себе чудо**, трудно объяснимое естественными причинами. Действительно, трудно объяснить, как апостолы, вышедшие из среды иудеев, народа презираемого, люди бедные и незнатные, без всяких внешних средств и пособий, распространили Евангелие на огромном пространстве и среди многих тысяч людей. Естественными причинами только отчасти можно объяснить факт быстрого распространения христианства. С одной стороны — обилие чудес в век апостольский, высокая нравственная жизнь христиан, братская связь членов христианского общества, их благотворительность и помощь, как своим собратьям, так и язычникам и, наконец, Божественное учение, ими проповедуемое, — всё это привлекало мно-

гих вступать в Церковь Христову, с другой стороны, и сами язычники чувствовали большую потребность вступать в Церковь.”

Первые три века.

Распространение Церкви в первые два века христианства.

Распространение христианства апостолами было продолжено их ближайшими преемниками и самими христианскими общинами. Известна проповедническая деятельность **Климента**, третьего епископа Римского, **Игнатия Богоносца**, епископа Антиохийского, **Поликарпа**, епископа Смирнского, **Дионисия Ареопагита, Кодрата**, епископов Афинских и др. Ими же подготовлялись новые проповедники.

Христианские общины были настолько крепки духом и организованы, что легко могли способствовать распространению христианства. Из больших городов проповедь проникала в маленькие, из них в сёла. Особенно влияла на рост христианства высоконравственная жизнь христиан. Евграф Смирнов пишет: “Св. Иустин Философ, писатель 2 века, говорит об этом в своей первой апологии: “Мы можем представить вам многих, которые обратились к вере потому, что или по соседству видели степенность христиан в обыкновенной жизни, или во время путешествия были свидетелями их терпения среди всякого рода неприятностей, встречавшихся на дороге, или узнавали их лучше, ведя с ними дела” (Апол. 1, гл. 20). В 3 столетии христианская Церковь имела своих членов во всех классах общества и так распространилась в Римской империи, что возник вопрос о том, что должно существовать — язычество или христианство. Преследования христиан, возбуждаемые отживающим язычеством, вели только к тому,что место замученных христиан заступали новые во множестве из самих же гонителей.”

Во 2 в. христианские проповедники из Малой Азии насадили христианство в южной **Галлии**. Возникли церкви в Лионе и Вене. Ученики св. Поликарпа, свв. Пофин и Ириней, были епископами Лионскими. Во 2 в. христианство из Рима распространилось в Галлию, а оттуда на восток — к **германцам.** В конце 3 в. известны церкви в Кельне, Трире и Маце, затем и в **Британии**.

В Африке христианство в начале 2 в. из **Карфагена** распространилось в Мавритании и Нубии, и уже к концу того же столетия карфагенская церковь, будучи в постоянных сношениях с римской, процветала. В середине 3 в. там происходили большие соборы местных епископов. Из Рима во 2 в. христианство распространилось в **Испанию.**

Распространялось христианство и вне пределов Римской империи. Из Эдессы оно проникло отчасти в **Персию**. Упоминается о существовании его в **Мидии, Парфии, Бактрии.** Учителя Александрийского училища проповедовали: Пантен в Индии, Ориген — в Аравии.

Гонение на церковь со стороны иудеев.

Иерусалимская Церковь во главе с апостолами, будучи средоточием возникновения христианства, подвергалась особому преследованию со стороны иудейских властей. Они видели,

что простой народ, верования которого в обетованного Мессию были извращены книжниками и фарисеями, внимал проповеди апостолов и присоединялся к христианской Церкви. Только римские правители сдерживали религиозный фанатизм иудейской власти. Римские императоры, расширив с 37 г. права Ирода Агриппы, внука Ирода Великого, дали ему возможность в целях популярности в среде воинствующих иудеев, начать гонения на христиан. Жертвой этого гонения пал ап. Иаков Зеведеев. Та же участь готовилась ап. Петру, но ангел Божий вывел его ночью из темницы.

Иудея после Ирода Агриппы была снова провозглашена римской провинцией и стала управляться прокураторами. Иудейские власти потеряли своё значение в деле управления, и прокураторы сдерживали преследования христиан. В 58 г. иудейские власти напали на ап. Павла и хотели его убить. Но правитель Фест исполнил просьбу апостола отправить его в Рим, как римского гражданина, на суд кесаря. В 62 г., пока не прибыл преемник умершего Феста, первосвященник Анан Младший, узурпировавший верховную власть, приказал побить камнями ап. Иакова Праведного.

С 67 г. по 70 г. происходило восстание иудеев против римлян. В 70 г. при имп. Веспасиане Иерусалим был захвачен римлянами и разрушен. Погибло множество иудеев, главным образом, от голода и междоусобиц. Многие были рассеяны по другим странам или угнаны в рабство. Христиане ещё до осады ушли из Иерусалима в сирийский город Пеллу. Иудеи возненавидели их ещё больше, именуя изменниками, но после разрушения Иерусалима не могли сильно вредить им.

Вне Палестины иудеи рассеяния сначала относились к христианам терпимо, и ап. Павел обращал в языческих странах многих иудеев в христианство. Затем против него восстали начальники синагог. Апп. Павел и Варнава под давлением последних вынуждены были покинуть Антиохию Писидийскую, Иконию, Листру и Дервию. Противодействие встретил ап. Павел и в Солуни, в Верии, в Коринфе, После разрушения храма в Иерусалиме много иудеев появилось в римских областях. Иудеи доносили правительству на христиан, как на людей вредных для общественного блага, и помогали обнаруживать их.

Гонения со стороны язычников.

Язычники греко-римской империи в первое время не отличали христиан от иудеев, вследствие чего к тем и другим относились терпимо. Когда же с увеличением их числа выяснилось различие между ними, языческое общество отнеслось к христианам крайне враждебно. Такой перемене способствовали, прежде всего, те язычники, которые были заинтересованы в сохранении язычества: жрецы, изготовители идолов, прорицатели и т.п. Отвергающих всё это христиан они начали обвинять в отступничестве от национальной религии, в безбожии. Постепенно языческое общество, в особенности, простой народ, признали христиан **безбожниками**, что считалось величайшим бесчестием. Подозрительным казалось уклонение христиан от языческих увеселений и зрелищ. Более злонамеренные язычники стали приписывать христианам самые гнусные преступления, вплоть до обвинения в умерщвлении младенцев для питания их телом и кровию. Их считали людьми самой позорной жизни и человеконенавистниками. В понимании образованных людей их вера представлялась грубым суеверием, а сами христиане — самообольщёнными мечтателями.

Римское правительство сначала не отличало христиан от евреев, — к ним применялись одинаковые законы. Распоряжение императора Клавдия (41-54) об изгнании христиан из Рима направлено было, собственно, против всех иудеев, поднявших тогда восстание в Риме. В

Римской христианской церкви в то время находились уверовавшие из иудеев. В дальнейшем правительство различало религии покоренных народов на дозволенные и недозволенные. Христианство признавалось недозволенным. Быстрое распространение его считали опасным для национальной веры — язычества. Непризнание христианами императора богом, отказ принесения ему жертв и поклонения его изображению, породило подозрение их в измене. Подозревалась принадлежность христиан к тайному обществу заговорщиков, которые, под видом религиозных стремлений, замышляют свергнуть существующий порядок. Начались жестокие гонения, которые продолжались в течние двух с половиной веков.

Гонения на христиан со стороны императоров.

При имп. Нероне (54-68 г). произошло первое настоящее гонение на христиан, до тех пор носившее частный и случайный характер. “Произошло оно по следующему поводу. Деспот-император, губивший для своего удовольствия жизнь и благосостояние своих подданных, сжег более половины Рима. Общественное мнение в этом пожаре обвиняло его. Чтобы отвести от себя подозрения и успокоить волновавшийся народ, Нерон обвинил в поджоге христиан. А так как о христианах сложилось уже мнение, как о человеконенавистниках, то народ без труда поверил такой клевете, и как правительство, так и народ начали преследовать христиан. В Риме правительство хватало множество христиан и обвиняло их, по отзыву Тацита, “не столько в поджигательстве, сколько в ненависти к человеческому роду.” Многие из них претерпели ужасные мучения, пока не были замучены до смерти. Их одевали в шкуры зверей и травили собаками, распинали на крестах, обливали горючими веществами и сжигали по ночам вместо факелов для освещения садов Нерона. Гонение при Нероне, начавшееся в 65 г., продолжалось до 68 г., когда этот государь самоубийством положил конец кровопролитию. В это гонение пострадали в Риме апп. Пётр и Павел; Пётр был распят на кресте вниз головой, а Павел усечён мечом. Хотя Нерон не издавал никакого общего для всей империи закона относительно христиан, тем не менее, гонение едва ли ограничилось одним Римом; по крайней мере, правители провинций могли теперь безнаказанно дозволять черни выражать свою ненависть к христианам насильственными мерами” (Евграф Смирнов).

Преемники Нерона, императоры **Веспасиан** (69-79) и **Тит** (79-81), оставили христиан в покое. Это были государи справедливые и в своей империи терпимо относились ко всем религиозным и философским учениям.

При **Домициане** (81-96), враге христиан, в 96 г. в Рим из Ефеса был вызван ап. Иоанн Богослов. Домициан приказал ввергнуть его в котёл с кипящим маслом. Когда святой остался невредимым, он сослал его на остров Патмос. При Домициане св. Антипа, еп. Пергамский, был сожжён в медном быке.

Император **Нерва** (96-98) возвратил из заточения всех сосланных Домицианом, в том числе и христиан. Он запретил рабам доносить на господ и, вообще, боролся с доносами, в том числе и на христиан. Но и при нем христианство оставалось ещё **недозволенным**.

При имп. **Траяне** (98-117) потерпели, в числе многих христиан, св. **Климент**, еп. Римский, св. **Игнатий Богоносец**, еп. Антиохийский и **Симеон**, еп. Иерусалимский, 120-летний старец, сын Клеопы, преемник по кафедре ап. Иакова.

Имп. **Адриан** (117-138) гонения продолжал, но он принял меры для обуздания неистовства толпы против христиан. Обвиняемые должны были подвергаться судебному разбирательству и только по признании их вины наказываться. При нём впервые выступают защит-

ники христиан — апологеты. Таковы были **Аристид** и **Кондрат**. Их апологии способствовали изданию указанного закона.

Преемник Адриана, **Антонин Пий** (138-161), продолжал его политику в отношении христиан.

При сильных гонениях в царствование **Марка Аврелия Философа** (161-180) принял мученическую смерть в Риме св. **Иустин Философ**, основавший там христианскую школу; тогда же, в 166 г. замучены были и его ученики. Особенно сильны были гонения в Смирне, где был замучен св. **Поликарп**, еп. Смирнский, и в галльских городах Лионе и Вене.

Преемник Марка Аврелия, его сын **Коммод** (180-192), мало занимался делами правления. Он не продолжал политики отца в отношении христиан. Лично он был даже, скорее, благосклонен к ним, под влиянием на него одной женщины, Марции, вероятно — тайной христианки. Но и при нём были отдельные случаи преследования христиан. Так в Риме был казнен сенатор Аполлоний, защищавший в сенате христиан, обвинённый своим рабом в принадлежности к христианству. Но за донос казнён был и раб.

При императоре **Септимии Севере**, занявшем престол после междоусобной войны и царствовавшем с 196 по 211 г., в Александрии, в числе других, был обезглавлен Леонид, отец знаменитого Оригена, а также брошена в кипящую смолу девица Потамиена, поразившая красотой исполнителей казни и своим мужеством обратившая ко Христу одного из них, Василида, также принявшего мученический венец. В Лионе был замучен св. **Ириней**, тамошний епископ. Особенно замечательны своим мужеством мученики Карфагенской области, где гонения были сильнее, чем в других местах. Здесь Фивия Перпетуя, молодая женщина благородного происхождения, несмотря на просьбы и слезы отца и материнскую любовь к своему ребенку, объявила себя христианкой, за что была брошена в цирк на растерзание зверями и добита мечом гладиатора. Та же участь постигла и другую христианку, рабыню Фелицитату, мучившуюся родами в темнице, и её мужа Ревоката.

При сыне и преемнике Севера, жестоком **Каракалле** (211-217) положение христиан не изменилось. Частные и местные преследования продолжались.

Со времени имп. **Гелиогабала** (218-222) правительство на некоторое время оставило христиан в покое. Гелиогабал не преследовал их, потому что сам не был привязан к римской государственной религии. Воспитанный на востоке, он особенно увлекался сирийским культом солнца, с которым стремился объединить и христианство. К тому же к этому времени народные возмущения против христиан начинают ослабевать. При ближайшем знакомстве с ними, особенно, в лице христианских мучеников, народ начинает разубеждаться в своих подозрениях относительно их жизни и учения.

Преемник Гелиогабала, император **Александр Север** (222-235), сын почтенной Юлии Маммеи, почитательницы Оригена, не смотрел на христиан как на заговорщиков, заслуживающих ненависть своею позорной жизнью. Усвоив миросозерцание неоплатоников, искавших истины во всех религиях, он познакомился и с христианством. Не признав его безусловно-истинной религией, он, однако, нашёл в нем много достойного уважения и многое из него принял в свой культ. В его божнице, наряду с признаваемыми им божественными существами, Авраамом, Орфеем, Аполлонием, стояло изображение Иисуса Христа. При нём в Риме произошел спор между христианами и язычниками за права владения одним из городских мест, на котором была построена христианская церковь. Александр Север разрешил спор в пользу христиан. Но христианство все же не объявлялось “религией дозволенной.”

Преемник Севера, **Максимин Фракиянин** (235-238), был врагом христиан из ненависти к своему предшественнику, которого убил. Чтобы утвердить себя на престоле, он решил поддерживать фанатическую партию среди язычников. Он успел в течение непродолжительного

правления издать, по настоянию префекта Каппадокийской области, ненавистника христиан, эдикт о преследовании христиан, в особенности, пастырей Церкви. Гонение, разразившись в Понте и Каппадокии, не было повсеместным, так что в других местах империи христиане жили спокойно.

После Максимина правили императоры **Гордиан** (238-244) и **Филипп Аравитянин** (244-249), оба настолько благосклонные к христианам, что впоследствии возникло о последнем из них мнение, что он и сам был тайным христианином. Вероятно, они придерживались воззрений Александра Севера. Преследований при них не было. Таким образом, за исключением времени правления Максимина, христиане в течение тридцати лет пользовались относительным покоем. В это время христианство успело распространиться в Римской империи настолько, что не оставалось города, где не было бы большого количества христиан. Христианство принимали даже многие из богатых и знатных людей. Но если народные массы по отношению к христианам сделались сдержаннее, если некоторые из императоров были лично благосклонны к ним, почему христианство так быстро и распространялось, то с другой стороны, фанатическая партия в язычестве ненавидела их ещё более и дожидалась случая, когда императорская власть будет в руках человека, разделяющего её взгляды, чтобы полностью истребить христиан. Это и случилось при Декии Траяне.

Император **Декий Траян** (249-251), захвативший престол после борьбы с Филиппом, был ненавистником христиан уже только потому, что его предшественник был к ним благосклонен. Кроме того, как человек грубый, он не размышлял много о верованиях, следуя древнему идолопоклонству и разделяя убеждение, что целостность и благосостояние государства неразрывно связаны с сохранением старой религии. Партии языческих фанатиков такой именно правитель и был нужен. Христиан он задумал истребить полностью. Преследования христиан, которые начались после эдикта 250 г., превосходили все предшествующие своей жестокостью, за исключением, разве, гонения Марка Аврелия. В это жестокое гонение многие отпали от христианства, потому что в предшествовавшее спокойное время многие принимали христианство не по истинному убеждению. Но было и много исповедников, гибнувших в мучениях. Основная тяжесть гонения обрушилась на предстоятелей церквей, которые были опорой христианских обществ. В Риме в начале гонений пострадал еп. Фабиан, равно как приняли мученическую кончину Карп, еп. Фиатирский, Вавила, еп. Антиохийский, Александр, еп. Александрийский и др. Знаменитый же учитель Церкви Ориген претерпел множество истязаний. Некоторые из епископов, чтобы в такое тяжкое время не оставить паств своих без пастырского руководства, покидали на время места, где они жили, и издали управляли ими. Так поступили св**. Киприан Карфагенский** и **Дионисий Александрийский**. А св. Григорий Неокесарийский собрал всех своих пасомых и удалился с ними на время гонения в пустыню, вследствие чего у него совсем не было отпавших. К счастью, гонение продолжалось только около двух лет. В конце 251 г. Декий был убит во время войны с готами.

При **Галле** (252-253) снова начались гонения на христиан из-за того, что они отказались от языческих жертвоприношений, назначенных императором по случаю общественных бедствий, но скоро прекратились. В это гонение пострадали в Риме **Корнилий** и **Луций**, сменившие друг друга епископы.

Император **Валериан** (253-260) в начале своего правления был благосклонен к христианам, но под влиянием друга Маркиана, фанатика-язычника, начал в 257 г. преследования. Он приказал ссылать в заточение епископов, пресвитеров и диаконов, с запрещением остальным христианам созывать собрания. Эдикт не достиг цели. Сосланные епископы из мест заточения управляли своими паствами, как напр., св. **Киприан Карфагенский** и **Дионисий Александрийский**, и христиане по-прежнему собирались на собрания. В 268 г. последовал второй

эдикт, повелевавший казнить священнослужителей, христиан высших классов обезглавливать мечом, знатных женщин ссылать в заточение, придворных, лишив прав и имений, отправлять на работы в царские поместья. О низших классах ничего не говорилось, но с ними тогда и без этого поступали жестоко. Началось жестокое избиение христиан. В числе пострадавших были римский епископ **Сикст II** с четырьмя диаконами, св**. Киприан, еп. Карфагенский**, принявший мученический венец на глазах паствы.

В 259 г., во время войны с персами Валериан был взят в плен и на престол вступил сын его, **Галлиен** (260-268). Он двумя эдиктами объявил христиан свободными от преследований, возвратил им конфискованное имущество, молитвенные дома, кладбища и пр. Таким образом, христианскому обществу давались дозволенные всем в империи имущественные права. Для христиан надолго наступило спокойное время.

Хотя один из последующих императоров, Домиций Аврелиан (270-275), как грубый язычник, не был расположен к христианам, но и он признавал за ними предоставленные им права. Так, в 272 г., будучи в Антиохии, он принял к своему рассмотрению просьбу тамошних христиан, касавшуюся имущественных интересов церкви (еп. Павел Самосатский, низложенный за ересь, не хотел отдать храм и дом епископа вновь поставленному еп. Домну) и решил дело в пользу законного епископа. В 275 г. Аврелиан решил возобновить преследования, но в том же году был убит во Фракии.

В наступившее с 260 г. мирное время, продолжавшееся до конца третьего столетия, христианство **начинает распространяться с необыкновенной быстротой.** Его принимают высокопоставленные лица. Церковь открыто вступает в мир. Появляются благоустроенные христианские храмы, в которых на виду у язычников совершаются богослужения. Христиане не скрываются. Епископы становятся известными язычникам и пользуются среди них уважением и почётом. Но фанатическая партия язычников была ещё очень сильна. Она более, чем когда-либо, понимала, что теперь, при быстром распространении христианства, возникает уже вопрос о том, что должно существовать — христианство или язычество? За этим вопросом, по представлению язычников, следовал другой — о существовании самой Римской империи, которая тесно была связана с языческой религией. Поэтому воинствующее язычество употребляло все усилия к тому, чтобы решить этот вопрос поголовным истреблением христиан (Евграф Смирнов).

Диоклетиан (284-305) в продолжение почти 20 первых лет своего правления не преследовал христиан, хотя лично был привержен к язычеству. Он стремился успокоить подданных государства, постоянно раздираемого внутренними смутами. Христианское общество совсем недавно было признано законным. **Максим Геркул**, грубый солдат, не понимавший политических соображений Диоклетиана, готов был преследовать христиан, особенно, находившихся в его войске и нарушавших воинскую дисциплину отказом от принесения языческих жертв. Напротив, помощник Геркула, кесарь **Констанций Хлор**, человек добросовестный, уважавший всюду добродетель, смотрел на христиан без предубеждения, даже уважал их за твердость в вере, не без основания предполагая, что они также твердо должны быть преданы государю. Но злейшим из всех четырёх правителей был зять Диоклетиана, кесарь **Галерий**. Выходец из низшего сословия, он находился под влиянием своей матери, грубой и суеверной язычницы, и сам был предан язычеству и ненавидел христиан. В нем фанатическая партия язычников нашла нужного ей проводника своих планов. Как подчиненный кесарю, он мог только ограничиться частичными преследованиями христиан, удаляя их от своего двора, отстраняя от военной службы и т.п. Диоклетиан, пока был в силах и не состарился, сдерживал вредные для империи порывы Галерия. Он согласился только издать эдикт об удалении христиан из войска.

В 303 г. Галерий, наконец, достиг своей цели. Он приехал в Никомидию, находящуюся в Вифинии, местопребывании Диоклетиана, и, поддерживаемый жрецами и другими фанатиками, настоятельно требовал издания общего закона против христиан. Старый и больной Диоклетиан, тяготившийся делами правления, подчинился влиянию зятя. Один за другим последовали четыре эдикта, из которых самым страшным был изданный в 304 г., согласно которому все христиане поголовно осуждались на пытки и мучения с целью принудить их к отречению от веры. Начались **самые страшные гонения**, которые до тех пор испытали христиане. Подробно об этих гонениях рассказывает их современник, известный Евсевий, еп. Кесарийский, в своей церковной истории. Устроив такую кровавую резню христиан, правители полагали, что христианское имя истреблено совершенно, и хотели торжествовать победу, приказав выбить медали в память истребления и восстановления почитания богов. Но торжество оказалось преждевременным. Выступали всё новые и новые поборники его, отдававшиеся на всевозможные мучения. Вообще же, в этой последней борьбе с отживающим язычеством, отпавших христиан было гораздо менее, чем при Декии.

Между тем, в управлении империей произошли существенные перемены. В 305 г. императоры Диоклетиан и Максимиан удалились от дел. Титул августов получили: на востоке — **Галерий**, а на западе — **Констанций Хлор**. Кесарями же, после избрания Галерия, стали: на востоке родственник его, **Максимин**, а на западе — **Север**. Последний вскоре был свергнут **Максентием**, сыном Максимиана Геркула, который сам на время принял участие в управлении для поддержки сына. В 306 г. произошла новая перемена, особенно важная для христиан. Умер Констанций Хлор и титул императора на западе принял сын его, **Константин**, унаследовавший благосклонность отца своего к христианам. Галерий не доволен был положением на западе. Он послал войска против Максентия на защиту Севера. Не признавал он августом Константина, которого ненавидел ещё тогда, когда находился при дворе Диоклетиана, а также опасался его противодействия в деле преследования христиан.

Такая политическая обстановка была с одной стороны невыгодна для христиан. Галерий, став августом-императором, продолжал преследования с той же жестокостью. На востоке его усердным помощником был кесарь Максимин. Но с другой стороны для христиан западной половины империи наступило более спокойное время. Еще Констанций Хлор только для видимости исполнял некоторые эдикты, как например, допустил разрушение нескольких церквей, Константин же вообще не преследовал христиан. Максентий, мало заботившийся об управлении, не преследовал христиан систематически, ограничиваясь лишь частными истязаниями и поруганиями. Таким образом, когда на западе гонение почти прекратилось, на востоке оно продолжалось столь же жестоко. Но, наконец, силы нападающих язычников истощились. Церковь, которую, по словам Спасителя, не одолеют и врата ада, не могла погибнуть от злобы людей. Злейший враг христиан, **Галерий**, пораженный тяжкой и неизлечимой болезнью, убедился, что никакая человеческая сила не может уничтожить христианства. Поэтому в 311 г., незадолго до своей смерти, выбрав одного из своих полководцев, **Ликиния**, вместе с ним и с западным императором Константином издал эдикт о **прекращении гонения на христиан**. В указе, между прочим, говорилось: “Позволяем христианам оставаться христианами и строить дома для своих обычных собраний; за такое наше снисхождение христиане должны молить своего Бога о нашем здравии, о благосостоянии общественном и своём собственном.” Тем самым римское правительство торжественно засвидетельствовало своё бессилие в борьбе с христианами. Вследствие эдикта, христиан, прежде гонимых и ссылаемых, прекратили выискивать и возвращали из заточения. Снова стали появляться христианские храмы и совершаться богослужения. Даже язычники, познакомившиеся ещё ближе с христианами, радовались часто вместе с ними, изумляясь силе христианского Бога, защищавше-

го Свою Церковь. Эдикт был обязателен для кесарей. Но **Максимин**, управлявший Сирией и Египтом, сначала по необходимости покорившийся требованию императоров, был против прекращения гонения, тем более что после смерти в 311 г. Галерия не признавал Ликиния августом и присвоил себе императорское достоинство. Он начал было по-прежнему преследовать христиан, запрещал им строить, изгонял из городов, некоторых увечил. Им были преданы смерти известный епископ Емесский Силван, сорок лет проходивший своё служение, кесарийский пресвитер Памфил, ученый антиохийский пресвитер Лукиан, Александрийский епископ Петр и др.

На западе Максентий, хотя и должен был подчиниться эдикту, но оставался таким же тираном своих подданных, как христиан, так и язычников. Но скоро оба кесаря — противники христиан вынуждены были совсем оставить правление. В 312 г. император запада, Константин, поразив под спасительным знамением креста ненавидимого всеми тирана Максентия, стал единодержавным правителем запада и окончательно склонился в пользу христиан. В 313 г. случилось то же на востоке и с Максимином, который был низвержен Ликинием, утвердившим свое господство в его провинциях.

Святые мученики.

Велик и славен сонм мучеников за Господа Иисуса Христа. Отметим некоторых из них.

Св. Игнатий, епископ Антиохийский.
(107 г., память 20 декабря).

Св. Игнатий был учеником ап. Иоанна Богослова и около 70 г. по Рождестве Христовом был рукоположен во епископы, управляя Антиохийской церковью более 30 лет. В 107 г. император Траян, отправляясь на войну с персами, прибыл в Антиохию. Граждане Антиохии устроили по этому случаю веселые празднества, на которых царили разгул и пьянство. Христиане не приняли в них участия. Об этом донесли императору, а на епископа Игнатия было указано, как на главного виновника. Учинен был допрос, и последовало решение императора: “Игнатия приковать к воинам и отправить в Рим на съедение зверям для увеселения народа.” Антиохийские христиане с глубокой скорбью и слезами проводили своего старца-епископа. Малоазийские церкви, зная, как тяжел и утомителен путь св. Игнатия в Рим к месту казни, оказывали ему самое трогательное внимание и уважение. Многие церкви высылали навстречу св. Игнатию своих представителей, чтобы приветствовать его и послужить ему. Известны семь посланий к разным церквам, написанные св. Игнатием в пути в ответ на эти трогательные изъявления братской любви. Между прочим, узнав, что римские христиане хлопочут об его освобождении, он писал им, чтобы они оставили это и не мешали ему пострадать за Христа.

Наконец, настал день страданий. Св. Игнатий радостно вошел в амфитеатр, беспрестанно повторяя имя Христово. “Что ты повторяешь одно и то же слово?” — спросили его воины. Св. Игнатий ответил: “Оно написано у меня на сердце, потому и повторяют Его уста.” С молитвою ко Господу вышел он на арену. Дикие звери были спущены и с яростью растерзали святого исповедника, оставив от него только несколько костей. Эти кости с благоговением собрали антиохийские христиане, сопровождавшие своего епископа до места мучения, завернули их, как драгоценное сокровище, в чистое полотно и отвезли в свой город. Св. Игнатий пострадал 20-го декабря, и ученики его сообщили об этом окружным церквам для того, чтобы ежегодно праздновать этот день в память священномученика.

Св. Поликарп, епископ Смирнский.
(память 23 февраля).

Св. Поликарп вместе с Игнатием Богоносцем был учеником Иоанна Богослова. Рукоположенный апостолом во епископа Смирнского, он отечески пас Церковь более сорока лет и пережил несколько гонений.

В начале гонения при императоре Марке Аврелии взволнованная языческая чернь потребовала казни святого епископа. Поликарп хотел остаться в городе, но потом внял просьбе близких ему людей и удалился в одно селение. Здесь во время молитвы ему было видение, что горит изголовье на его постели. Он сказал своим спутникам: “Я буду сожжён живым.” Наконец, место его убежища было открыто. Со словами: “Да будет воля Господня!,” Поликарп сам вышел к своим преследователям и даже велел дать им угощение, попросив себе только некоторое время для молитвы, по окончании которой бодро отправился на место мучения.

Вблизи города встретили его начальники римской стражи и стали уговаривать к отречению от Христа, но св. Поликарп оставался непреклонен. При появлении его на городской площади чернь подняла страшный крик. В эти минуты явственно для св. Поликарпа и окружавших его христиан раздались слова: “Мужайся, будь непоколебим!” Проконсул сказал св. Поликарпу: “Пощади свою старость, одумайся, поклянись гением кесаря, произнеси хулу на Христа, и я тебя отпущу.” Св. Поликарп отвечал: “Восемьдесят шесть лет я служу Ему и видел от Него только доброе: могу ли я хулить Царя моего — Спасителя?” — Проконсул стал грозить ему дикими зверями, костром и проч. Поликарп твёрдо стоял в своём исповедании, и радостно сияло его лицо. Толпа между тем неистово кричала: “Это учитель нечестия, отец христиан, хулитель наших богов; ко львам его!” Когда распорядитель зверинца в цирке объявил, что представление уже окончено, то раздались новые крики “сжечь Поликарпа,” — и проконсул согласился с этим требованием.

Тотчас натаскали брёвен и дров, причем особенно усердствовали евреи. Св. Поликарпа, по обычаю, хотели приковать к столбу железными скобами, но он попросил, чтобы не заковывали. “Тот, Кто даст мне силу терпеть сожжение, — сказал он, — поможет и без железных уз быть на костре неподвижным!” Поэтому привязали его к столбу только веревками. Как писали очевидцы: “С руками, связанными за спиной, он походил на агнца, избранного в жертву, благоприятную Господу.” Перед самым зажжением костра, св. Поликарп произнес молитву, в которой благодарил Бога за то, что Он причисляет его к сонму мучеников. Когда костер был зажжён, то, ко всеобщему удивлению, пламя вздулось как бы от сильного напора ветра и окружило мученика наподобие сияния: в воздухе носился аромат ладана и благоуханных кореньев. Видя, что пламя не действует, один из палачей поразил св. Поликарпа мечом. Тогда его кровь полилась так обильно, что погасила пламя костра. Язычники и евреи, однако же, снова развели огонь и держали его, пока не сожжено было тело священномученика. Осталось от него только несколько костей. Христиане с благоговением собрали их и затем ежегодно совершали в день кончины (23 февраля) святую память его.

Св. Иустин Философ.
(166 г., память 1 июня).

Св. Иустин Философ, по происхождению грек, в юности почувствовал влечение к философии, слушал все известные тогда философские школы (стоиков, перипатетиков, пифагорейцев) и ни в одной не нашел удовлетворения. После этого ему встретился один старец величественной наружности и указал ему на писания пророков и апостолов, но “прежде, — ска-

зал он, — молись Богу и Господу Иисусу Христу, чтобы Он просветил очи твоего сердца.” Иустин начал изучать священные книги и всё более и более убеждался в божественном происхождении христианской религии. Окончательно склонили его к вере Христовой то мужество и та радость, с которыми христианские мученики и мученицы шли на страдания.

Сделавшись христианином, Иустин не снял с себя философской мантии, дававшей ему право вступать в учёные споры. Он путешествовал по разным странам, был в Палестине, Малой Азии, Египте, Риме и всюду старался привести искателей мудрости к той истине, которая наполнила миром и радостью его собственное сердце. В то же время он старался защищать христиан от обвинений со стороны язычников**.** Известны две апологии, написанные им в защиту христиан, и несколько сочинений, в которых он доказывает превосходство христианства над иудейством и язычеством. Один из его противников (циник Крискент), не в силах преодолеть его в спорах, донес на него римскому правительству, и Иустин безбоязненно и радостно встретил мученическую кончину.

Св. Киприан, епископ Карфагенский.
(258 г., память 31 августа).

Св. Киприан происходил из знатного рода и получил отличное образование, был адвокатом, жил весело и роскошно. Но светская жизнь с её развлечениями и удовольствиями не удовлетворяла его. В это время разочарования и скуки пресвитер Цецилий указал ему путь к истине. Киприан живо изображает ту великую перемену, какую он почувствовал и в сердце и в жизни после святого крещения, и сохранил к Цецилию живейшую благодарность, в знак которой присоединил имя его к своему имени. Тотчас по своем обращении, он продал свои сады и виллы и деньги раздал бедным, и за строгую подвижническую жизнь и высокое просвещение через два года после крещении, был поставлен уже епископом карфагенской церкви против собственной воли по единодушному и непреклонному желанию народа. На кафедре святителя Киприан проявил неутомимую деятельность и необыкновенную энергию для поддержания дисциплины в клире церковном и добрых нравов в обществе, которые начали колебаться и изменяться к худшему вследствие продолжительного мира церкви. Он принимал самое живое участие в разрешении вопросов о принятии в церковь падших (т.е. изменивших вере во время гонений, которых было особенно много во время жестокого гонения Декия), о крещении ушедших от еретиков и раскольников, для чего входил в сношения с римской и восточными церквами. Памятниками энергичной архипастырской деятельности св. Киприана остались его творения, которые имеют руководственное значение, преимущественно в вопросах церковной дисциплины.

Как только в Карфагене стал известным указ Декия, направленный против христиан, то, прежде всего, раздались крики языческой черни: “Ко львам Киприана.” Верующие убедили святого епископа удалиться на некоторое время из Карфагена. Из убежища своего он строго следил за паствой, ободрял христиан в то тяжелое время, обличал нарушителей заведенных им церковных порядков, боролся с возмутителями церкви (Новатом и Фелициссимом), ниспровергал возводимую на него клевету. Возвращение его было встречено радостными криками народа, и с его появлением прекратились раздоры, и водворился мир в церкви. В начале гонения при правлении Валериана (в 257 г.), Киприан был заточен в одном городе среди знойной пустыни. Св. Киприан находил, однако же, возможность и отсюда управлять церковью. Здесь было ему видение о предстоящем ему мучении, и назначен срок для приготовления к кончине. Св. Киприан желал одного, чтобы пострадать в Карфагене. Желание это исполнилось. Он был возвращен в Карфаген и предан язычникам. На требование проконсула принести жертву идолу, он отвечал отказом, и когда ему был объявлен смертный приговор,

радостно воскликнул: “Слава Богу!” Спокойно вошёл он на место мучения; преклонив колена, помолился, благословил народ, распорядился, чтобы палачу был сделан подарок, сам завязал себе глаза и преклонил голову для отсечения. Христиане взяли тело его и с великой честью похоронили, причем кровь его, тщательно собранная верующими в платки, сохранилась как драгоценное сокровище.

Св. Сикст и св. архидиакон Лаврентий.
(261 г., память 10 августа).

В то же самое гонение, в которое был усечён мечом священномученик Киприан, пострадал и св. Сикст, папа Римский. Когда вели Сикста к месту казни, огромная толпа народа окружала его. Вдруг через толпу протискивается один молодой человек, подходит к епископу, удерживает его за одежду и со слезами восклицает: “Куда ты идёшь, отец мой, без сына своего?” Это был архидиакон римской церкви Лаврентий. “Я не оставлю тебя, сын мой, — с любовью ответил ему Сикст. — Мы, старцы, ведем легкую брань, тебя ожидает более славный подвиг; скоро ты последуешь за мной.”

Предречение это исполнилось. Вскоре после блаженной кончины св. Сикста, римский префект призвал к себе архидиакона Лаврентия и потребовал от него выдачи сокровищ Римской церкви, о которых ходила среди язычников преувеличенная молва. “Ваше учение, — с насмешкой сказал ему префект, — повелевает вам отдать кесарево кесарю: отдай же деньги, на которых вырезан портрет императора.” Лаврентий спокойно отвечал: “Подожди немного, дай привести дела в порядок.” Дано было ему три дня срока. На третий день св. Лаврентий собрал бедных, которые получали пособия от Римской церкви, и привёл их на двор префекта. “Выйди, — сказал он префекту: — посмотри на сокровище нашей церкви; весь двор твой полон золотых сосудов.” “Ты смеешься надо мной, — с гневом сказал префект, увидев бедных, — я знаю: вас учат презирать смерть; но я заставлю тебя долго мучиться.” Он приказал раздеть св. Лаврентия и привязать к железной решетке. Под решетку подложили хворост и зажгли его. Святой мученик несколько минут лежал на одном боку и не произнес ни одного звука. Затем спокойно сказал: “Испеклось уже; пора перевернуть,” и, с молитвой за мучителей, предал дух свой Господу.

Св. мученицы София, Вера, Надежда и Любовь.
(около 137 г., память 17 сентября).

В первой половине 2 в. по Р. Х. жила в Риме вдова-христианка, по имени София. Три дочери её носили имена трёх главных христианских добродетелей: Вера, Надежда, Любовь. Будучи сама христианкой, она воспитывала их в духе святой веры. На них донесли императору Адриану, и он пожелал их видеть. Легко было догадаться, зачем их зовут, и они стали с молитвой готовиться к мученичеству.

Мать убеждала юных дочерей отдать жизнь за Христа. “Дети мои, — говорила она, — вспомните, что я в страданиях родила вас, со многими трудами воспитала вас: утешьте старость матери вашей твёрдым исповеданием имени Христова.” Укреплённые молитвой и увещаниями матери, три отроковицы, из которых старшей было только двенадцать лет, безбоязненно исповедали перед царем веру и на глазах матери после мучений были обезглавлены. Софию царь не предал мучениям, зная, что мучения не поколеблют её веры, и позволил ей даже похоронить дочерей, но на третий день после испытанного ею потрясения при виде страданий своих дочерей, и она предала Богу свою душу (около 137 г., память их 17 сентября).

Св. великомученица Анастасия Узорешительница.
(около 304 г., память 22 декабря).

Св. Анастасия была дочерью знатного и богатого римлянина. Отец её был язычником, мать — христианкой. Отличаясь умом и красотой, она получила блестящее воспитание. Мать и один ревностный христианин, по имени Хрисогон, зажгли в её сердце любовь ко Христу и, ради Него, ко всем бедным и страждущим. В особенности же она сострадала заключенным в темницах. После кончины матери, она была против своей воли выдана замуж. Муж её был человек жестокий и, опасаясь, что она всё богатство расточит на заключённых, стал держать её взаперти. Лишенная свободы и возможности посещать томившихся в темницах, она писала своему воспитателю: “Моли за меня Бога, за любовь к Которому я страдаю до изнеможения”… Старец ей ответил на это: “Не забывай, что ходящий по водам Христос силен утишить всякую бурю.” Вскоре муж её умер, и она получила свободу. Теперь она уже не ограничивалась темницами одного Рима, но переходила из города в город, из страны в страну — доставляла узникам пищу, одежду, омывала их раны, просила тюремных стражей, чтобы они освобождали страдальцев от железных оков, натиравших им раны, и за это платила им большие деньги. За все эти подвиги человеколюбия и присвоено ей наименование Узорешительницы. Один раз, придя в темницу к узникам, которым она служила ещё накануне, она не нашла их на месте, так как ночью все они были казнены, и горько заплакала. Заключив из этого, что и она христианка, её взяли и отдали на суд правителю. Употреблены были все меры, чтобы склонить её к отречению от веры, но все они остались безуспешными. Тогда присуждена была ей страшная казнь: привязать к четырем столбам, под ними развести огонь и сжечь живою; но прежде, чем разгорелось пламя, она скончалась (около 304 г. Память ее 22 декабря).

Великомученица Екатерина и царица Августа.
(310 г., память 24 ноября).

Св. великомученица Екатерина родилась в Александрии, происходила из знатного рода и отличалась мудростью и красотой.

Многие богатые князья искали её руки. Мать и родные уговаривали её вступить в супружество, чтобы богатство отца её не перешло в чужие руки. Но она отказывала женихам и говорила близким своим: “Если хотите, чтобы я вышла замуж, то найдите мне юношу, который был бы мне равен по красоте и учёности.” Один старец-пустынник, человек светлого ума и праведной жизни, сказал ей: “Я знаю одного чудного отрока, который превосходит тебя во всех твоих дарованиях, нет ему подобного.” В заключение беседы он дал ей икону Пресвятой Девы с Божественным Младенцем. После этого, ночью, в лёгком сне, представилось ей, что Царица Небесная, окружённая ангелами, стоит перед ней и держит на руках Младенца, и от Него исходят как бы солнечные лучи. Но напрасно старалась Екатерина взглянуть на лицо Младенца. Он отворачивал от неё Свой Светлый лик. “Не презирай Твоего создания, — говорила Божия Матерь, — скажи ей, что должна она делать, чтобы насладиться славой Твоей и увидеть светлое Твоё лицо.” “Пусть идёт она к старцу, — отвечал Младенец, — и узнает от него, что ей должно делать.”

Чудный сон глубоко поразил девушку. Как только настало утро, она пошла к старцу, упала к его ногам и просила его помощи и совета. Старец подробно объяснил ей истинную веру: говорил ей о блаженстве райском, о погибели грешников. Мудрая дева смирилась и, уверовав всем сердцем, приняла святое крещение.

Екатерина возвратилась домой, обновившись душой, долго молилась, много плакала и заснула посреди своей молитвы; и вот она снова увидела во сне Матерь Божию; но теперь лицо Божественного Младенца обратилось к ней: Он кротко и милостиво взирал на девицу.

Пресвятая Дева взяла правую руку девицы, Божественный Младенец надел ей чудный перстень и сказал ей: “Не знай жениха земного.” Екатерина проснулась с неизъяснимою радостью в сердце.

В то время прибыл в Александрию Максимин, соправитель императора Диоклетиана. Он разослал вестников по всем городам, сзывая народ на языческий праздник. Екатерина скорбела о таком безумстве царя и народа. Когда настал день праздника, она пошла в храм и безбоязненно сказала царю: “Не стыдно ли тебе, царь, молиться мерзким идолам? Познай истинного Бога, безначального и бесконечного; Им цари царствуют и мир стоит. Он сошёл на землю и сделался Сам человеком для спасения нашего.” Максимин заключил её в темницу за неуважение к богам. Затем он велел собрать ученых, чтобы разубедить девицу, но они не могли противостоять ей в слове и признали себя побеждёнными. Царь не оставлял, однако, намерения убедить Екатерину и старался прельстить её дарами и обещаниями почестей и славы. Но Екатерина отвечала, что одежда мученицы для неё краше царской багряницы.

Между тем Максимин по делам удалился из города. Царица Августа, жена его, много слышавшая о дивной красоте и мудрости Екатерины, пожелала видеть её и по её убеждению приняла веру христианскую.

Когда царь возвратился, то снова послал за Екатериной. Твёрдость святой исповедницы опять возбудила в нем злобу; он велел принести колесо с твёрдыми зубцами и грозил привязать её к этому страшному орудию казни; но и угрозы не устрашили Екатерину. Тогда царь велел предать её этой ужасной казни, но едва только началось мучение, как невидимая сила сокрушила орудие муки, и св. Екатерина осталась невредима.

Царица Августа, услышав о случившемся, вышла из своего дворца и стала укорять мужа, как он смеет бороться с Самим Богом. Царь страшно разгневался и повелел её умертвить.

На другой день царь в последний раз призвал Екатерину и склонял её к замужеству, но и это было напрасно. Вида тщету усилий своих, царь велел предать её смерти, и воин отсёк ей голову 24 ноября 310 г.

Св. великомученица Варвара и св. великомученица Иулиания.
(память 4 декабря).

Св. великомученица Варвара родилась в Илиополе Финикийском. Отличаясь необыкновенным умом и дивной красотой, она по желанию своего отца Диоскора жила вдали от родных и сверстниц, с одной наставницей и несколькими рабынями в башне, которую отец специально для неё построил. Башня эта стояла на высокой горе, с которой открывался прекрасный вид вдаль. “Кто сотворил всё это?” — спросила она у своей наставницы. “Наши боги,” — отвечала та. Св. Варвара не удовлетворилась этим ответом. После долгого размышления она пришла к мысли о едином Творце мира, и неизъяснимая радость наполнила её душу: свет благодати коснулся её, через творения она познала Творца.

С этой поры все помыслы св. Варвары были устремлены к тому, чтобы полнее познать истинное учение о Боге и Его святой воле. Между тем, отец её отправился на время в другую страну. Получив в его отсутствие большую свободу, св. Варвара имела случай встретиться с некоторыми из жён-христианок, вступила с ними в беседу, и от них узнала то, чего жаждала её душа. С неизреченною радостью приняла она святое крещение. Но вот отец её возвратился и узнал, что дочь, так тщательно им укрываемая, приняла христианство. Страшен был его гнев; он подверг её жестоким истязаниям; потом, видя, что угрозы и наказания остаются бесполезными, ещё более ожесточился и передал её на мучения правителю страны по имени Мартин.

Мартин сначала хотел подействовать на неё ласковым обращением, стал хвалить красоту её и увещевал не уклоняться от древних отеческих обычаев и не раздражать отца непокорством. На это св. Варвара отвечала исповеданием и прославлением имени Христа, Который был ей дороже всех благ и радостей мирских. Убедившись, что увещевания бесполезны, Мартин велел бить её воловьими жилами. Долго мучили её, но ничем не могли поколебать твердой веры. Томили её в темнице. И это оказалось напрасным. Тогда она присуждена была к смертной казни, и сам Диоскор отсёк ей голову (в 306 г. по данным месяцеслова Косолапова. Мощи св. великомученицы Варвары почивали в гор. Киеве, в Михайловском монастыре).

Твердость св. Варвары в исповедании веры так подействовала на одну христианку по имени Иулиания, что она решилась разделить с нею скорби, заключение, истязания, суд и мученическую смерть.

При такой твёрдости в перенесении страданий, какую показывали святые мученики и мученицы, гонения со стороны язычников не только не уничтожили церкви, но, напротив, даже способствовали её распространению. На место пострадавших являлись новые исповедники Христовы. Случались обращения в самой претории, как только являлись туда святые исповедники. “Кровь мучеников — есть семя христиан,” — сказал один из церковных учителей. Гонения способствовали распространению христианства ещё тем, что рассеивали христиан по всей земле и куда бы они ни приходили, всюду насаждали семена веры. Гонения держали верующих на страже веры и церкви, и в непрестанной бодрости способствовали возбуждению духа веры и взаимной любви и очищению церкви от людей слабых и недостойных быть её членами (отделяли золото от примесей).

Эдикт Константина Великого.

“**В** начале 4 в., при постоянных столкновениях с христианами, язычники уже хорошо знали, что такое христианское общество, каковы его цели и стремления, и не находили во всём этом ничего преступного, ничего достойного порицания. Массы народа во время последних гонений уже не принимали в них участия; даже некоторые проконсулы, как например, в Карфагене, были настолько благосклонны к христианам, что позволяли им скрывать священные книги. Видя, что христианская Церковь после трёхвековой кровавой борьбы за своё существование не уничтожена, не поколебалась даже в последнее, жесточайшее из всех гонений, язычники начали сознавать, что в ней присутствует истинная божественная сила, чудесно защищающая её. Это сознание было присуще большинству язычников; только грубые фанатики, поднявшие последнюю борьбу за умиравшее язычество, чужды были ему.

Император Константин, поистине великий, святой и равноапостольный, первый открыто высказал это, тяготевшее над языческим миром, убеждение в истинности христианства и ложности язычества. До обращения своего в христианство он был одним из тех язычников, которые смотрели разумно, без предубеждения, как на язычество, так и на христианство. Первоначальное воспитание под руководством отца Констанция Хлора и матери Елены, благосклонно относившихся к христианам, развило в нём то беспристрастие и благосклонность к христианскому обществу, которым он и отличался впоследствии. Далее с умом философски образованным Константин по самому положению своему имел возможность беспристрастно провести сравнение между отживающим язычеством и полным жизни и силы христианством. В юности он состоял при дворе Диоклетиана и Галерия, видел все ужасы гонения на христиан, видел их твёрдость и имел возможность понять, что только божественная сила воодушевляла их идти на мученичество. Под влиянием живых и сильных впечатлений юности, в душе

Константина, не находившего удовлетворения своему религиозному чувству в язычестве, начинается религиозный переворот. Хотя до 312 г. он считался ещё язычником и даже в 308 г. совершал служение богам, но религиозное сомнение не покидало его. Сближение с христианами, находившимися при дворе, окончательно склонило его к предпочтению христианства перед язычеством. Кроме удовлетворения своего религиозного чувства новой религией, Константин, в противоположность своим предшественникам императорам, видел в замене язычества христианством не падение империи, а обновление её жизни новыми началами; он знал, каким братством соединены между собой христиане, какими верными подданными они могут быть и какой прочный оплот могут составить для государства. Чудесное видение им Креста в 312 г., перед битвой с Максентием, утвердило ещё более Константина в намерении принять христианство и заявить об этом открыто. После победы над Максентием он велел в Риме на видном месте поставить себе статую с крестом в правой руке и с надписью: "Этим спасительным знамением, истинным доказательством мужества, я спас и освободил ваш город от ига тирана." Очень скоро Константин, хотя он ещё и не принимал крещения, доказал самим делом свой переход в христианство. В начале 313 г. в Медиолане (Милан) появился **манифест,** подписанный им и Ликинием, дозволявший каждому свободное исповедание веры и, в частности, разрешавший свободный переход в христианство всякому желающему. Затем Константин повелел возвратить всё, отнятое у христиан и у церквей их во время последнего гонения, недвижимое имущество" ("История Христ. Церкви" Евграфа Смирнова).

Ранняя христианская письменность, Лжеучения.

Нападения на христиан со стороны ученых и философов.

Христианская Церковь в первые века своего существования подверглась нападению и со стороны языческой научной литературы. **Тацит** и **Плиний Младший**, не входя в сущность христианства, именовали его "суеверием": первый — "пагубным," а второй — "грубым и безмерным." Ополчились против христианства и представители стоиков, эпикурейцев, неоплатоников. Им представлялось странным и нелепым то, что люди неучёные, вышедшие из низших классов населения, осмеливаются решать вопросы, над которыми издавна трудились великие умы. Стоики презирали христиан за грубый, по их пониманию, фанатизм, упорство и мучеников — за их святое воодушевление. В середине 2 в. **Флавий Арриан**, ученик Эпиктета, приписывал им "помешательство." Стоик император **Марк Аврелий** презирал их за суеверие и преследовал.

Для эпикурейцев, которые человеческое бытие ограничивали одним только чувственным миром, насмехавшихся и над языческим миром, возвышенное учение христиан представлялось "блужданием по воздуху." Представитель этой школы **Лукиан Самосатский** (ок. 180 г). в своём сатирическом сочинении "О смерти Перегрина" дерзко и неосновательно высмеивает общество христиан. Другой эпикуреец, Цельс (ок. 150 г.), усвоивший идеи платонической школы, собрал всё, что тогда говорилось языческими учеными против христианства. Он старался опровергнуть христианство научными приёмами. В его понимании, христианство — произведение презираемого иудейства, а то, что в нём истинно, — взято у греческих филосо-

фов. Цельс объявляет христианство опасным для всех общественных и политических учреждений.

Неоплатоники принимали в своё миросозерцание и религиозные веры язычников, не исключая и христианство, и признавали Основателя его, Иисуса Христа, великим и святым, причисляя Его к мудрым и благочестивым мужам древности. Представителем такого направления философии был **Аммоний Сакк**, живший в Александрии в конце 2 и начале 3 веков, и ученик его **Плотин,** основавший около 240 г. свою школу в Риме.

“Под влиянием неоплатоников, — пишет Евграф Смирнов, — в языческом обществе, с 3 в. началось оживлённое религиозное движение, разрешившееся религиозно-философским эклектизмом, — направлением крайне неопределенным, следуя которому, каждый мог составить особое религиозное миросозерцание. Известны даже личности Римских императоров, которые держались в религии эклектического образа мыслей; таковыми были Гелиогабал, Александр Север, Филипп Аравитянин и, по всей вероятности, Констанций Хлор. Но если эти государи, усвоившие философию неоплатоников, не как мыслители, а как люди, искавшие правильных религиозных понятий, не считали нужным вооружаться против христианства, то рьяные поборники неоплатонизма не могли оставить его в покое. Имея в виду основную задачу своей системы — дать обществу религию, хотя бы и составленную из тех же религиозных систем, но очищенную от грубого материализма философскими воззрениями, религию, по их понятию, совершенную, — они относились неприязненно к христианству, которое не делало никакой уступки в пользу их системы, по-прежнему оставалось единственно истинной религией в мире, религией Божественной, без всякого слияния с языческими религиями и философией; а это-то и было противно желаниям неоплатоников, стремившихся преобразовать его в свою систему.”

Первым из неоплатоников начал полемику против христианства **Порфирий**, родом из Тира, ученик Плотина (233-304). Из сочинений его наиболее замечательны два: пятнадцать книг “Против христиан” и “О философии оракулов.” Евграф Смирнов пишет: “Общее воззрение у Порфирия то, что Основатель христианства — Христос — был муж благочестивый; Он Сам не желал, чтобы Его почитали за Бога, но Его последователи, будто бы, дошли до такого ослепления, что сделали Его Богом. По отзыву церковного историка Евсевия, Порфирий, написавший против христианства сочинение, в котором, порицая св. книги, касается их толкователей и, не в силах найти ничего худого в христианских догматах, за недостатком доводов прибегает к ругательству и нападает на изъяснителей.”

С ещё большей лживостью выступил против христиан неоплатоник **Иерокл**, написавший сочинение в двух книгах под названием “Правдивое слово христианам.”

Христианские апологеты.

Христиане принимали меры для ограждения от нападок правительства, народа и учёных. Они обращались к властям, прося справедливо разобраться в их делах. Вместе с тем, они старались опровергать то, что писали о них языческие учёные. Обязанность хлопотать и опровергать принимали на себя христианские писатели, называемые поэтому **апологетами**.

Апологетические сочинения были двоякого рода: апологии **судебные**, написанные для правительства с целью побудить его прекратить преследования христиан, и апологии **научного характера,** направленные против нападений на христианство языческой философии и вообще язычества. Апологии первого рода начинают появляться со времён Адриана. Этому императору представляли свои апологии **Кодрат** и **Аристид**. Сохранился небольшой отрывок

из апологии Кодрата. Он доказывал, что христиане исповедуют истинную религию и что дела Спасителя — факт исторический, и исцелённые и воскрешённые Им жили после вознесения Господа.

В царствование Антонина Пия выступил новый защитник христиан св. **Иустин Философ**, до принятия христианства принадлежавший к школе платоников. Он написал две апологии, из которых особенно замечательна первая. Он опровергнул все обвинения, возводимые на христиан язычниками. Доказав, что христиане — люди невинные и безвредные, он просил у императора, называющегося благочестивым и философом, только справедливости и защиты невинных. Особенно много апологетов выступило во время жестоких гонений на христиан при **Марке Аврелии**. Тогда писали апологии **Мелитон**, еп. Сардийский, **Клавдий Аполлинарий**, еп. Иерапольский, **Афинагор**, христианский философ и **Мильтиад**, христианский писатель. Такие апологии, большей частью, не достигали своей цели, почему к концу 2 в. совсем прекратились. Грубой физической силе языческого правительства христиане могли противопоставить только своё необыкновенное мужество и терпение в перенесении преследований и мучений.

Не так было при нападениях языческого мира, устных и письменных, на самые основы христианства. На все возражения против христианства последователи его отвечали множеством сочинений, в которых не только с успехом отстаивали своё вероучение, но, в свою очередь, выставляли основательные опровержения самого язычества с его религией и философией. Начиная со 2 в., на поприще христианской защитительной литературы, вступает ряд писателей, которые по своему научному образованию могли вполне спорить с языческими учёными. Таковыми были те же св. **Иустин Философ, Клавдий Аполлинарий, Мильтиад, Афинагор.** Известны также сочинения Тертуллиана (в конце 2 и нач. 3 вв). в защиту христианства, особенно, “Две книги к народам.” Римский адвокат Минуций Феликс (ум. 210 г). в своём сочинении “Октавий,” написанном в форме разговора между христианином и язычником, с убедительным красноречием опровергал те возражения язычников, какие были в ходу после ожесточённого врага христианства, Цельса. Писал также апологии св. Феофил, еп. Антиохийский (ум. в 181 г.). Христианский философ Ермий (ок. 189 г). в своём сочинении “Осмеяние языческих философов” сделал решительный выпад против философских систем, противоречащих одна другой и здравому смыслу.

Помимо отдельных личностей, выступает на защиту христианства и против язычества известное **Александрийское** огласительное училище. В нём (по крайней мере, со второй половины 2 в.), главной задачей всего обучения было поставлено опровержение язычества и защита христианства. Александрия, бывшая центром языческой учёности, превратилась и в рассадник христианского просвещения. Учителя Александрийского училища, знакомые со всей языческой учёностью, могли защищать христианство научным путём. Знаменитый **Климент Александрийский**, бывший там учителем с 191 по 202 г., умерший в 220 г., перед своими слушателями, нередко образованными и философами, выставлял христианство с его богооткровенным учением, как единственно истинную философию и единственно истинное знание. Находил он проблески истины и в философии Платона. В своём сочинении “**Протрептик**” или “**Увещательное слово к эллинам**” Климент доказывает ложь и ничтожество созданной поэтами языческой религии, сравнительно с христианством, раскрывает всё безобразие языческих мистерий, гнусность идолов и бесчеловечие языческих жертвоприношений.

Ориген, ученик и преемник Климента на поприще учительства, ещё более знаменитый, чем его учитель, продолжал защиту христианства в том же направлении. Он осознавал необходимость познания языческой философии для защиты христианства и изучал неоплатонизм.

Они оба облекли в систему христианское вероучение и, в противоположность языческой философии, как произведению заблуждавшегося человеческого ума, торжественно выставили его, как высшее Богооткровенное ведение и единственно совершенную философию. Ориген составил замечательный труд — восемь книг "**Против Цельса**," написанный в 249 г., сохранивший своё значение и поныне. Его доказательства касательно божественности Лица Господа Иисуса Христа и Его воплощения приводятся в сочинениях и современных богословов. Действительность воплощения Бога Слова Ориген доказывает ветхозаветными пророчествами, которые все исполнились на Господе Иисусе Христе, о чём свидетельствует история, достоверность повествований которой не подлежит сомнению.

Христианскими писателями было написано много сочинений, направленных против **неоплатоников**. Несколько книг против Порфирия написал св. Мефодий, еп. Патарский, пострадавший около 310 г. К сожалению, сохранилось только несколько его выражений, записанных св. Иоанном Дамаскиным. Историк Евсевий, еп. Кесарийский (умер в 340 г.), написал 25 книг в опровержение Порфирия и небольшое сочинение против Иерокла.

Христианская письменность выступала ещё против неоплатоников и вообще против язычества и после эпохи Константина Великого. (Использованы данные Е.Смирнова).

Источники вероучения Церкви.

"Господь Иисус Христос, — пишет Евграф Смирнов, — во время общественного служения по спасению людей Своё Божественное учение, на котором была основана Его Церковь, преподавал устно. Апостолы, посвящённые им во все тайны царствия Божия и озарённые также Св. Духом, были хранителями Его учения. Выступая сами на проповедь этого учения, они также распространяли его устно, — так что христианское учение первоначально заключалось в вере и сознании каждого, уверовавшего во Христа. Но в то же время апостолы позаботились о том, чтобы Божественное учение Основателя христианства сохранилось не по преданию только, но и в письменах. По внушению Св. Духа они сами или под их надзором ближайшие их сподвижники, с одной стороны, записали деяния Спасителя и Его учение, с другой — оставили письменные памятники того, как они распространяли это учение, как понимали его сами и как оно должно быть понимаемо верующими. Таким образом, в первое же время существования Христианской Церкви ее Божественное учение прочно было ограждено от примеси сторонних учений. Четыре Евангелия — Матфея, Марка, Луки и Иоанна, Деяния апостолов, семь соборных апостольских посланий, четырнадцать посланий ап. Павла и Откровение ап. Иоанна, — заключили в себе всю сущность христианского вероучения. Все эти книги составили св. Писание Нового Завета; оно и стало первым источником христианского вероучения. Что касается Священного Писания Ветхого Завета, то и оно, как боговдохновенное и полезное для научения, обличения, исправления и наставления в праведности (2 Тим. 3:16), также было источником христианского вероучения в подлежащих пунктах учения о домостроительстве спасения рода человеческого.

"Но если евангелист Иоанн заметил, что самый мир не вместил бы написанных книг с подобным изложением всех деяний Христа Спасителя (Иоан. 21:25), если принять во внимание, что апостолы постоянно и довольно долгое время проповедовали евангельское учение, то будет несомненно, что в св. книгах, оставленных ими Церкви, христианское вероучение изложено только в основных, существенных пунктах. Частности учения развиты были апостолами устно и переданы вере и сознанию христиан, особенно предстоятелей церквей, основанных или посещенных ими. Поэтому **Апостольское Предание** относительно частных и

второстепенных сторон вероучения является вторым после Священного Писания источником христианского вероучения. Преданием объясняется и дополняется все письменно изложенное вероучение."

Канон Св. Книг и Св. Предание.

Христианское вероучение, сосредоточенное в двух источниках — **Св. Писании** и **Св. Предании —** должно было остаться неизменным в том виде, в каком оно заключено в них. Первой заботой Церкви послеапостольских времен было приведение к единству источников своего вероучения. Церковь, составляя сборник всех писаний, поступала со строгой разборчивостью и только после продолжительных исследований о той или иной книге, хотя и принадлежавшей апостолам, но не общеизвестной, принимала ее в состав сборника священных книг. Постепенно образовался один во всей Вселенской Церкви сборник Священного Писания Нового Завета, или **канон** священных книг Нового Завета. Долгое время возникали споры относительно отделения посланий апостолов. В 4 в. Церковь вынесла окончательно решение по поводу спорных вопросов. Принимая в канон священные книги, по проверке из писаний апостольских, о которых возникали споры, Церковь вместе с тем исключила из священных книг писания не апостольские и решительно отвергала все книги подложные и апокрифические, каковы, напр., евангелие "от Евреев," от "Египтян," "Евангелие Никодима," "Евангелие Фомы," "Деяния Павла," "Апокалипсис Петра" и проч.

Церковь заботливо охраняла неприкосновенность **Св. Предания**, признавая священным, апостольским только то, которое, несомненно, исходило от апостолов и не противоречило их писаниям. Первыми хранителями апостольского предания были предстоятели церквей, непосредственные ученики апостолов, ими самими поставленные. Они, в свою очередь, передавали предание своим преемникам.

Замечательно свидетельство о таком способе хранения предания св. Иринея Лионского, ученика св. Поликарпа Смирнского: "Быв еще отроком, — писал он к Флорину, впавшему в ересь, — я видел тебя в нижней Азии у Поликарпа. Тогдашнее я помню тверже, чем недавнее; потому что познания детского возраста, укрепляясь вместе с душою, укореняются в ней. Так я могу наименовать даже место, где сидел и разговаривал блаженный Поликарп; могу указать все входы и исходы его; начертать образ его жизни и внешний вид; изложить его беседы с народом; описать его общение с Иоанном, как он сам рассказывал, и с прочими самовидцами Господа; изобразить, как он сам припоминал слова их, как и что слышал от них о Господе, как он пересказывал о Его чудесах и учении, о чем получил предание от людей, которые сами видели Слово жизни. Я записывал слова его не на бумаге, а в сердце, и благодать Божия помогает мне всегда хранить их в свежей памяти."

Всякое учение проверялось преданием и только после этого признавалось правильным. "Свидетельство предания, по Тертуллиану и Иринею, — пишет Е. Смирнов, —важно также для оценки подлинности писаний апостольских; только тогда, по учению их, то или другое писание должно быть признано апостольским, когда таким оно признается церквами апостольскими и теми, к кому первоначально написано. С течением времени, мало-помалу, при постоянном общении всех частных церквей, по возникавшим касательно вероучения и книг св. Писания вопросам составилось единое предание всей Вселенской Церкви, которое стало сохраняться не устно, но и письменно, в творениях православных отцов Церкви."

Краткое изложение церковного учения в символах.

“Спаситель дал апостолам заповедь принимать в Его Церковь всех после **предварительного научения** истинам веры, —пишет Е. Смирнов. — Поэтому апостолы, прежде чем принимать в Церковь новых членов, старались научить их. Так делал ап. Петр, когда после сошествия Св. Духа обратил ко Христу около трех тысяч человек или при обращении сотника Корнилия. Так же поступал диакон Филипп в Самарии, равно как ап. Павел и другие апостолы. Из примеров предварительного научения истинам веры, представленных в книге Деяний апостольских, видно, что такое научение ограничивалось только главными истинами. Апостолы говорили о важнейших событиях ветхозаветной и новозаветной истории в приложении их к домостроительству спасения, убеждали покаяться и уверовать в Иисуса Христа, как в обетованного Мессию и Спасителя, и т. д. После того, как слушавшие апостольскую проповедь усваивали основные истины, апостолы принимали их в Церковь через крещение. Таким образом, при обращении верующих апостолами положено было начало **краткому изложению основных истин веры**, которые должен был знать и принимать с верой каждый вступающий в Церковь.

После апостолов краткие изложения истин веры, составляемые на основании их писаний и преданий, были во всеобщем употреблении в Церкви и получили название символов, т. е. образцов веры. Знания и исповедания веры в том виде, в каком она изложена в символах, Церковь требовала от своих членов по примеру апостолов при крещении их. Первоначально не было во всех церквах одного общего символа; та или другая частная церковь имела свой символ. Но различие было только в форме, в выражениях, а не в сущности заключающегося в них учения. Содержание всех символов — одно и то же учение о едином и троичном Боге, развиваемое также одинаково, но с дополнением к некоторым из них особых определений и выражений, прилагаемых к Лицу Бога Отца или Бога Сына, и направленных против лжеучений тех или других еретиков. Известны символы церквей: иерусалимской, римской, антиохийской, кесарийской, галльской (в творениях Иринея), карфагенской (в сочинениях Тертуллиана), александрийской (в сочинениях Оригена) и др. Но уже в 3 в. все символы малопомалу стали получать единую форму; в 4 в. на первом Вселенском соборе окончательно определен был общий для всех церквей символ веры, который сделался как бы суммой всего христианского вероучения и из которого возможно развитие его во всей полноте.”

Частные догматы, раскрывавшиеся св. церковью.

“В противоположность языческому многобожию, Церковь с особенной ясностью должна была излагать свое учение о **единстве** и **единовластии Божием**. При вступлении в общество христиан каждый уверовавший, если он был язычник, обязан был засвидетельствовать свою веру в **Единого Бога**, и потому во всех символах первым пунктом стоит учение о Едином Боге. Затем, все отцы и писатели Церкви, опровергавшие язычников, со всей обстоятельностью раскрывали не только действительность, но и необходимость существования **Единого Бога**. В доказательство этого, кроме указаний на св. Писание и св. Предание, церковные писатели приводили то соображение, что совместное существование многих богов ведет за собой отрицание Божества вообще, так как боги, если их несколько, взаимно ограничивают один другого, а истинный Бог должен быть **неограничен** и потому **един**.

“Другой догмат, раскрытый Церковью во 2 и 3 веках, — это о **Св. Троице**. Учение о Св. Троице в первое же время существования Церкви подвергалось многим возражениям со стороны язычников и искажениям со стороны почти всех еретиков, а, особенно, антитринитари-

ев. Поэтому церковь вынуждена была настоятельно утверждать **Троичность Лиц в Боге**. Все отцы и учители Церкви 2 и 3 веков на основании св. Писания и св. Предания положительно, без всяких колебаний, в своих сочинениях говорят об одинаковом Божественном достоинстве всех трех Лиц, называя каждое из Них Богом, утверждают самостоятельность и отдельное бытие каждого и проч."

"Вместе с догматом о Св. Троице раскрывался также и догмат о Лице Иисуса Христа. Церковь в лице своих отцов и учителей положительно утверждала, что Иисус Христос есть Бог и вместе с тем человек, с душой и телом человеческим. Такое учение о Лице Иисуса Христа с особенной полнотой и обстоятельностью раскрыто в сочинении Мелитона Сардийского "О воплощении Христовом.." Не лишенным здравого смысла, говорит Мелитон, нет необходимости доказывать чуждую призрачности, действительность души и тела Его и одинаковость человеческого естества Его с нашим. Дела Христовы после крещения и особенно чудеса показывали и доказывали миру, что в плоти Его сокрыто Божество. Будучи Богом и вместе человеком совершенным, Он явил нам два Свои естества: Божество — чудесами, сотворенными в течение трех лет после Его крещения, и человека — за те 30 лет, когда немощь плоти скрывала знамения Божества Его, хотя Он был истинным Богом предвечным." Такие же мысли развивались и другими церковными писателями. Напр., Иринеем. Но вопрос об образе соединения в Лице Иисуса Христа Бога и человека не был еще вполне раскрыт отцами 2 и 3 вв.

"Что касается **таинств**, то учение о них, раскрытое Церковью во 2 и 3 веках, то же самое, какое хранит Православная Церковь и в настоящее время. Все церковные писатели 2 и 3 веков согласно признавали таинства такими священнодействиями, через которые невидимо сообщается благодать Божия, возрождающая, обновляющая и освящающая человека, принимающего их. Также согласно учили многие писатели Церкви, что таинства имеют Божественное происхождение, что они должны быть совершаемы в определенных формах и уполномоченными на то лицами, и от такого совершения таинств ставили в зависимость их действительность. Что касается числа таинств, то хотя ни один из писателей 2 и 3 века не говорит обо всех таинствах в совокупности, но порознь они говорят обо всех **семи**. Один об одном таинстве, другой — о двух, третий — о трех и даже четырех. В частности, о таинстве Крещения они учили, что оно должно быть совершаемо над всеми вступающими в Церковь через троекратное погружение в воду во имя Отца и Сына и Св. Духа, для возрождения в новую духовную жизнь с отпущением всех грехов. Только Тертуллиан имел свой особый взгляд на условия для совершения этого таинства. Поставляя силу и действительность Крещения в абсолютную зависимость от веры принимающих его, он допускал крещение только для возрастных и не допускал крещения младенцев. О **Евхаристии** учили, что в ней под видом хлеба и вина преподаются верующим **истинное Тело** и **истинная Кровь** Господа Иисуса Христа; что хлеб и вино становятся действительным Телом и действительной Кровию Господа после молитв о призывании на Св. Дары Святого Духа; что причащаться должны все верующие и под обоими видами, т. е. как Тела, так и Крови Христовой; что Евхаристия есть благодарственная и умилостивительная жертва за живых и умерших и т.п. О **покаянии** учили, что оно должно быть совершаемо через **устное** исповедание грехов перед пастырями Церкви и через формальное, именем Божиим разрешение кающегося от грехов.

"Наконец, у некоторых церковных писателей 2 и 3 веков есть следы учения о призывании и почитании святых. С самого начала общим верованием Церкви было, что между Церковью земною и Церковью небесной существует взаимное общение, что святые, принадлежащие к Церкви небесной, своими молитвами ходатайствуют перед Богом за живущих на земле. Это верование, основание которого заключается в изречении Иоанна Богослова в Апокалипсисе (8:3-5; 5:8), раскрыто у Киприана и, особенно, у Оригена. Вместе с этим верования-

ем и на основании его, в первые же времена церковной жизни установилось учение о необходимости призывания святых и почитания их, как посредников между Богом и людьми. Из церковных писателей, раскрывавших учение о призывании и почитании святых, известны Ириней, Тертуллиан, Киприан, Ориген. Ириней и Тертуллиан называли Пресвятую Деву Марию ходатайницей за Еву; Киприан высказал, что отшедшие из сей жизни прежде других должны молить милосердного Отца об оставшихся братиях и сестрах; Ориген в молитве к Иову сам просил его ходатайства перед Богом; он же говорил и о почитании ангелов, хотя не таком, какое воздается Богу; так же об этом есть свидетельство св. Иустина Мученика. Самый факт почитания мучеников и их останков во 2 и 3 вв. говорит о распространенности учения почитания святых."

Происхождение ересей и лжеучений.

С самого возникновения христианства были люди, только внешним образом его принявшие, сущности его не понявшие и исказившие его примесью посторонних учений, чуждых Священным Писанию и Преданию. Люди, во всей полноте принявшие и усвоившие христианское учение, исповедовали **православие**; те, кто искажал его, придерживались **ереси**.

"В появлении еретиков, искажавших божественное неизменяемое учение Христианской Церкви," - пишет Е. Смирнов, - "есть некоторая последовательность и система, именно — переход от общего к частному. Следовало ожидать, что на первых порах, вследствие вступления в Церковь иудеев и язычников, не хотевших вполне отказаться от иудейства и язычества и потому смешивавших христианское учение с воззрениями иудейскими, появятся еретические заблуждения относительно всей системы христианского вероучения, а не отдельного какого-либо пункта. Так действительно и было: с одной стороны явились еретики **иудействующие**, называемые также **евионитами**, которые стремились слить христианство с иудейством, даже с подчинением первого последнему, а с другой — **язычествующие**, или, как они назывались во 2 веке, **гностики**, а потом **манихеи**, стремившиеся из христианского вероучения в соединении его с восточным религиозным миросозерцанием или греческой философией образовать смешанную религиозную систему. Когда лжеучения этих еретиков были отвергнуты Церковью и уже стали отживать, на смену им появились другого рода ереси, возросшие уже на христианской почве. Предметом их служит главный догмат христианства о троичности Лиц в Божестве. Это — ереси **антитринитариев**. В последующее за тем время развивается ересь по вопросу еще более частному: о Божественности Второго Лица Святой Троицы. Эта ересь, известная под именем **арианства**, открыто появилась уже в начале 4 века. В век апостольский мы видим еретиков **иудействующих** и **язычествующих**. Последние положили начало тому гностицизму, который развился особенно сильно во 2 в. после времен апостольских."

Еретики иудействующие.

Начало иудействующих ересей относится ко времени Апостольского собора, на котором было решено, что соблюдение Моисеева закона необязательно для христиан, т. к. спасение в христианской Церкви совершается благодатью Господа Иисуса Христа. Партия христиан из иудеев фарисейского направления, поставившая вопрос о необходимости для спасения соблюдения и Моисеева закона, осталась при своем мнении. Сначала вопрос этот не был ост-

рым, т. к. в Палестине христиане из иудеев по установившемуся обычаю исполняли закон Моисеев и принимали обрезание.

“В тридцатых годах 2 в., когда строгое соблюдение Моисеева закона стало невозможным, часть христиан из иудеев совершенно оставила исполнение его, присоединилась к христианам из язычников, составивших церковь в построенном на месте разрушенного Иерусалима городе, **Елие Капитолине**, и даже согласилась на избрание епископа из необрезанных; партия же христиан из иудеев, отстаивавшая соблюдение закона Моисеева, решительно отделилась от Церкви и образовала отдельное, вполне еретическое общество. Впрочем, и эта партия распалась на две части: строгих ревнителей закона и умеренных. Первые известны под названием **евионитов**, вторые — **назареев** (именем назареев не уверовавшие во Христа иудеи первоначально называли всех христиан из иудеев, как это видно из Деян. Апост. 24:5). **Назареи,** в сущности, не отступали от общецерковного учения, признавая Иисуса Христа Мессией и Богом, допуская Его сверхъестественное рождение и проч. Но при этом они считали необходимым соблюдение Моисеева закона для христиан из иудеев, не придавая ему такого значения для христиан из язычников и признавая ап. Павла для последних учителем Божественной мудрости. Церковь относилась снисходительно к этой партии иудействующих, не считая их, в собственном смысле, еретиками. Партия назареев в небольшом числе существовала до 4 века.

“Совсем другое представляет собой партия **евионитов**, получивших такое название от еврейского слова **евион**, что значит “бедный” (евиониты названы этим именем или по бедности их общества, или по бедности умственной, духовной). Они признавали решительно необходимым для всех христиан соблюдение Моисеева закона, считая ап. Павла, восставшего против этого, отступником от веры. По их понятию, иудейская религия и с пришествием Христа Спасителя по-прежнему имеет важное значение в деле спасения людей. Таким образом, значение христианства, как религии, имевшей объять весь мир, ограничивалось. Евиониты не придавали ему даже значения новой религии, а считали продолжением того же иудейства. Отсюда и учение их о Христе Спасителе было не то, какое содержала и содержит истинная христианская Церковь. Признавая Его Мессией, они видели в Нем не Бога-Искупителя, а только великого пророка, подобного Моисею, Который пришел проповедать о наступлении Своего царства, в которое могли войти одни только иудеи. Вся деятельность Его ограничивалась, по их понятию, только разъяснением закона и дополнением его новыми заповедями. Отрицая в Иисусе Христе Божественное достоинство, они признавали Его простым человеком, сыном Иосифа и Марии, получившим Божественную силу и достоинство Мессии только в крещении. Таким образом, главного догмата христианства об искуплении человечества Господом Иисусом Христом от греха, проклятия и смерти у евионитов не было. Смерть Христа Спасителя не имела у них искупительного значения; она воодушевляла их только надеждой скорого вторичного пришествия Его на землю, чтобы основать земное царство, которое будет существовать тысячу лет (хилиазм). Евиониты весьма отличались от истинной Христианской Церкви и в церковной практике. Так, они совершали таинство евхаристии только однажды в год, в воспоминание тайной вечери Спасителя, и употребляли при этом одну воду, как аскеты.

“Кроме этих двух партий иудействующих из-за смешения иудейства в форме ессеизма с христианством образовалась еще третья партия иудействующих еретиков, именно: **евионитов-гностиков**. Они известны еще под именем **елкезаитов** (от иудея Елкая, или Елксая, жившего во времена Траяна) или впоследствии **самсеев;** эта партия, имевшая своим средоточным пунктом пустыни за Мертвым морем, где обитали **ессеи**, увеличилась еще наплывом обыкновенных евионитов, бежавших из Иерусалима при разрушении его Адрианом в тридца-

тых годах 2 столетия. В мировоззрении евионитов-гностиков есть уже элементы мировоззрения восточных религий и греческой философии, так что они составляют как бы переход к язычествующим гностикам. Мировоззрение их следующее: первый человек Адам обладал истинной религией, так как в нем обитал Божественный Дух. Но мало-помалу род человеческий под влиянием злого начала — материи — потерял эту религию, именно, через жену, принцип чувственности и слабости, греха и заблуждения. Для освобождения людей от зла и поддержания в них истинной религии Бог, как Отец рода человеческого, посылал в мир своего Божественного Духа, который и явился в лице Авеля, Еноха, Авраама, Исаака, Иакова и Моисея. Моисей сообщил свое учение семидесяти разумным мужам с тем, чтобы они передавали его последующим поколениям для сохранения его по преданию. Учение Моисея, спустя долгое время после него, записано было в книгах, но по большей части извращено так, что найти истину в них могут немногие. Истинное же учение его, передававшееся разумными мужами через предание, сохранилось только в обществе ессеев. Что касается народа еврейского, то он не понимал истинной религии; он до того погрузился в чувственность, что всю религию обратил в одни обрядовые церемонии, между которыми особенно чувственными представляются жертвоприношения. Чтобы очистить Моисеев закон от примеси чувственности и восстановить истинную религию, Бог опять послал Своего Божественного Духа, Который действительно явился во Христе и исполнил свое дело. Таким образом, по представлению и этой партии евионитов, деятельность Господа Иисуса Христа ограничивалась только учением и при том не каким-либо новым, но тем, которое знали по преданию разумные мужи. Искупление человечества от греха и смерти их учением уничтожалось; даже самое пришествие Христа Спасителя становилось излишним, ибо истинная религия Адамова была известна в обществе ессеев, и спасение могло и может совершаться без Него и Его учения. Свою истинную религию евиониты полагали во взаимной братской любви всех принадлежавших к их обществу и в стремлении к уничтожению чувственности, или, что то же, зла, так как они отождествляли материю и зло, и боролись с ним посредством строжайшего аскетизма; при этом, впрочем, брак допускали. Секта евионитов-гностиков существовала до 5 столетия.”

Гностицизм.

“**П**еред появлением христианства народные языческие религии под влиянием философского скептицизма стали склоняться к упадку; но необходимость религии была сильна в умах людей мыслящих. Поэтому некоторые ученые язычники и отчасти иудеи, познакомившиеся с греческой образованностью, задумали из всех религий мира, а также философских систем создать особое религиозное учение, которое превосходило бы все религиозные системы, будучи чуждо недостатков, свойственных всем им: грубости и чувственности. Это учение, как высшее, духовное, составляло для людей, создавших его, истинное религиозное знание, истинное религиозное ведение. В основе его лежали начала греческой философии, иудейского богословия и восточных религий, особенно, Зороастра. При появлении христианства некоторые из обладавших этим высшим знанием вступили в Церковь и, не отказываясь от своих убеждений, из смеси их с христианским вероучением, образовали еретические системы, известные под именем гностических. Число их было очень велико, так как каждый более или менее даровитый гностик составлял свою систему, видоизменяя ту, которой придерживался. Гностики, как обладающие единственно истинным знанием (гносисом), в своих системах предлагают безусловное решение всех вопросов бытия и жизни: о мироздании, о происхождении в мире зла и освобождении от него, но все эти решения находятся в мире фантазии, так

как в их миросозерцании фантазия востока берет перевес над строгостью и последовательностью мысли запада." В апостольские времена первым представителем гностического учения был **Симон Волхв**, упоминаемый в Деяниях Апост. Он выдавал себя за воплотившуюся **Силу Божию**, спутницу свою Елену, или Селену, за воплощение **Мудрости Божией**. Таким образом, Симон, в отличие от других ересеучителей, не только распространял смешанные языческие, иудейские и христианские понятия, но и сам принимал на себя роль Божественного посланника. На самом же деле он был фокусником и шарлатаном. Во 2 и 3 вв. его именем называлась небольшая партия еретиков-гностиков, а в 4 в. именем **симонии** обозначали приобретение за деньги благодатного иерархического служения в Церкви. Как известно, Симон за деньги хотел купить у апостолов благодатную силу Святого Духа через рукоположение. Подобным ему был ученик его Менандр, утверждавший, что он есть посланник Верховной Божественной Силы.

Еретик того же времени **Керинф** пытался уже образовать еретическую гностическую систему. Он был иудеем из Александрии. Он смешивал гностицизм с евионитством. "По началам гностицизма он учил, что творение видимого мира совершено не Богом, а низшим духовным существом, **демиургом**; что до появления христианства всесовершенный Бог был неизвестен миру; что открыл Его миру Мессия, вышний Христос, Божественное Слово, Который во время крещения в виде голубя сошел на человека Иисуса и оставил Его во время страданий. А вместе с евионитами он признавал Иисуса Христа простым человеком, родившимся естественным образом от Иосифа и Марии, и разделял надежды евионитов на земное тысячелетнее царство Мессии, когда воскреснет человек Иисус и соединится с вышним Христом. Керинф некоторое время жил и действовал в Ефесе, когда там же пребывал Иоанн Богослов. Общество своих последователей он основал, главным образом, в Малой Азии; оно держалось до 4 века."

Из апостольского века известны еще еретики: **докеты** и **николаиты**. "Докеты, под влиянием восточных языческих воззрений на материю, как назло, никак не хотели допустить воплощения Бога Слова; поэтому утверждали, что воплощение Иисуса Христа было **призрачное**, что Он только **казался** страждущим и проч. Ап. Иоанн Богослов сильно вооружался против докетов в своих посланиях и особенно настаивал на пришествии Иисуса Христа во плоти (Иоан. 4:2-3; 3 Иоан. 7). Николаиты, под влиянием тех же воззрений на материю, как назло, развили практическое учение о необходимости умерщвлять плоть и возвышать свободу духа. Только умерщвление плоти и возвышение свободы духа над плотью проявлялось у них распутством. Во 2 в. николаиты приурочивали свое происхождение к Николаю, пришельцу антиохийскому, диакону иерусалимской церкви, жизнь которого обезображивали нелепым образом; но на самом деле, по объяснению Иоанна Богослова в Апокалипсисе (2:14-15), они "держались учения Валаама, который научил Валака ввести в соблазн сынов израилевых, чтобы они любодействовали."

"Из еретических мыслей гностического характера, высказанных отрывочно еретиками апостольского времени, во 2 в. развились целые гностические системы. Исходным пунктом миросозерцания большей части гностиков был **дуализм**: основными началами бытия и жизни они признавали, с одной стороны, **Верховное Существо,** или **Высочайший Дух**, с другой — **материю**. Верховное Существо они представляли самостоятельным, независимым началом света и добра, источником духовной жизни. Как источник духовной жизни, оно, по их мнению, производит из себя через истечение (**эманация**) множество духовных, вечных существ, которые составляют всю полноту бытия, почему совокупность их и называется плиромой. Материя, наоборот, у гностиков представляется как самостоятельное независимое начало чувственной материальной жизни и зла. В основных взглядах на начала своей системы гно-

стики были согласны между собой, только в понятиях о свойствах материи расходились. Одни, сообразно учению Платоновой философии о материи, как **не сущее**, видели в ней мертвый хаос, безжизненное, недеятельное начало; другие, сообразно учению религии Зороастра об Аримане, видели в ней живое и деятельное начало зла. Отсюда, гностики распадаются на два класса: на гностиков **Александрийских**, усвоивших первое воззрение, и гностиков **Сирийских**, усвоивших второе. Дальнейшее их миросозерцание при сходстве в существенном развивается также в двух главных направлениях, сообразно тем или другим взглядам на материю. По представлению Александрийских и Сирийских гностиков, видимый мир (космос), в котором проявляются духовное и материальное начала, произошел из смешения духовного мира с материальным, или плиромы с хаосом. Но самый образ смешения они представляли различно. Сообразно взглядам на материю, Александрийские гностики учили, что один из эонов, далеко отстоящий от своего источника, вследствие своей слабости оторвался от плиромы и упал в материю, или, по учению Валентина, частица последнего светлого эона, вследствие полноты света в плироме, истекала в материю. Сирийские утверждали, что один из крайних эонов, постоянно находившийся в борьбе с материей или царством сатаны, наконец, был поглощен ею. Так или иначе, слившийся с материей эон, как дух царства света, порядка и гармонии, старается в области материи установить стройное течение жизни, — он делается творцом (**демиургом)** видимого мира, в котором соединяет вместе элементы духовные и материальные. Здесь, по представлению гностиков, лежит начало зла в мире, — именно, в противоположном и враждебном отношении элементов материальных с духовными. По представлению Александрийских гностиков, только духовные элементы, или добро, берут перевес над материальными, или злом, так как материя вследствие своей безжизненности противодействует духу только как масса, а не как живая, самодеятельная сила; по представлению же Сирийских гностиков, наоборот, материя, или зло — так как она есть живая, деятельная сила — берет перевес над духом, или добром. Далее, по учению тех и других гностиков, вся мировая жизнь проходит в постоянной борьбе духовного и материального начала, т. е. добра и зла; причем дух стремится освободиться от уз материи, а материя — удержать его. Что касается отношения демиурга к миру, то, по представлению Александрийских гностиков, он старается помогать добру в борьбе со злом, для чего избирает себе один народ (иудейский), которому сообщает в Моисеевом законе хорошие правила и полезные учреждения. По представлению Сирийских гностиков, напротив, демиург — так как он, будучи покорен царством зла, действует под влиянием его — невольно помогает больше злу, так что все действия его — и в иудействе, и в язычестве — направлены к удержанию духа в узах материи. Таким образом, Александрийские гностики, в противоположность Сирийским, признавали за иудейской религией благотворное значение в освобождении добра от зла и даже видели в ней приготовление к окончательному освобождению первого от последнего. В этом последнем пункте, т. е. в учении об освобождении добра от зла, или духа от уз материи, гностики входят в соприкосновение с христианством и обезображивают его учение. По их представлению, Верховное Существо, чтобы дать торжество духу над материей, или, как учили Сирийские гностики, чтобы разрушить злое царство демиурга, посылает в мир своего верховного эона, который, по Александрийским гностикам, при крещении соединился с человеком Иисусом и при страданиях оставил его, а по Сирийским, — принял только вид человека, не будучи им, на самом деле (**докетизм**). Этот эон сообщил людям **гносис**, т. е. открыл им, что они духовного божественного происхождения, и указал средства освободиться от материи. Вся деятельность этого Божественного посланника или Христа тем и ограничивалась; смерть Его не имела у гностиков никакого значения, так как, по Александрийским гностикам, страдал человек-Иисус, а, по Сирийским, Божественный эон только казался страждущим. Христос сообщал людям

двоякое учение: избранным преподавал духовное учение, которое и имеют гностики, как люди по преимуществу духовные, а чувственное всем вообще людям, которое заключено в книгах Священного Писания и которое содержит вся христианская Церковь. Средства к освобождению от зла, сообщенные Христом и сохраняемые гностиками, это — возвышение духа над материей при руководстве гносиса, борьба с ней и, наконец, действительная победа духа при посредстве аскетизма. Сирийские гностики, преимущественно перед Александрийскими, рекомендовали аскетизм, как средство к уничтожению материи и освобождению от нее, запрещая употреблять в пищу мясо, вино и пр., и, особенно, вступать в брак, так как все это есть служение сатане. В некоторых сектах Сирийского гносиса аскетизм сменился нравственной распущенностью, что, по мнению сектантов, также вело к поруганию и уничтожению материи. Для таких еретиков всякий нравственный закон представлялся только ограничением свободного духа, переходящей формой, которая не должна стеснять человека, достигшего высшего гносиса. Еретики, державшиеся подобных взглядов, составляют разряд гностиков **антиномистов**. Последним актом мировой жизни, по представлению всех гностиков, должно быть восстановление всего, т. е. восстановление первобытного дуализма; причем духовный элемент сольется со своим источником, а материя обратится опять в состояние хаотическое, из которого была вызвана."

Из представителей **Александрийского** гносиса наиболее известны: 1) **Василид**, родом из Сирии, основавший свое еретическое общество в Александрии около 125 г. (василидиане существовали, главным образом, на западе до 4 в). 2) **Валентин**, родом иудей из Александрии, принявший христианство. Три раза его отлучали от Церкви. Секту основал на о. Кипр, где умер около 160 г. Последователи его назывались валентинианами и существовали в 4 в. и даже позднее.

Из представителей **Сирийского** гносиса более замечательны: 1) **Тациан**, родом из Ассирии, ученик св. Иустина Философа, после смерти которого, возвратившись на Восток, уклонился в ересь (он проповедовал особенно строгий аскетизм, запрещая употребление вина даже в евхаристии. Его последователи получили название **энкратитов**, а вследствие употребления одной воды при совершении евхаристии — **идропарастов, аквариан)**. 2) **Маркион**, сын синопского епископа (за гностицизм, по преданию, сам отец отлучил его от Церкви. Маркиониты широко распространились в разных странах и держались до 4 в.). 3) **Карпократ**, родом из Александрии, где основал секту (его сын **Епифаний** распространил ее еще на острове Кефалонии). Система его принадлежит к **антиноминистам**. К последним принадлежат секты **антитактов**, или **адамитов,** и **офитов**, с выросшими из нее партиями **сифитов, каинитов** и проч.

Манихейство.

В начале 3 в. гностические системы начинают терять свое значение. На смену им является новое еретическое учение, по началам сходное с гностицизмом, но отличающееся от него тем, что, при полнейшем отсутствии идей греческой философии и иудейского религиозного учения, оно представляет собой смесь христианскаго учения с началами религии Зороастра. Это еретическое учение есть **манихейство,** появившееся во второй половине 3 в. в Персии и принявшее характер не сколько ереси христианской Церкви, сколько новой религии.

Происхождение манихейства следующее. В 227 году парфянская династия арзакидов, властвовавшая в Персии, сменилась национальной персидской династией сассанидавов. С восстановлением отечественного государственного устройства, у персидских магов появи-

лось стремление восстановить и древнюю отечественную религию Зороастра во всей её чистоте. Но в среде магов произошло разделение: одни из них — и большинство — изменили несколько древний дуализм, подчинив оба начала, доброе и злое (Ормузда и Аримана), одному Верховному Существу: другие, напротив, придерживались строгого дуализма и образовали даже особую религиозную партию магуссеев. Во время борьбы этих партий один из магов, принадлежавших к последней из них, по имени **Манес,** славившийся своей ученостью, под влиянием христианства, распространявшегося на границах Персии, и гностических воззрений, также бывших в ходу на востоке, задумал объединить христианство с дуалистической религией Зороастра, находя сходство между ними. Манес сначала было принял христианство и даже был пресвитером в Агваце, но был отлучен от Церкви за свой персидский дуализм; затем, он является при дворе персидского царя, Сапора I, приобретает его благосклонность, но, по проискам противной партии магов, около 270 года, принужден бежать в Индию. Здесь заключившись в пещеру, он обдумал свою систему и изложил ее в сочинении, известном под названием **Ертенки-Мани**, которое составило для его учеников как бы евангелие. Возвратившись в Персию, он снискал благосклонность царя Гормизда, но при его преемнике, Варане I (276 г.), признанный побежденным в споре с магами, был казнен.

Система манихейства следующая. От вечности существуют два царства: царство духа—добра и света и царство материи—зла и мрака. Первое состоит из пяти чистых стихий: огня, воздуха, света, воды и земли, второе из пяти нечистых: бури, тины, тумана, дыма и бессветного жара; в первом—властитель Бог добрый, во втором—злой демон; первого окружают двенадцать истекших из него чистых духов-эонов, второго окружают духи тьмы, которые как между собою, так и со своим властителем, находятся в постоянной вражде. Между обеими царствами вечная и враждебная противоположность. Однажды демоны издали увидели очаровательный блеск царства света и, из зависти к гармонии и порядку, существующему в нем, на него напали. Но Отец света, для защиты границ своего царства, произвел из себя эона—**Матерь жизни,** который, для непосредственной борьбы с духами тьмы, производит еще нового эона—**Первого Человека,** называемого у манихеев еще **Христом, Иисусом, Словом, Сыном Божиим.** Первый человек, вместе с пятью чистыми стихиями, вступает в борьбу с демонами, но истощается в ней до того, что демоны успевают овладеть частью его светлого существа. В таких обстоятельствах Отец света, на помощь ему, производит еще эона—**Животворящего Духа.** Этот освобождает от опасности непоглощенную еще царством тьмы часть **Первого Человека** и помещает ее в солнце. Эта часть эона есть **бесстрастный Иисус** или **бесстрастный Сын Человеческий**, часть же, поглощенная царством тьмы, есть **страждущий Иисус**, страждущий **Сын Человеческий**. Таким образом, через страждущего Иисуса, в середине между двумя царствами, происходит смешение светлой материи с материей тьмы. Страждущий Иисус в этом случае делается “душой мира,” — при помощи Животворящего Духа он образует видимый мир, в котором перемешано духовное с материальным. Но световая материя стремится к освобождению от уз материи тьмы, чему помогает и бесстрастный Иисус, присутствующий на солнце, притягивая ее к себе, и Животворящий Дух, носящийся в эфире, очищая ее, и препровождая в солнце. Сатана замечает освобождение страждущего Иисуса, и чтобы положить этому конец, предлагает своим духам собрать все имеющиеся в царстве тьмы частицы света в одно место и заключить их в материю. Действительно, демоны собирают частицы света, — и сатана, облекши их в материю, творит, таким образом, человека, по образу Первого Человека — эона, красотой которого он был поражен. Частицы света, сосредоточенные в одном месте, в человеке, составляют его разумную душу. Чтобы последняя не узнала о своем духовном происхождении, сатана запрещает человеку вкушать от древа познания. Но бесстрастный Иисус, явившись на землю в образе змия, научает его вкусить от

древа познания, и человек узнает, таким образом, о своем происхождении. Чтобы затмить это сознание, сатана задумал раздробить разумную душу человека. Из материи и оставшихся еще небольших частей света он создает жену, в которой, по незначительности света, берет перевес материя, чувственность. От брачного союза человека с ней рождаются дети, от последних нарождаются новые поколения людей и т. д.; при этом разумная душа, разделяясь по отдельным личностям, дробится на мелкие частицы, которые удобно удерживаются в материальных телах, как в темницах. Царство тьмы, таким образом, совершенно овладело духовной природой и посредством ложных религий – иудейства и язычества—продолжало поддерживать свое обладание. Но, вот, для освобождения своей страждущей половины, бесстрастный Иисус сходит с солнца на землю, принимает только вид человека — Христа (докетизм), общается с людьми, открывает им об их духовном происхождении, и научает, как освободиться от материи. Ученики Христа, как люди, в которых материя взяла перевес над духом, извратили его учение. Предвидя это, Христос обещался после себя послать в мир паралитика – Духа Утешителя, чтобы он очистил Его учение от всякой примеси чувственности, продолжил и исполнил Его дело. Параклит, действительно, явился в лице Манеса и открыл царство Божие. Теперь душа мира, узнавшая вполне о своем происхождении, при помощи Животворящего Духа, обитающего в воздухе, освобождается от оков материи, впрочем, только в одном человеке, так как в нем только она дошла до самосознания. Средство к освобождению от материи – это строгий аскетизм. Поэтому, Манес проповедовал удаление от брака, запрещал употребление вина, мяса и проч., запрещал даже срывать растения и убивать животных, так как в тех и других находится душа мира, хотя и в бессознательном состоянии. Последним актом мировой жизни, по системе Манеса, как и по системам гностиков, будет восстановление первоначального дуализма, когда этот видимый мир сгорит и мировая душа возвратится к своему источнику. Сатана со своим царством будет уже бессилен тогда. Секта манихеев распространилась преимущественно в западной половине Римской империи и особенно была сильна в 4 и 5 веках. Против манихеев издавали строгие законы Диоклетиан (287 г). и христианские государи 4 и 5 столетий, но секта их не уничтожилась, скрываясь только на время и затем снова являясь, хотя и под другими названиями.”

Ересь Антитринитариев.

Ереси евионитов, гностиков и манихеев, были результатом смешения христианства с иудейством, греческой философией и персидской религией Зороастра и создавались скорее на почве иудейской или языческой. Ересь антитринитариев или монархиан представляет явление совершенно другого рода. Допуская только отчасти иудейские или языческие воззрения и развиваясь в среде самого христианства, она составляет результат стремлений ограниченного человеческого ума уяснить и постигнуть одним разумом, без пособия веры, Богооткровенное учение, составляющее тайну для человека и принимаемое только верой.

Когда появилось в церковном просвещении научное направление, то Церковь отнеслась к нему довольно благосклонно. В христианских обществах восточной части Римской империи, составившихся из народов, наследовавших греческое образование, разумное отношение к вероучению развилось особенно сильно и притом с благодетельными последствиями для Церкви. При пособии разума, христианское вероучение облеклось в научную систему, развивалось и уяснялось точнее и определеннее в сознании верующих, предохранялось от примеси суеверий и предрассудков, неизбежных при отсутствии разума веры и т.п. Но, допуская участие разума в деле религии, Церковь всегда требовала, чтобы он действовал в послушании

вере, т.е. его деятельность должна всегда ограничиваться известной, свойственной ему, областью, не касаясь области веры, так как, в противном случае, один разум, без света веры, может довести до искажения вероучения, до ереси. Ересь антитринитариев появилась в Церкви именно вследствие предоставления некоторыми членами её разуму исключительного, в ущерб вере, значения в деле религии. Предметом её был главный христианский догмат о единстве и троичности Бога.

Учение о Едином Боге, бывшее главным догматом иудейской религии, сделалось главным догматом и религии христианской. Но в христианстве, как религии совершеннейшей, этот догмат раскрыт точнее, чем в иудействе; именно, христианство предлагает учение о Едином Боге в Трех Лицах. С самых первых времен церковь содержала это учение именно так, как оно заключается в Откровении. Но нашлись люди, для которых простая вера в откровенное учение о Святой Троице казалась недостаточной. Получив научное образование и усвоив себе, вследствие всего, привычку разрешать вопросы и явления жизни по началам разума и науки, ясно и отчетливо, некоторые из христиан решились и догмат о Св. Троице подвергнуть научному разъяснению, низводя таким образом Богооткровенное учение к степени обыкновенного предмета для рассуждения. Ставя вопрос, как один Бог может быть в Трех Лицах, они находили, что допущение единства и троичности в Боге в одно и то же время есть само в себе противоречие, не допускаемое требованиями разума; почему и пришли к признанию только единства в Боге и отрицанию в Нем троичности. Державшиеся такого неправильного учения о Святой Троице, по всей справедливости, признаны были Церковью еретиками, называвшимися **антитринитариями** (противу-троичниками) или **монархианами** (допускавшими в Боге единое Лицо). По различию взглядов этих еретиков на Лица в Боге, или как на силы Его, или как на **Формы** Его проявлений, они разделяются на два класса—на **динамистов и модалистов.** Учение динамистов следующее: Бог есть в строгом смысле единое существо; Лиц в Нем нет. Что же касается Второго Лица Святой Троицы, Сына Божия, и Третьего, Святого Духа, то это—не Лица Божественные, имеющие отдельное, личное бытие, а только божественные силы, то есть силы одного и того же Бога. Так, второе Лицо есть Божественная сила, посредствующая между Богом и миром, или орудие Бога, посредством которого Он проявляет Себя в мире; эта сила существует в Боге от начала, явилась на земле в Лице Иисуса Христа, со времени Его сверхестественного, наитием Святого Духа, рождения от Девы Марии, и действовала в Нем до конца Его жизни. Дух Святой есть Божественная сила, которой свойственны известные действия—освящение, сообщение благодатных даров и проч. **Антитринитарии-динамисты** в учении о Втором Лице Святой Троицы напоминают евионитов. **Антитринитарии-модалисты**, также допуская в Боге единое существо, в Лицах Святой Троицы видели формы или образы, в которых оно открывается миру. Так, в Ветхом Завете Бог открывался в образе или форме Бога Отца, в Новом Завете, для искупления рода человеческого, Он явился в форме или в виде Сына, в лице Иисуса Христа, страдал и умер, отчего этого рода еретики называются еще **патрипассианами** (допускавшими страдания Бога Отца); наконец, в виде Духа Святого Бог является в благодатном освящении и возрождении людей. Таким образом, и этого рода антитринитарии отрицали личное бытие Лиц Святой Троицы. Их учение о воплощении напоминает учение гностиков-докетов о том же предмете.

В ряду **антитринитариев-динамистов** самое видное место занимает **Павел Самосатский** (из сирийскаго города Самосаты), занимавший во второй половине 3 в. епископскую кафедру в Антиохии. Проводя в своем учении строгий еврейский монотеизм, он утверждал, что Иисус Христос в строгом смысле не есть Бог; в Нем от рождения обитала, в высшей степени, чем в ветхозаветных пророках, божественная мудрость или божественный разум; только в нравственном смысле Он может быть назван Сыном Божиим. Епископы церквей, бли-

жайших к Антиохии, скоро заметили ересь Павла Самосатского и собирали для рассуждения о нем несколько соборов; но он всегда успевал скрыть свое настоящее учение. Только на последнем соборе (269 г). пресвитеру **Мальхиону,** бывшему наставнику одного софистического училища в Антиохии, удалось, посредством диалектическаго спора, торжественно обличить его в ереси, после чего Павел был осужден и извержен из сана. Но он нашел себе поддержку в Зиновии, царице Пальмирской, которая тогда правила Сирией, и удержал за собой Антиохийскую кафедру до 272 года, когда император Аврелиан, поразивши Зиновию, изгнал, по просьбе христиан, Павла из Антиохии и предоставил епископскую кафедру избранному на его место Домну. Последователи Павла Самосатского, под именем **павлиан**, существовали до 4 столетия. Из представителей учения **антитринитариев-модалистов,** особенно замечателен **Савеллий,** птолемаидский (в Египте) пресвитер (250-260 г.). Его учение представляет полнейшее развитие системы монархиан-модалистов; он первый ввел Третье Лицо Святой Троицы, Святого Духа, в круг своего созерцания и, таким образом, закончил их учение. У Савеллия Бог есть безразличное единство. Он открывается в мире в различных видах бытия и под различными именами: то как Отец, то как Сын и Дух Святой. Отдельного бытия Второе и Третье Лица Святой Троицы не имеют. Против Савеллия восстал Дионисий, епископ Александрийский (261 г.), и осудил его на соборе Александрийском. Дионисий, епископ Римский, которому было сообщено о ереси Савеллия, также подверг его осуждению на соборе Римском (262 г.).

Монтанизм.

В ряду ересей 2 и 3 веков **монтанизм** представляет собой явление особого характера. Монтанистическое учение имеет характер не столько еретический, сколько раскольничий. Исходный пункт монтанизма, в противоположность антитринитариям, — отрицание участия разума в деле веры и слепая вера во все откровенное, граничившая с суеверием. Основателем монтанизма был некто **Монтан,** родом из мизийской деревни, Ардавы, на границе с Фригией, человек совершенно неученый; он жил и действовал во второй половине 2 в. Со своим учением Монтан выступил, спустя немного после обращения в христианство, в Пепузе, что во Фригии, отечестве сумасбродного культа Цибеллы. Будучи строгим до фанатизма ревнителем благочестия, понимаемого в смысле совершения внешних подвигов, Монтан, под влиянием еще верования о наступлении тысячелетнего царства Мессии, возымел мысль усилить строгость церковной дисциплины, с целью приготовления ко вступлению в это царство. Вообразив себя вдохновенным свыше пророком, тем **Параклитом,** которого обещал послать на землю Спаситель, он, в состоянии исступления, или экзальтации, начал проповедовать о своем назначении очистить Церковь от примеси чувственности, привести ее членов в меру возраста совершенна. Люди, умевшие различать истинных пророков от ложных, с негодованием порицали Монтана; но люди невежественные, прельщаясь мнимой святостью его жизни и даром пророчества, напротив, увлекались его учением, и некоторые сами начинали пророчествовать также сумасбродно, как Монтан. Между прочим, к Монтану присоединились две женщины— **Прискилла и Максимилла,** которые, подобно ему, говорили бессмысленно, неуместно и странно.

На востоке, где впервые появился монтанизм, он, вследствие значительного развития там церковного просвещения, не имел большого значения и скоро был осужден; но на западе, где уровень церковного просвещения был ниже, монтанистический образ мыслей, занесенный сюда в конце 2 века, распространился очень сильно. Римские епископы, Елевферий и Виктор,

приняв в общение пришедших с востока монтанистов, сами склонились к их образу мыслей. Только в 193 году ученый еретик антитринитарий Праксей, пришедший с востока, успел отклонить Виктора от монтанизма; но последний, хотя и прекратил общение с монтанистами, все-таки придерживался монтанистических взглядов, доказательством чему служит его спор о времени празднования Пасхи. Карфагенская церковь вполне усвоила воззрения Монтана; пресвитер Тертуллиан, увлеченный строгими правилами жизни монтанистов и сделавшийся сам монтанистом, облек даже монтанистическое учение в систему.

Учение монтанистов в сущности не было отлично от обще-церковного учения; в противоположность гностикам и антитринитариам, они держались во всем положительного учения Церкви. Главный пункт, в котором они погрешали против Церкви, — это их учение о продолжении в Церкви Откровения и благодатных даров. По их понятию, Церковь Божия на земле развивается, под водительством благодати, постепенно и имеет свои возрасты. Так, под водительством Откровения в Моисеевом законе, она была в период отрочества, под благодатью Христовой или евангелием—в период юности, при откровениях через Монтана и других пророков Церковь вступила в период мужества. Но новые откровения монтанистов направлены не к сообщению нового догматического учения, а к переустройству собственно церковной жизни на более строгих началах. Поэтому монтанисты проповедовали строжайший аскетизм, удаление от брака, соблюдение особых постов, кроме положенных Церковью, и т.п. Во время гонений монтанисты заповедовали всеми силами стремиться к получению мученических венцов: если же случалось кому отпасть от Церкви, то таких они положительно запрещали принимать обратно в общение с Церковью. Все, впавшие в тяжкие грехи, напр., убийцы, прелюбодеи и т.п. грешники, по мнению монтанистов, также не должны приниматься в Церковь, если бы они даже и раскаялись. Вообще монтанисты всю жизнь христиан обставляли самыми строгими правилами, определяя даже цвет (траурный) платья для женщин. Их аскетические требования приводили в отрицанию всех земных радостей, всего, что имело в себе вид любви к миру и наслаждения в мире, хотя бы самого невинного, напр., искусством или наукой. Вся эта внешняя строгость жизни нужна была для того, чтобы достойным образом вступить в царство Христово, которое откроется в Пепузе и будет существовать тысячу лет. Допуская возможность излияния даров Святого Духа на всякого верующего и ставя своих пророков выше епископов, монтанисты тем самым отрицали всякое значение иерархии в Церкви и прерывали всякое единение с ней. Поэтому Церковь отделяла их от себя как сектантов. Образовав отдельное общество, монтанисты называли себя духовными христианами, а всех православных—душевными. Под управлением своего патриарха, обитавшего в Пепузе, монтанисты существовали до 6 столетия и даже позднее.”

Хилиазм.

Учение о наступлении на земле **чувственного тысячелетнего** царства Христова, известное под названием **хилиазма**, не только составляло принадлежность еретических систем — евионитов, монтанистов, но принималось даже некоторыми отцами и учителями Церкви. Начало хилиазма восходит ко временам дохристианским. Большинство иудеев, как известно, видело в обетованном Мессии не Искупителя от греха, проклятия и смерти, а земного царя, который устроит свое царство на земле и предоставит славу и власть иудейскому народу. Иудеи, принявшие христианство, внесли такие воззрения и в Церковь, тем легче, что христиане, по слову Спасителя, ожидали Его славного второго пришествия. Тяжелая участь христиан, во время всевозможных преследований и страданий, еще больше укрепляла некоторых из них в той

мысли, что необходимо должно наступить на земле славное тысячелетнее царство. В этом чувственном смысле христиане, разделявшие хилиастические воззрения, объясняли ветхозаветные и новозаветные пророчества, особенно Апокалипсис, в котором между прочим говорится (20:2-6), что сатана будет связан **на тысячу лет,** что мученики за Христа оживут и будут царствовать с Ним **тысячу лет.** Хилиазм особенно был распространен во 2 веке, в церквах малоазийских и фригийских. Папий иерапольский, Иустин Философ, Тертуллиан, Ириней, и другие разделяли ошибочные хилиастические воззрения. Впрочем, Ириней представлял тысячелетнее царство Мессии как переходную ступень для благочестивых к царству небесному. В 3 в. в Египте также сильно распространился хилиазм. Здесь, под предводительством епископа Непота, целая арсеноитская область держалась хилиазма и отделилась даже от Александрийской церкви.

Хилиазм, как заблуждение у еретиков и как ошибочное мнение у православных, встретил, при своем появлении, опровержение со стороны Церкви. Опровергая монтанистов, евионитов и гностика Керинфа, Церковь вместе с тем опровергала и хилиастические воззрения, входившие в учение этих еретиков. То обстоятельство, что хилиазм был составной частью учения еретиков, особенно содействовало его уничтожению среди православных. Ревностным обличителем хилиазма был, между прочим, римский пресвитер Каий (ум. около 217 года), вступавший в диспут с главой римских монтанистов, **Проклом,** и написавший сочинение об этом диспуте. Обличителем египетских хилиастов является известный **Дионисий,** епископ Александрийский, который, следуя аллегорическому и таинственному объяснению св. Писания Александрийской школы, по своим убеждениям был ревностным противником буквального и чувственного понимания пророческих сказаний. Непот, епископ Арсеноитский, не сочувствуя направлению Александрийской школы, написал в опровержение его сочинение под названием “Обличение аллегористов,” в котором тысячелетнее царство Христово, изображенное в Апокалипсисе, принимал за царство земное, с земными удовольствиями. Дионисий Александрийский, в опровержение Непота, не только написал сочинение “**Об обетованиях,”** даже лично вел диспут с хилиастами, и на соборе 255 года успел убедить многих из арсеноитских христиан отказаться от хилиазма. Затем, когда в начале 4 в. христиане освободились от гонений и для Церкви наступили более или менее спокойные времена, мечтания хилиастов о тысячелетнем на земле царстве Христовом прекратились сами собой.”

Мужи апостольские.

Под названием Мужей апостольских известны в Истории Церкви непосредственные ученики апостолов, лично общавшиеся с ними и нередко бывшие их ближайшими сотрудниками. Творения их носят характер писаний апостольских, — и это составляет их отличительную черту. К ним принадлежат:

Ап. Варнава. Имя его было Иосия. Апостолы называли его Варнавой, что значит “сын утешения.” Он был иудеем рассеяния с острова Кипр, принадлежал к сословию левитов. По преданию он был в числе 70 учеников Спасителя. В христианской Церкви он является действующим на самых первых порах. Он продал свою землю и вырученные за нее деньги положил к ногам апостолов. Он представил Савла апостолам, как чудесно обращенного. Он с Павлом основал Церковь из язычников в Антиохии и являлся ревностным сотрудником его, в проповеди среди евреев рассеяния и язычников. Когда апостолы разошлись на проповедь, то Варнава местом своей деятельности избрал Кипр, где и умер смертью мученика, уже после разрушения Иерусалима в 70 году. Ему приписывается одно послание, которое с самых древ-

них времен было известно под его именем. Он доказывает, что Ветхий Завет должен уступить место Новому и предостерегает уверовавших во Христа от увлечения иудейством. Писал он о путях жизни.

Св. Дионисий Ареопагит. Родился в Афинах от знатных родителей, путешествовал для приобретения образования**,** впоследствии занимал должность члена ареопага. Обратил его ап. Павел своей проповедью в ареопаге (54 г). и поставил первым епископом Афинским. Ревностно заботился о распространении веры, для чего отправлялся в разные страны. Скончался мученически, но неизвестно точно, где именно и когда. Известны его труды: О небесной иерархии, О церковной иерархии, Об именах Божиих, О таинственном богословии и десять писем к разным лицам. Сочинения эти характерны возвышенным и глубокомысленным богословием.

Св. Климент, третий епископ Римский (92-101). В христианство он обращен ап. Петром. Был сотрудником ап. Павла в распространении Церкви, как свидетельствует об этом сам Павел. Свою веру запечатлел мученической кончиной при Траяне. Памятником его деятельности осталось его **послание к коринфянам.** Коринфская церковь знала, с самого начала своего, разделения, и их наставлял ап. Павел. Впоследствии там некоторые дошли до сомнения в истине воскресения мертвых. Благомыслящие и обратились к св. Клименту, тем более, что неверы отложились от своей иерархии. Св. Климент, проникнутый духом апостольской любви и кротости, призывал своевольных коринфян смириться, покаяться и покориться своей иерархии. Обличал он заблуждения их относительно воскресения мертвых. Послание св. Климента пользовалось большим уважением в древней Церкви, так, что читалось при богослужении наравне с книгами апостольскими. Св. Клименту приписываются еще некоторые сочинения, но нет твердой уверенности, что они написаны им.

Св. Игнатий Богоносец, епископ Антиохийский, ученик ап. Иоанна Богослова, в 107 г. по приказанию Траяна брошенный в Риме на растерзание львам. Имеются семь его посланий, написанных во время доставки его в Рим на казнь: послания к ефесянам, магнезианам, траллийцам, римлянам (из Смирны), к Поликарпу, еп. Смирнскому, смирнянам и филадельфийцам (из Троады). Он убеждал их сохранять правую веру, повиноваться Богоучрежденной иерархии, в особенности епископам. По отзыву св. Поликарпа, послания св. Игнатия содержат в себе образцы веры, терпения и всякого назидания о Господе.

Св. Поликарп, епископ Смирнский, любимый ученик ап. Иоанна Богослова, им поставленный во епископа Смирнского. Он дожил до глубокой старости и замучен в 167 г. во время гонений при Марке Аврелии. Он писал много посланий христианам соседних Церквей для укрепления их в чистой и правой вере. Сохранилось только **послание к филиппийцам**. Боролся он против еретических суждений, главным образом, докетов, говорил, что тот, кто не исповедует пришествие Иисуса Христа во плоти, тот антихрист.

Св. Ерм еще в древности признавался тем Ермом, которому ап. Павел посылал приветствие (послание к римлянам). Родом грек, он проживал в Риме во второй половине 1 века. Принадлежащая ему книга "**Пастырь"** была известна еще в древности и пользовалась большим уважением в Церкви. Она разделяется на три меньшие книги: в первой изложены четыре видения Ерма, во второй 12 заповедей, сообщенных ему пастырем: о милосердии, покаянии и т.п., в третьей 10 притчей или сравнений, направленных к изъяснению разных истин христианского вероучения. Ерму наставления сообщал Ангел в виде пастыря.

Св. Папий, епископ Иерапольский во Фригии, ученик ап. Иоанна и друг св. Поликарпа Смирнского. По преданию, он скончался мученически при Марке Аврелии. Ему приписываются пять сочинений под заглавием "**Изъяснение Господних изречений,"** из которых сохранилось только несколько отрывков. Он не ограничивался изучением св. Писания, но и со-

бирал устные рассказы о делах и учении Спасителя и апостолов, основываясь на неписанном предании. Вследствие не всегда достаточной проверки материала, у него встречаются неправильности.

Богословская Наука после Апостольского времени.

В век апостольский изучение христианских истин не носило научного характера. Христианское учение принималось непосредственно верой и усваивалось без пособия каких либо теоретических доказательств его истинности. В последующие времена возникло желание привести христианское вероучение в систему, изложить его в логическом порядке, с развитием всех его частностей из одного общего основного начала и с должными доказательствами. Появилось стремление придать вероучению научную форму, не касаясь его содержания, что не было противно Евангелию. Побудило к этому и принятие христианства учеными язычниками. Они желали не только веровать, но и знать, почему следует веровать так, а не иначе. Этого же требовала, вместе с тем, борьба с языческой ученостью и гностическими системами. Научное богословие, при самом появлении, приняло двоякое направление. Одни отцы отвергали сопоставление откровенных истин с философскими умозрениями в области веры. Они отрицали права разума, в смысле философском, на участие в деле веры. Направление это господствовало в школах **малоазийской** и **северо-африканской.** Другие, опровергая ложный гносис еретиков, пользовались философскими положениями и умозрениями, как вспомогательным средством, для понимания христианского вероучения, но все же в должных пределах. Это направление господствовало в школах а**лександрийской** и **антиохийской.**

Школа малоазийская.Представителями её во время цветущего состояния были:

Св. Ириней, епископ Лионский. Он получил христианское образование под непосредственным руководством св. Поликарпа, еп. Смирнского, и был одним из глубокомысленных богословов своего времени. Его деятельность относится ко второй половине 2 в. Св. Поликарп ревностно заботился о галльской Церкви, получившей свое начало от Церквей малоазийских, послал туда своего ближайшего ученика Иринея, на помощь епископу св. Пофину. После мученической кончины последнего, Ириней (ок. 177) и был поставлен епископом Лионским. Он был замучен в 202 г. при Септимии Севере. Среди его сочинений первое место занимает "**Обличение и опровержение лжеименного знания,"** состоящее из пяти книг. Оно известно и под другим названием "**Против ересей"** и сохранилось до настоящаго времени. Он опровергает гностические системы, опираясь на св. Писание и на св. Предание.

Св. Ипполит, епископ пристани близ Рима. Его деятельность относится ко второй половине 3 в. Он был учеником св. Иринея и, подобно ему, одним из образованнейших писателей своего времени. Особенно замечательны его беседы, толкования на книги св. Писания, напр. Бытия, Исход, Пророков, на Евангелия и пр., и сочинения догматико-полемические, как "Обличение всех ересей."

Юлий Африкан. Он учился в Малой Азии, проживал в Палестине в первой половине 3 в. (ум. 232 г.), где в Никополе или Еммаусе был, вероятно, **пресвитером.** Он известен как первый составитель **христианской Всемирной Истории** в 5 книгах, которая сохранялась только в трудах других церковных писателей. Известны также его **письма к Аристиду и Оригену,** с которым он был в дружеских отношениях. В письме к Аристиду он говорит а мнимом разногласии родословий Христа в Евангелиях Матфея и Луки. По отзыву Евсевия Кесарийскаго, в этом послании он самым ясным образом доказывает согласие евангелистов,

дошедшим до него преданием. Юлий Африкан был ревностным исследователем еврейских и христианских древностей.

Школа северо-африканская. Представителями её были:

Тертуллиан, пресвитер карфагенской Церкви, один из замечательнейших писателей западной Церкви. Он первый стал писать богословские сочинения на **латинском** языке, положив начало латинской церковной литературе. Тертуллиан, сын римского сотника (150-220), в Карфагене, получил блестящее, хотя и не всестороннее, образование, и, до принятия христианства, был адвокатом. Христианином он стал уже в зрелом возрасте. Обладая блестящим умом, пылкой фантазией, твердой волей, решительным характером, он был энергичен, но раздражителен. Приняв христианство, он всю жизнь свою посвятил ему. Но, к сожалению, он увлекался **монтанизмом**. Основательно борясь с гностиками, он отрицал совершенно участие разума и науки в деле веры. В конце своей жизни он отказался от монтанизма и основал свое особое общество, члены которого назывались **тертуллианистами.**

Пораженный несправедливыми нападениями языческого общества на христиан, он стал красноречивым христианским апологетом. Увлекшись монтанизмом, он был, с одной стороны, жарким противником и остроумным обличителем **гностиков** и **антитринитариев**, искажавших откровенное учение, а с другой, - строгим до крайности **нравственным писателем**.

Сочинения его – апологические, догматические и догматико-полемические. Одни написаны до монтанистического периода, другие после.

Св. Киприан, епископ Карфагенской. Он происходил из богатой языческой семьи в Карфагене и славился как ученый ритор. Христианином стал в 246 г. на сороковом году жизни. Вскоре он был поставлен пресвитером, а в 248 г. епископом. Он был горячим почитателем Тертуллиана, прилежно изучал его сочинения, но был совершенно чужд его монтанистическим воззрениям. Его сочинения тесно связаны со всей его деятельностью, так как написаны в связи с тогдашними церковными обстоятельствами и вызваны борьбой с еретиками. Из всех его сочинений первое место занимает труд "**О единстве Церкви."** Он доказывает, что Церковь христианская, несмотря на множество частных церквей, есть **единая,** и что епископство, служащее выражением единства Церкви, также **едино,** несмотря на значительное количество епископов. Это положение он обосновывает тем, что сам Иисус Христос установил так, начав с ап. Петра. Отсюда вытекало признание им важности римской Церкви. Но он не считал епископа римской Церкви главенствующим над всеми епископами. Верховную власть в Церкви он присваивает **всей совокупности** епископов, как наследников власти ап. Петра. И на практике он не признавал такой исключительности власти римского епископа, что видно из его спора с папой Стефаном по вопросу о крещении еретиков. Впоследствии, сочинение св. Киприана подверглось искажениям, с внесением в него многих выражений, нужных Римской кафедре.

Школа Александрийская. В Александрии, как полагают, еще **св. ев. Марком** основано было христианское училище. Сначала оно было обыкновенной школой, бывшей при епископских кафедрах для первоначального наставления или оглашения в вере обращавшихся в христианство. Позднее оно стало богословско-учено-образовательным заведением, столь важным в этом средоточии всемирной образованности и учености. Такой вид придал ему один из ученых его наставников или, как они тогда назывались, катехетов, **Пантен (180-191 гг),** преемник Афинагора. Пантен, а затем и другие учители и ученики Александрийского училища, образуют школу писателей, т. н. **Александрийскую.** Представители этой школы:

Пантен был родом из Афин и первоначально принадлежал к школе стоиков. Приняв христианство, он посвятил себя распространению его как среди язычников греко-римской империи, приходивших слушать его уроки, так и среди варваров, для чего путешествовал в Индию. Пантен написал несколько комментариев на св. Писание, но они не дошли до нашего времени.

Тит Флавий Климент, пресвитер Александрийский, ученик Пантена и, после него, наставник училища (191-202). Будучи язычником, он получил, для своего времени, всестороннее образование, которое усовершенствовал еще, после обращения в христианство, своими путешествиями с научной целью по Греции, Италии, Сирии и Палестине. Став в Александрии учеником Пантена, он заменил его в должности катехета, когда тот отправился проповедовать Евангелие в Индии. В новой должности Климент получил, вероятно, сан пресвитера. Во время гонений при Септимии Севере (202), когда ему угрожала опасность, он удалился на восток и проживал в Иерусалиме, Антиохии, Каппадокийской области, продолжая ревностно трудиться на пользу Церкви словом и писаниями. Возвращался ли он до смерти, последовавшей в 220 г., в Александрию, неизвестно. Деятельность его, главным образом, протекала в Александрийском училище, где он, толкуя св. Писание, раскрывал перед своими слушателями христианское вероучение так доказательно и убедительно, что многие из язычников под влиянием его уроков, обращались в христианство. В своих сочинениях он стремился облечь христианское учение в научную форму. При этом, вопреки мнению некоторых отцов и учителей Церкви, чуждавшихся философии и науки, он считал таковые полезными для христианства, поскольку они, образуя человеческий ум, помогают глубокому и всестороннему пониманию христианского вероучения. Его труд “**Строматы”** представляет **первые попытки** соглашения веры и науки, заключая в себе изложение вероучения, возведенного, при помощи философских умозрений, в степень религиозно-философского знания. Понимание откровенного учения в его основах научным образом Климент называет истинным гносисом и обладающих им—истинными гностиками, в противоположность ложному гносису языческих философов и язычествующих еретиков христианской Церкви. Не отступая от положительного учения веры, Климент, под влиянием начал Филоновского платонизма, приходил к напрасному отрицанию буквального смысла писаний и замене его, без нужды, таинственным, аллегорическим.

Ориген, преемник Климента в должности наставника училища, был одним из величайших ученых своего времени не только среди христиан, но и язычников. Своей просвещенной деятельностью в Александрии и других местах, а также сочинениями, он приобрёл сильное влияние на современников Им создано в церковном просвещении особое богословское направление, которое сохранялось долгое время после его смерти. Он родился в Александрии ок. 185 г. Отец его **Леонид, а**лександрийский ритор, был научно и христиански образованным. Под его руководством он и получил начальное образование, проявляя с юных лет необыкновенные дарования. Знания его обогатили уроки Климента. Во время гонений при Септимии Севере (202 г). был замучен Леонид. Ориген хотел разделить его участь. Удержанный матерью, он писал отцу в темницу, убеждая его не отступать от веры. Одна богатая женщина дала ему приют в своем доме, но он ушел от неё, т. к. в доме её собирались еретики. Ориген решил стать преподавателем словесных наук и тем добывать себе содержание. Многие язычники, желавшие принять христианство, обращались к нему с просьбой научить их истинам, — и он сделался **огласителем.** Во время гонений он ободрял и поддерживал верующих, безбоязненно посещая заключенных, сопровождая их в суды и даже на место казни, причем сам едва избегал смерти. Оригена оценил епископ Александрийский Димитрий, который в 203 г. поручил ему должность катехета и начальника огласительнаго училища, вместо Климента,

отправившегося на восток. Ревностно преподавая, он свободное время проводил в молитве, в изучении св. Писания и стремился вести жизнь аскетическую. Желая сделаться бесстрастным, он дошел до того, что оскопил себя. Слава Оригена, как великого христианского учителя, привлекала к спору с ним многих языческих философов. Для большей успешности в таких спорах Ориген отлично изучил все философские системы. Свои познания он расширил, путешествуя в Палестину, Грецию и Рим. Для противопоставления ученым язычникам истин христианских, Ориген признал полезным для Церкви перенять у язычников научную форму, в которую можно вложить христианское вероучение. Число его учеников все увеличивалось, он нашел помощника, в лице друга своего **Иракла,** и разделил школу на две половины. **Иракл** преподавал начинающим ученикам, а сам Ориген более подготовленным. Языческие философы и еретики приходили слушать Оригена и учиться у него. Среди обращенных им был видный еретик Амвросий, ставший потом его другом. В 217 г. Ориген был приглашен одним князем для проповеди в Аравии. В 219 г. он отправился в Палестину и обосновался в Кесарии, т. к. в Египте было опасно жить из- за междоусобной войны. Епископ Кесарийский Феоктист позволил ему в своей церкви и в своем присутствии беседовать и изъяснять св. Писание, хотя он не был еще рукоположен во пресвитера. Это вызвало неудовольствие александрийскаго епископа Димитрия, считавшего, что мирянину не следует публично учить в церкви. Он потребовал возвращения Оригена в Александрию, что тот и выполнил. В 220 г. Ориген был вызван в Антиохию, ко двору Юлии Маммеи, матери имп. Александра Севера. В 228 г. его вызвали в Грецию, где возникла ересь. Сам еп. Димитрий отправил его туда для борьбы с ней. По пути, в Палестине, друзья Оригена, епископ Феоктист Кесарийсюй и Александр Иерусалимский, поставили его в пресвитера, считая, что тогда он будет пользоваться большим авторитетом у еретиков. Когда через два года он вернулся в Александрию, то был встречен недружелюбно еп. Димитрием. Слава его вызывала в нем зависть. Считал он и нарушением своих прав посвящение Оригена епископами других Церквей. Скопчество Оригена Димитрий признавал препятствием к поставлению его пресвитером. На соборе в Александрии Оригену запрещено было учить в Александрии и указано пребывать вне Александрийской епархии (231 г.). Найдены были в сочинениях Оригена некоторые вольные мысли. Постановлением собора в 232 г. Ориген был извержен из пресвитерского сана и отлучен от Церкви. Он еще до окончания суда удалился на восток к своим друзьям епископам, у которых нашел дружественный прием. Епископы в Палестине, Финикии, Аравии, Ахаии были на стороне Оригена и против его отлучения.

Ориген сосредоточил всю свою ученую деятельность **в Кесарии.** Он основал такое же училище, как и в Александрии, которое славилось многими учеными мужами. В 244 и 248 годах Ориген принимал участие на соборах аравийских против еретиков. Силой своего убеждения он заставил еретиков отказаться от своего учения. Во время гонений при Декии Ориген подвергался истязанию. В 254 г., обессиленный старостью (ему было ок. 70 лет) и истязаниями, он умер в Тире, в мире и общении с Церковью.

Ориген обладал всесторонней ученостью, и общей, и богословской. Он написал сочинения по всем отраслям богословского знания и получил прозвание адамантового. Древние (св. Епифаний) приписывали ему до 6000 сочинений, считая, конечно, все беседы его и письма. Особенно замечательны его труды по исследованию св. Писания. Для проверки греческого текста он изучил еврейский язык. Много потрудился он по части толкования св. Писания. Во всяком месте Писания Ориген находил троякий смыслъ: буквальный, нравственный и таинственный, причем слишком увлекался последним. Из многочисленных сочинений его против еретиков не сохранилось до нашего времени ни одного. О его труде “Против Цельса” говорилось выше. Из догматических его сочинений особенного внимания заслуживают его **“Стро-**

маты” в 10 книгах, из которых сохранились только отрывки, и **“О началах,”** т. е. вещей или веры. Оно сохранилось в латинском переводе, представляя собой первый опыт научного, систематического изложения христианских догматов. В этом труде есть спорные и неверные места. Некоторые его воззрения послужили поводом к развитию ереси. Свои произвольные мысли он высказывал не как учение Церкви, а как свои личные предположения. Таковы его мнения: о творении душ человеческих прежде творения этого видимого мира (теория предсуществования душ); о падении их всех в одно время; о существовали многих миров прежде творения этого видимого мира; о наступлении времени, когда мучения грешников прекратятся (Е. Смирнов).

Ориген хотя и был удален из Александрии, но направление, сообщенное им церковному просвещению, оставалось там во всей силе. Оригеновская школа процветала и в **Кесарии.** В обеих школах были у него горячие приверженцы и последователи. Из Александрийских учеников особенно замечателен **Дионисий,** которого в 233 г. назначили учителем, вместо Иракла, поставленнаго епископом. Дионисий с 248 по 265 гг. был александрийским епископом. Происходил он из благородного и богатого александрийского семейства. Его деятельность была очень плодотворна для Церкви. Во время гонений Декия и Валериана он показывал своей ревностью пример пастве. Принимал он самое живое участие в разрешении всех вопросов, занимавших в то время Церковь. По старости он не смог принять лично участие в соборе против Павла Самосатскаго, письменно изложил свое осуждение его. Из творений Дионисия сохранились только отрывки.

В **Кесарии** из школы Оригена вышли:

Григорий Чудотворец. Он происходил из богатой языческой семьи и готовился к адвокатской деятельности. В 231 году в Кесарии он встретился с Оригеном; сделался христианином и, под его руководством, ревностно занялся изучением богословия. В 244 г. Григорий был поставлен епископом Кесарийским и проявил себя ревностным распространителем христианства. Известны его творения: символ веры о Св.Троице, каноническое послание в ответ на запросы некоего духовного лица, вызванные готским нашествием и панегирик Оригену. Преставился он около 270 г.

Св. Памфил, пресвитер кесарийский. Он получил богословское образование в Александрийском училище, где слушал наставника Персия (265-281). Получив сан пресвитера в Кесарии, он продолжал труды Оригена в тамошнем училище. С особенной любовью он занялся устройством **библиотеки** при училище, основанной еще Оригеном, для чего собирал списки св. Писания и творений отеческих. Списки св. Писания, вышедшие из рук священномуч. Памфила, считались в древности драгоценностью, т. к. отличались верностью. Блаж. Иероним писал о нем: “Памфил до того был привязан к священным книгам, что своей рукой переписал большую часть книг Оригена по св. Писанию. Рукописи его до наших дней хранятся в кесарийской библютеке.” Св. Памфил скончался мученически в 309 г. Находясь в темнице, он написал в 5 книгах сочинение в **защиту Оригена,** законченное его учеником и другом, Евсевием, епископом Кесарийским, первым крупным церковным историком.

Школа Антиохийская.

В конце 3 в. образовалась еще научно-богословская школа в Антюхии. Основателями её были ученые антиохийские пресвитеры: **Дорофей** (ок. 290 г). и **Лукиан.** Последний особенно замечателен, как ученый исправитель текста св. Писания Ветхого и Нового Завета. Преп. Лукиан при Диоклетиане был исповедником веры, потом был заключен в нико-мидийскую тем-

ницу при Максимине, где, согласно Месяцеслову Ив. Косолапова, мученически скончался 7 января 311 г.

Антюхийская школа была в особенно цветущем состоянии в 4 в. Направление её было отлично от школы Александрийской. В последней преобладал **идеализм,** наследованный от философии Платона, выразившийся аллегоризмом и мистицизмом в толковании св. Писания и глубокими умозрениями в разрешении догматических вопросов. В Антиохийской школе, напротив, преобладал **реализм,** — основной принцип философии Аристотеля, — допускавший в св. Писании преимущественно буквальный смысл и требовавший простоты и ясности в понимании христианских догматов. Оба эти направления, доведенные до крайности, послужили основанием для развития в Церкви ересей в 4 и последующих веках.

Церковная жизнь.

Устройство и управление Церкви.

“**О**снователь и Глава Церкви дал все духовное полномочие в ней Своим апостолам (Иоан. 20:21), которые были первыми правителями ее. Когда она стала распространяться, апостолы на помощь своему служению учредили должности сперва **диаконов** (служитель), потом **пресвитеров** (старейшина). Первым вверено было **служение** материальным нуждам христианской общины—распоряжение благотворительной кассой ее и раздача пособий бедным; также поручено было и совершение таинств. Вторые получили пастырскую духовную власть, — должны были заботиться об удовлетворении духовных потребностей христиан учением, нравственным руководительством и священнодействиями.

“Но так как Церковь должна, по обещание Христову, пребывать до скончания века, то и полнота правительственной власти, дарованной от Христа апостолам, должна была не окончиться с их смертью, а оставаться в Церкви вечно. Поэтому апостолы передали свои полномочия избранным преемникам своим с тем, чтобы оно продолжалось в Церкви **преемственно** и неизменно. Этим лицам, получившим название **епископов (**блюститель), апостолы поручили в основанных христианских общинах высший надзор и управление **(архипастырство),** чего апостолы не могли всегда удержать за собой лично, как обязанные распространять христианство во всем мире.”

“Так образовалась в первой Церкви **иерархия** (священноначалие*).* Призванные в ней лица составили особый разряд членов Церкви, впоследствии названный **клиром** (жребий, доставшийся по жребию удел или доля). Прочие члены Церкви назывались **братиею,** потом мирянами (принадлежащими к народу)” ...

“Таким образом высшая, в собственном смысле, правительственная, власть в Церкви поручена апостолами епископам — преемникам их; другие же чины иерархии поставлены быть только помощниками епископа в церковном управлении, прочие члены клира — служебными лицами” (“Лекции по церковному праву” заслуженного профессора Императорского Училища Правоведения протоиерея В. Г. Певцова).

Епископы, клир и миряне составляли собой **единую** Церковь, имея одну Главу — Христа. Епископы и члены клира управляли, учили и совершали богослужение; миряне были пасомыми, но и также принимали участие в богослужении, в управлении церковными делами и даже в избрании епископов и членов клира.

Епископские округа получили потом название **епархий.** Это название заимствовано из гражданского разделения римской империи времен Константина Великого. Епископы поддерживали единство друг с другом, собирали, по примеру Апостольского собора, совещания соседних епископов. Постепенно создавались округа, средоточием которых были главные города римской империи. Они имели значение в церковном отношении, как матери для других городов при распространении христианства, или **митрополии.** Епископы этих городов-митрополий были первенствующими и именовались **архиепископами,** председательствуя на окружных соборах. С 4 в. в восточных Церквах им присвоено было название **митрополитов.** В некоторых странах епископы, имевшие значение митрополитов, назывались **примасами.** До учреждения патриаршеств митрополиты поставлялись собором епископов округа.

В первые же столетия приобрели особое значение и влияние в Церкви митрополиты **Рима, Александрии и Антиохии Сирийской,** так как в этих городах епископские кафедры были основаны самими апостолами.

После основания Константинополя, новой столицы империи, или нового Рима, его епископу дана была власть митрополита, на втором же Вселенском Соборе предоставлено преимущество чести и старшинства после римского епископа. В 5 в., со времени Халкидонского Собора, этим первенствующим митрополитам, называвшимся иногда **экзархами** (начальниками), усвоено было почетное название **патриархов** (начальники отцов). Во внимание к той чести, которую в глазах христиан имел город Иерусалим, наименование патриарха получил и митрополит Иерусалимсюй.

По постановлению Трулльскаго Собора, порядок старшинства патриарших кафедр был установлен следующий: римская, константинопольская, александрийская, антиохийская и иерусалимская. С конца 16 в. шестое место заняла патриархия московская.

“Если отдавались преимущества некоторым церквам и их предстоятелям, то это происходило по особым обстоятельствам, указанным выше, и было только первенством **чести,** а не **господством;** епископы церквей больших и главных городов были только **первыми между равными.** Несмотря на это, уже во 2 и 3 вв. со стороны римских епископов были сделаны попытки образовать **главенство** в Церкви, т. е. поставить римского епископа во главе всей Вселенской Церкви с правом верховной власти. Эти попытки обосновывались на преимуществе чести римской церкви, которое отдавалось ей во всех западных и даже восточных церквах. В конце 2 в. возникли споры по вопросу о времени празднования Пасхи. Римский епископ **Виктор,** человек высокомерный, властолюбивый, настоятельно требовал, чтобы церкви малоазиатские, праздновавшие Пасху не в одно время с церковью римской, праздновали непременно в одно время с последней и даже, как бы имеющий власть во всей Церкви, своими грамотами объявил малоазийских христиан лишенными общения, когда те не хотели подчиниться его требованию. Такое же притязание на главенство сделано было в середине 3 в. другим римским епископом, **Стефаном, ко**гда начались споры по вопросу о крещении еретиков. Стефан не хотел знать никакой другой практики церковной относительно крещения еретиков, кроме практики римской церкви, и, подобно Виктору, требовал от церквей малоазиатских и северо-африканской принятия ее. Когда эти церкви отказались, он угрожал им прекращением общения, а Киприана Карфагенского хотел даже отлучить. Но в обоих случаях церкви малоазиатские и северо-африканская дали твердый отпор притязаниям на главенство; они не признали за римским епископом права приказывать и повелевать во всей Вселенской Церкви. Ириней Лионский убедил Виктора не нарушать мира Церкви из-за неважных разногласий, а Киприан на третьем карфагенском соборе постановил даже, против притязаний римского епископа, чтобы африканская церковь ни в каком случае не обращалась к суду римской церкви.”

“Управление каждой местной церковью сосредоточивалось в лице предстоятеля ее, **епископа,** как преемника апостольской власти. Он заведовал всеми церковными делами: без его воли пресвитеры и диаконы не могли ничего совершать (39-е Апост. прав.), и тем более устраивать отдельные богослужебные собрания без его благословения (31-е Апост. прав.). Вследствие той тесной связи, которая объединяла между собой всех членов церкви в одно целое, епископское управление имело характер правления семейного, и самому епископу, поэтому, часто усваивалось название **отца** (papa). Под главным надзором епископа принимали деятельное участие в управлении клир и миряне. По всем важнейшим церковным делам епископ всегда совещался со своими пресвитерами и диаконами и выбранными старостами из мирян. К таким делам относились: обсуждение вопросов об избрании на церковные должности, дела о членах, впавших в ереси, дела о падших во время гонений: суд над теми и другими, важнейшие вопросы по распоряжению церковным имуществом и т.п. Пресвитеры, диаконы и старцы из мирян, таким образом, составляли при епископе как бы главный совет его. Ближайшими же советниками и помощниками епископа по управлению церковью были вообще пресвитеры. При их участии епископ избирал кандидатов на церковные должности, главным образом через них наблюдал за жизнью паствы, вместе с ними распоряжался церковным имуществом, вообще обсуждал с ними все церковные дела. Пресвитеры, во главе со своим **архипресвитером,** лицом ближайшим к епископу, составляли при последнем **пресвитерский совет.** За смертью или отсутствием епископа, они заведовали всем церковным управлением. Значение диаконов в церковном управлении состояло в том, что они были первыми исполнителями всех поручений, решений и распоряжений епископа по всем церковным делам. По поручению епископа они собирали справки, нужные ему по тому или другому делу, раздавали, по назначению его, вспомоществования из церковных сумм бедным и другим, призреваемым церковью, лицам, объявляли верующим решения епископа, напр., о времени и месте богослужебных собраний, и т. д. Первое место между диаконами занимал **архидиакон,** который, как ближайшее и доверенное у епископа лицо, имел в своем ведении всех диаконов и низших клириков, наблюдая за их жизнью и руководствуя при богослужении. Вследствие своих непосредственных сношений с епископом и близости к нему, а также вследствие постоянных и близких сношений с мирянами, диаконы, и особенно архидиакон, приобретали иногда большое влияние на управление церковными делами, даже большее, чем пресвитеры, от чего и относились к последним так, как будто бы они занимали высшую иерархическую степень. Поэтому 1-й вселенский собор счел нужным указать диаконам настоящее их место в иерархии.

“Проводниками епископской власти в сельских и деревенских церквах (приходах) были, так называемые, **хорепископы** (сельские епископы). Это были лица, имевшие пресвитерскую и иногда даже епископскую степень, и особо уполномоченные от епископа города. Имея в своем заведовании известный округ сельских церквей, они управляли ими, подобно епископу города, при пособии клира и мирян. Особенным преимуществом их было то, что они избирали для подведомых им церквей низших клириков, причисляя их к клиру, а те, которые имели рукоположение по чину епископства, с соизволения епископа, даже рукополагали пресвитеров и диаконов. Но в то же время хорепископы должны были доставлять епископу города сведения о тех лицах, которых они принимали в клир. Вообще же, хорепископы находились в подчинении у епископа города, так как и самое назначение их на должность зависало от него.”

Церковные должности.

Потребность должного благочиния в Церкви вызвала установление во 2 и 3 вв. новых должностных лиц, которые, не принадлежа к иерархии, составляли низший разряд его. Чтение священных книг входило в обязанность епископов, пресвитеров и диаконов. Во втором же веке для чтения священных книг, кроме Евангелия, стали назначаться **чтецы.** В 3 в. учреждены были должности **иподиаконов** (прислужников). Они, состоя в распоряжении диаконов, наблюдали за тем, чтобы верующие, входящие в молитвенное собрание, занимали должные места.

В 3 в. в некоторых церквах, особенно восточных, составившихся из евреев, установлены были **певцы.** Должность **парамонарей** (привратников) учреждена была для наблюдения за внешностью места богослужебных собраний и недопущения в собрания отлученных от Церкви, еретиков, иудеев и язычников. Они же обязаны были извещать собрание об опасности, возникавшей со стороны властей или языческой толпы.

Во времена апостольские в церквах, составившихся из язычников, создана была, в соответствии с диаконской, должность **диаконисс.** Избираться могли только девственницы или вдовицы. Они наблюдали за порядком во время богослужений в женских отделениях, наставляли женщин, желавших креститься, прислуживали при их крещении, исполняли поручения епископов, касающияся женщин.

Избрание и посвящение духовных лиц.

Установив степень иерархии, апостолы дали Церкви определенные указания на то, какие лица и с какими качествами должны быть избираемы на иерархические должности и как должно производиться самое избрание их. Ап. Павел, в своих пастырских посланиях к Тимофею и Титу, разъясняет: “епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен, страннолюбив, учителен, держащийся истинного слова, согласного с учением, чтобы он был силен наставлять в здравом учении и противящихся обличать, не пьяница, не убийца... хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всякою честностью; ибо кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись церкви Божией? не должен быть из новообращенных; наконец, должен иметь о себе вообще одобрительные отзывы не только между верующими, но даже и язычниками (1 Тимоф. 3:2-7 и Тит. 1:9). Те же самые качества требуются и от пресвитера (Тит. 1:5-9), равно как и диакона (1 Тимоф. 3:8-21). Так называемые апостольские правила, составленные на основании апостольских писаний и апостольского предания, к сим требованиям присоединяют, что глухой и слепой не может быть епископом (Апост. прав. 78), а также бесноватый (прав. 79), раб без согласия господ (прав. 82), и, вообще, всякий женатый на вдове, отверженной от супружества, блуднице, рабыне или актрисе (прав. 18), не могут быть приняты в клир. — Что касается способа избрания на иерархические степени, то апостолы сами установили тот порядок, чтобы в выборе принимали участие все члены известной христианской общины. Так, при установлении диаконской степени, апостолы собрали всю общину и предложили ей самой избрать семь человек испытанных, исполненных Духа Святаго и мудрости (Деян. 6:3), а сами освятили её выбор рукоположением избранных. Ап. Павел, в первое свое путешествие, рукополагая в пресвитеров к разным церквам (Деян. 14:23), конечно, в этом случае, сообразовался с желаниями всех верующих этих церквей.

Эти апостольские указания послужили для Церкви правилами, которыми она руководствовалась всегда при избрании на иерархические должности. Все члены известной общины, как клир, так и народ или миряне, принимали всегда живое участие в выборе лица на ту или другую иерархическую степень. Впрочем, в тех церквах, в которых, по многочисленности членов, или по другим причинам, было неудобно всем подавать свои голоса при выборе, от народа назначались для этого особые лица, старцы, которые представляли в своем лице всю общину. Так было в некоторых западных церквах. Когда делалось известным в общине имя избираемого, — а такого предлагали епископ и пресвитеры, по большей части, — каждый член церкви имел право говорить в пользу лица избираемого или против него, и голос каждого был принимаем в уважение. Подобный порядок был вполне возможен в то время, ибо избираемый должен был непременно принадлежать к той общине, для которой избирался, и, следовательно, должен был быть известен каждому. Затем, когда вся церковь находила, что избираемое лицо, согласно требованиям апостольским, достойно занять иерархическую степень, произносили общий возглас: “достоин” (аксиос), и следовало посвящение. В пресвитера и диакона рукополагал епископ местной церкви, в епископа же рукополагали, по большей части, епископы окрестных церквей (Апост. прав. 1-е). Последние принимали даже участие и в самом избрании епископа, или сами лично, или через своих уполномоченных, наблюдая в этом случае, чтобы избираемое лицо, по своим достоинствам, соответствовало требованиям апостольским, и даже самым делом испытывая его в правоверии. При избрании епископа требовалось еще согласие на это и одобрение со стороны епископа главного города известной области, присутствовал ли он на месте во время избрания, или нет (6-е правило 1-го Вселен, соб.).

“Что касается назначения на низшие церковные должности, то и здесь также принимаем был в уважение голос всей общины. С течением времени, впрочем, назначение на эти должности передано было одному епископу с его пресвитерами и диаконами, так как поставление на эти должности не имело такого важного значения для Церкви, как поставление пресвитера, или епископа.”

Положение клира в первые века.

“**К**лир христианской Церкви первых веков не составлял какого-либо наследственного сословия, как это было в церкви ветхозаветной; напротив, в состав его мог вступать каждый из верующих, чувствовавший призвание к священному служению и удовлетворявший условиям вступления в клир. Особого приготовления для вступления в клир, вроде школьного, также не было. Самой лучшей школой для образования клириков было служение в том же клире, начиная с низших должностей под руководством епископа и на глазах всей общины. Только с течением времени явились христианские училища, например, в Александрии, в которых могли готовиться служители Церкви. Так как Церковь в первые века не имела разрешения правительства на свое существование, то и члены клира, вступая в состав его, не пользовались никакими общественными правами и преимуществами по своим церковным должностям. Но, с другой стороны, исполняя в Церкви возложенные на них обязанности, члены клира нередко не оставляли обязанностей, возложенных на них языческим обществом или правительством, вследствие чего они пользовались теми или другими государственными преимуществами. Впрочем, Церковь вскоре нашла, что мирские занятия не совместны со званием и обязанностями иерархического служения, почему они и были воспрещены епископам, пресвитерам и

диаконам. К таким занятиям особенно причислялась гражданская или военная служба (Прав. Апост. 6, 20, 81, 83).

Что касается брачной или безбрачной жизни членов клира, то нужно заметить, что та и другая одинаково допускались для всех степеней иерархии, так что епископы могли состоять в брачной жизни. Из вступивших в христианскую Церковь было много лиц, которые состояли уже в браке и в то же время признавались достойными занять какую-либо иерархическую степень; поэтому ап. Павел, не поставляя брака препятствием к священнослужению, сделал только ограничение брачному состоянию иерархических лиц, сказав, что епископу, пресвитеру и диакону следует "быть мужем одной жены." Но в то же время Церковь не понимала слишком буквально этого апостольского наставления так, чтобы иерархические лица непременно должны были состоять в браке, и ап. Павел, как видно из хода его речи, не придавал своим словам такого безусловного значения, имея в виду положить только предел стремлениям лиц иерархических к брачной жизни. Лица, не связанные с миром брачными узами, если они удовлетворяли другим условиям для вступления в клир, всегда принимались в состав его, и безбрачному состоянию лица, занимающего епископскую степень, даже отдавалось преимущество, так как епископ, не стесняясь брачными связями с миром, всецело мог посвятить себя служению Церкви. Допуская, таким образом, брачное и безбрачное состояние для членов клира, Церковь требовала только, чтобы как в том, так и в другом было все благообразно и по чину; поэтому, запрещала брачным иерархическим лицам "изгонять своих жен, под видом благоговения," а безбрачным, после рукоположения, вступать в брак (Апост. прав. 5 и 26). Но при этом, первым запрещением Церковь не стесняла брачных иерархических лиц, ради действительного подвига воздержания, оставлять своих жен, если последние согласны были на это. В таком случае, жена епископа, или пресвитера, или диакона занимала, по большей части, должности даконисс.

Относительно содержания клира нужно заметить, что в первенствующей Церкви не было для этого каких- либо определенных средств и источников. Прежде всего каждый член клира сам заботился о своем содержании. И мы видим, многие члены клира, вступая в состав его, продолжают, по примеру ап. Павла, заниматься теми ремеслами или промыслами, которыми они занимались до вступления в клир и которые были совместимы с лежащими на них обязанностями по Церкви, и тем доставляют себе средства к существованию. Случалось и так, что в клир вступал какой-либо богатый землевладелец и, продолжая получать доходы от земли, доставлял не только себе, но и другим, неимущим членам клира или общины, средства к существованию. Таков был Киприан, епископ Карфагенский (в середине 3 века), сын богатого римского сенатора. Случалось, что в клир вступали вообще люди со средствами, приобретенными еще раньше, и содержали себя на эти средства. Кроме того, клир получал средства для своего содержания и от той общины, к которой принадлежал; хотя нельзя определить, в какой мере производились эти средства, но, во всяком случае, они были достаточны для удовлетворения всех необходимых потребностей членов клира. Эти средства распределялись между клириками, при посредстве и по усмотрению епископа, или из общественных касс, если таковые существовали при церквах, или вообще из церковного имущества, составлявшегося из добровольных пожертвований членов общины, смотря по усердию и состоянию каждого. К таким пожертвованиям, кроме денежных, принадлежали и вещественные приношения, состоявшие, по обычаю, сохранившемуся от церкви ветхозаветной, из хлеба, вина, плодов и разного рода припасов. Часть хлеба и вина оставлялась для богослужения, остальное же все, за отделением части бедным, шло в пользу клира (Апост. прав. 4-е).

???Наконец, относительно положения клира в первые века следует заметить еще то, что, как избираемое в клир известной церкви лицо должно было непременно принадлежать к этой

церкви, так и после вступления в клир оно должно было оставаться в нем навсегда и не переходить без нужды в клир ой церкви. Перемещения особенно не дозволялись епископам, так как, по обстоятельствам того времени, каждая частная церковь именно нуждалась в постоянном и неуклонном руководстве в одном направлении; а это достигалось тем, епископ постоянно пребывал на одной и той же кафедре. Поэтому, если и допускались Церковью перемещения епископов, в самых редких случаях, в виду особенной от сего пользы той церкви, в которую они переходили (Апост. прав. 14).

Взаимоотношения поместных церквей.

Все апостолы получили от Христа Спасителя равные права — управлять, учить и священнодействовать в Его Церкви. Между ними не было ни одного, начальствующего над другими. По поводу просьбы матери сынов Заведеевых о первенстве их в Царстве Небесном, Спаситель сказал всем ученикам: “Вы знаете, что князья народов властвуют над ними, и вельможи властвуют ими, но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим да будет вам слугою. И кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом” (Матф. 20:25-27). И апостолы, поставляя предстоятелей-епископов разных церквей, сообщали им всем одинаковые иерархические права. Отсюда, и все частные христианские церкви были равны между собой. При таком равенстве апостолов, церквей, ими основанных, и их предстоятелей, **соборная форма** управления всей Христианской Церковью была единственно возможной, вполне законной и соответствующей заповеди Спасителя о равенстве и братстве как всех верующих в Него, так и лиц, назначенных на иерархическое служение. Поэтому, апостолы, совершенно чуждые мысли о главенстве и первенстве кого-либо из своей среды, сами положили начало соборной форме управления по делам, касающимся всех или многих церквей. Собор Иерусалимский, на котором присутствовали некоторые из апостолов и представители от других церквей, был высшим выражением церковной власти. Власть собора была уже не властью отдельных лиц, даже не властью вообще людей, но властью Святого Духа, всегда пребывающего в Церкви и руководящего ее пастырями, как это засвидетельствовал тот же иерусалимский собор (Деян. 15:28). Апостолы положили себе, чтобы и на будущие времена, подобно составленному ими собору, епископы непременно составляли соборы ежегодно по два раза (Апост. Прав. 37-е).

На таких основаниях, заповеданных Господом Иисусом Христом и апостолами, и установились во времена послеапостольские взаимоотношения между церквами и их епископами. Все поместные церкви и их епископы были равны между собой, и каждый епископ в управлении внутренними делами своей церкви был независим от другого. По делам же, касавшимся всех или нескольких церквей, хотя и возникавшим в поместной церкви, епископы собирались на соборы, где и решали их общим голосом. В середине 2-го века, — когда начинаются исторические свидетельства, — соборы входят в большое употребление, так что в 3-м в. становятся явлением повсеместным. На них разбирались дела о еретиках; составлялись общие правила по руководству всеми церквами известной области; разбирались недоразумения и несогласия между епископами по управлению своими епархиями и т.п. Но равенство и независимость церквей и их епископов не вели за собой их разъединения. Напротив, постоянное и полное **общение** составляют характерную черту в отношениях между церквами и их епископами в первые века. Одни уже соборы служили прекрасным средством к общению; здесь епископы входили в теснейшее единение друг с другом, раскрывая свои недоумения по управлению церковными делами и разрешая их после общего совещания. Кроме того, обще-

ние поддерживалось посланиями и граматами. Послания были разного рода: послания одних церквей к другим, напр., церкви смирнской о гонении, бывшем в этой церкви при Марке Аврелии, к церкви филомелийской и “всем повсюду святым и кафолическим церквам”; послания предстоятелей церквей по разным поводам, напр., по вопросу о времени празднования Пасхи, о крещении еретиков и вообще по делам о еретиках; послания соборов к церквам и епископам о соборных определениях, особенно относившихся к еретикам, и т.п. Из грамат в особенно большом употреблении в Церкви были граматы представительные. Они давались епископами всем клирикам и мирянам, отправлявшимся в пределы других церквей; в них заключалось свидетельство об их православии, честности, общении с Церковью и в особенности о не запрещении клирикам священнослужения, а мирянам причащения св. Таин. Без таких грамат не дозволялось никого принимать.

“Постоянное общение между церквами и их епископами производило то, что все поместные церкви составляли в своей совокупности единую Христову Церковь.”

Споры о праздновании Пасхи.

Споры о времени празднования Пасхи довольно подробно изложены в Церковной Истории Евсевия. Возникли они, между некоторыми церквами, в конце 2-го века. Евреи праздновали свою Пасху в 14-ое число месяца нисана, соответствующего теперешнему марту.

Некоторые восточные церкви, и в их числе малоазийские, по примеру евреев, праздновали свою христианскую Пасху также в это число, в какой бы день недели она ни приходилась, и с этого числа прекращали пост. Празднование, впрочем, совершалось в христианском смысле; означенные церкви в 14-й день нисана совершали торжество в воспоминание крестной смерти Спасителя и называли его **Пасхой крестной**, а затем, через день, праздновали **Пасху Воскресения**, но опять в какой бы день недели она не приходилась. Другие церкви, как замечает Евсевий, “во всей вселенной,” значит большинство, держались другого обычая; они праздновали воспоминание страданий и смерти Спасителя в первую пятницу после 14-го нисана, а Пасху или годичную память Воскресения Христова в первый затем воскресный день, и с этого, а не с другого какого дня, прекращали пост. Таким образом, в одних церквах Пасха праздновалась по **числам**, почему, естественно, не совпадала с воскресным днем, в других, напротив, по **дням**, отчего приходилась в день недели воскресный, в который праздновалось Воскресение Христово. Как те, так и другие церкви имели основание для своего празднования в предании. Малоазийские церкви ссылались на то, что они празднуют Пасху вместе с евреями по преданию апп. Филиппа и Иоанна; церкви же другие, праздновавшие Пасху после 14-го нисана, напр., Римская, ссылались на предание ап. Павла.

Хотя празднование Пасхи вместе с иудеями нарушало самостоятельность христианского богослужения, но, в силу того, что внешность и форма в христианском богослужении ставились на второе место, в 1-м и в течение почти всего 2 в., не было споров из-за разности во времени празднования Пасхи, и все церкви находились в мире и общении между собой. “Когда в 163 г. блаж. Поликарп, еп. Смирнский, при Аниките (еп. Римском) приходил в Рим, то оба они не много спорили и в отношении других предметов, но тотчас согласились, а в вопросе Пасхи и спорить не хотели, так как не могли друг друга убедить. Поликарп всегда соблюдал все, как при своем учителе ап. Иоанне, и Аникита считал себя обязанным соблюдать обычаи предыдущих пресвитеров. Несмотря на такое состояние дела, они, однако же, находились во взаимном общении, так что Аникита, из уважения к Поликарпу, позволил ему со-

вершать (в своей церкви) евхаристию; и оба они расстались в мире, равно как в мире со всей Церковью находились и соблюдавшие тот обычай и не соблюдавшие."

Первоначально спор поднялся в восточных церквах (около 170 г.), именно на соборе лаодикийском "происходил великий спор о Пасхе," а также и в других местах "по сему случаю происходили соборы и совещания епископов, которые все единодушно, посредством своих посланий, положили общим правилом праздновать Воскресение Господне из мертвых не иначе, как в день воскресный и именно в этот день прекращать пасхальный пост." Все-таки малоазийские церкви продолжали праздновать Пасху вместе с иудеями. Римский епископ Виктор, неразумно видевший в обрядовой разности догматическую разность, в послании от лица Римского собора, особенно настаивал на одновременном праздновании Пасхи всеми церквами, именно в день воскресный после 14-го нисана. Но Поликарп, еп. Ефесский, занимавший главное место между азийскими епископами, составил из них собор и, по общем совещании, писал к Виктору и к Римской церкви, что ап. Филипп, погребенный в Иераполе, ап. Иоанн, погребенный в Ефесе, а также Поликар, еп. Смирнский, и многие другие — "все праздновали Пасху, по Евангелию, в 14-й день, ни в чем не отступая от правила веры, но во всем держать его. Так поступаю и я, Поликарп, наименьший из всех вас, и поступаю по преданию своих родственников, которых был наследником, а из родственников моих считается семь епископов, я восьмой, и они всегда праздновали Пасху в тот день, когда народ оставлял квасной хлеб. Вот уже мне, братья, шестьдесят пять лет о Господе; я имел сношения с братьями по всей вселенной, прочитал все свящ. Писание и угроз не боюсь."

Римский епископ Виктор, человек высокомерный, властолюбивый, после такого твердого отпора, хотел поставить на своем; "он хотел было отсечь от единения епархии всей Азии, с сопредельными ей церквами как разномыслящие, и своими граматами объявил тамошних братий совершенно лишенными общения. Но это не всем епископам нравилось; многие из них советовали ему позаботиться лучше о мире, единении и любви с ближними." Между прочим, Ириней, еп. Лионский, от лица галльских церквей писал по этому случаю Виктору послание особо замечательное, так как оно служит характерным выражением истинных взглядов всей христианской Церкви на значение обрядности в богослужении. Ириней, хотя и утверждал, что таинство Воскресения Господня должно праздноваться только в день воскресный, однако же и Виктору, как должно, советовал не отлучать от общения целые церкви Божии за то, что они сохраняют переданный им древний обычай. Указав затем, что разногласия издавна существуют и в продолжительности поста (четыредесятницы), он выставлял на вид, что тем не менее все церкви сохраняли и сохраняют мир. По поводу этого же вопроса о времени празднования Пасхи Ириней писал в том же духе к предстоятелям и других церквей. После этого, Виктор должен был отказаться от своей попытки отлучить от общения малоазийские церкви.

Совершение таинств.

Совершение таинств в первенствующий Церкви имело некоторые особенности, но основная форма и порядок их совершения те же, что и в настоящее время.

Таинство **крещения**, по заповеди Спасителя (Матф. 28:19), совершалось над всеми вступающими в Церковь. Во времена апостольские оно совершалось непосредственно после исповедания веры в Господа Иисуса Христа уверовавшими в Него и заявления желания креститься (Деян. 1:41; 8:37-38), без продолжительного приготовления. Но во 2 и 3 веках, ввиду многих не искренно принимавших христианство и отпадавших от него во время гонений,

Церковь признала неудобным совершать крещение вслед за изъявлением желания принять христианство, и поэтому установила определенный порядок испытания и приготовления уверовавших ко вступлению в общество христиан. Такое предварительное испытание в искренности намерения вступить в Церковь и приготовление к крещению получило название оглашения. Выразившие желание креститься из иудеев или язычников прежде всего отделялись от языческого или иудейского общества и присоединялись к обществу христиан, причем им давались новые имена святых и благочестивых мужей ветхозаветной и новозаветной Церкви, или названия христианских добродетелей; иногда отставляли те же имена. Затем, начиналось состояние оглашения, которое продолжалось от 40 дней до 3-х лет, а иногда сокращалось до нескольких дней, вследствие чрезвычайных обстоятельств, именно, во время гонений, когда оглашаемые твердым исповеданием веры доказывали уже свою готовность вступить в христианское общество. Состояние оглашения со 2-го и с 3-го века разделялось на три степени для прохождения оглашенными, почему они также разделялись на три класса. К первому принадлежали слушающие, ко второму коленопреклоненные или оглашенные в собственном смысле, и к третьему — готовящиеся к просвещению (крещению). Оглашенные первого класса допускались только к слушанию св. Писания, поучений и молитв из притвора, второго — стояли вместе с верными до времени совершения евхаристии, после чего, став на колена и приняв благословение предстоятеля, выходили из церкви; наконец, оглашенные третьего класса, вступавшие в оное только на короткое время перед самым крещением, постом и молитвой приготовлялись к принятию крещения и были научаемы, как и что отвечать при его совершении. В течение всего времени оглашения их учили истинам христианской веры кто-либо из клира или благочестивых мирян, по большей части, те, кто обращал их в христианство. Обучение состояло в раскрытии уверовавшему всего домостроительства спасения рода человеческого в свете истории Ветхого и Нового Заветов. В Александрии было даже для этого училище, так и называемое огласительным.

Самое крещение совершалось по большей части в праздники Пасхи и Пятидесятницы, а впоследствии — в праздник Богоявления. Оглашенного приводили в общее собрание верующих в притвор церковный или в место, где была устроена крещальня. Здесь, в присутствии всех, он должен был прежде всего торжественно отречься от диавола и его царства, так как состояние человека до крещения, по учению Церкви, есть состояние служения ему: при этом читалась еще заклинательная молитва над новокрещаемым для отогнания от него злого духа. Обряд помазания елеем крещаемого перед крещением совершался в древней Церкви в знак привития его к плодоносной маслине — Иисусу Христу. Затем начиналось торжественное испытание крещаемого в вере: ему предлагались вопросы, верует ли он (если был язычник) в единого Бога, в Господа Иисуса Христа и т.д. и крещаемый должен был отвечать, что верует. Затем следовало само крещение, совершавшееся при апостолах и после них через троекратное погружение крещаемого в воду с произнесением слов: “во имя Отца и Сына и Святого Духа.” Но при этом во 2-м и 3-м веках, была и другая форма крещения — через окропление, или обливание, как исключительная, употреблявшаяся при крещении больных, умирающих или при крещении оглашенных, заключенных в темницы во время гонений, когда было невозможно крестить через погружение. По совершении крещения, все верующие приветствовали новокрещенного братским поцелуем, давали ему в руки светильник в знак хождения во свете, надевали на него белую длинную одежду (символ чистоты), которую он должен был носить в течение восьми дней; наконец, в некоторых церквах давали ему молоко и мед в знак вступления в землю обетованную. Затем крещенный присутствовал на совершении евхаристии, перед которой совершалось крещение.

В первенствующей Церкви, так же, как и в настоящее время, крещение совершалось над взрослыми и младенцами. Если крестилось все семейство, то крестились, конечно, и дети, и во времена апостольские было несколько таких случаев. Хотя во 2 в. карфагенский пресвитер Тертуллиан восставал против крещения детей, в силу того, что оно должно быть принимаемо сознательно, значит возрастными, но вся Церковь была против него, а Ориген крещение младенцев прямо называет апостольским завещанием. При крещении детей, были восприемники для научения их вере, когда они будет взрослеть. Впрочем, несмотря на существование в древней Церкви практики крещения детей, были случаи, когда крещение откладывалось в надежде отпущения, по принятии его, всех соделанных грехов.

Вслед за крещением, в настоящее время, совершается таинство **миропомазания**. Также было и в Церкви первенствующей. В крещении человек получает благодатное возрождение в новую духовную жизнь; в таинстве миропомазания сообщались ему благодатные дары Святого Духа для укрепления в этой жизни. Об этих благодатных дарах, которые имели принять верующие, говорил еще Сам Спаситель (Ин. 7:39). В апостольской Церкви дары Св. Духа, сообщаемые в миропомазании, открывались нередко видимым образом. Так ап. Павел после крещений в Ефессе учеников Иоанновых низвел на них Св. Духа, и они стали говорить иными языками и пророчествовать (Деян. 19:6). Совершалось это таинство через возложение рук сначала одними апостолами, обладавшими всей полнотой благодатных даров (Деян. 8:14-15). Но вероятно уже и тогда вместе с возложением рук существовало и помазании миром, тем более что для этого был образец в ветхозаветной церкви, где через помазание также сообщалось благодатное освящение первосвященникам и другим лицам. Во 2-м веке, вместе с возложением рук, несомненно существовало уже и помазание миром. После апостолов миропомазание совершали их преемники, епископы. Но с увеличением числа верующих, вступающих в Церковь, это таинство было предоставлено и пресвитерам, за исключением африканской церкви, где епископы удержали за собой не только право освящения мира, как это было в других церквах, но и исключительное право совершать миропомазание. Поэтому, если крещение совершали не они сами, а пресвитеры, то миропомазание откладывалось до тех пор, пока епископ имел возможность его совершить. Отсюда вошло в обычай то, что епископ по временам посещал свою епархию для совершения таинства миропомазания.

Таинство **евхаристии** в апостольской Церкви совершалось так же, как оно было установлено Спасителем, т.е. на общей трапезе. Как известно, христиане в Иерусалиме имели общее имущество и общий стол, за которым вкушали общую пищу; общие собрания их для вкушения пищи назывались вечерями любви. В других церквах, хотя не было общения в имуществе, вечери любви были также в употреблении. В заключение таких вечерей и совершалась евхаристия, или как тогда называлось это таинство “вечеря Господня,” “трапеза Господня” и “преломление хлеба.” Впрочем, в начале 2 в. или может быть в конце 1-го, совершение евхаристии было отделено от вечери любви и присоединено к богослужению в собственном смысле, так как при умножении членов, было неудобно совершать таинство вместе с обыкновенной трапезой. Совместное совершение того и другого вело даже к беспорядками в собраниях, как это было в коринфской церкви, по свидетельству ап. Павла (1 Кор. 11:20-29). Евхаристия в апостольский век совершалась ежедневно, если была возможность, и так как это есть таинство, то только верные могли принимать участие. Порядок совершения таинства был тот же, что и в настоящее время. Приступая к таинству, верующие давали друг другу братский поцелуй в знак теснейшего общения. Затем из приношений верующих избирались лучшие части хлеба и вина собственно для таинства. Предстоятель произносил молитву, в которой от лица верующих благодарил Бога за все Его благодеяния роду человеческому, особенно за искупление, и освящал св. Дары. Затем, все верующие причащались тела и крови

Господа Иисуса Христа. Св. хлеб разносили присутствующим диаконы и диаконисы, к чаше же с вином приступали сами верующие.

Таинство **покаяния** в первенствующей Церкви совершалось так же, как и в настоящее время, через **устное** исповедание грехов перед иерархическими лицами, получившими власть вязать и решить. Особенностью совершения этого таинства было то, что кроме частного покаяние, употреблялось во 2 и 3 вв. покаяние открытое или публичное. Оно имело место при исповедании грехов важных, имевших значение для всей христианской общины. Такими грехами особенно считалось отступничество от веры во время гонений и предательство своих собратьев, уклонение в ересь и грехи, известные всему обществу, как напр., блуд. За подобные грехи Церковь отвергала от себя такого члена, и если он хотел возвратиться опять в общество христиан, она перед таинством покаяния подвергала его испытанию искренности сознания греха и готовности начать прежнюю святую жизнь. В этом случае кающиеся, так же как и оглашенные, должны были пройти несколько степеней искуса, разделенного также на три класса. В первом классе состояли плачущие, которые, стоя перед входом храма, со слезами просили всех входящих верных простить их и опять принять в свое общество; во втором были слушающие, которые, вместе с оглашенными, слушали из притвора молитвы и чтение св. Писания и выходили из церкви перед началом евхаристии; в третьем же — коленопреклоненные, которые стояли в самом храме позади верующих и, на коленях слушали особую о них молитву и благословение епископа, а потом выходили из церкви; наконец, были вместе стоящие с верными; эти не допускались только до евхаристии, равно как и не имели права делать приношений. Все эти степени кающихся были окончательно определены только в 3-м веке. Во все время искуса, на кающихся накладывались еще особые подвиги, напр., кроме общих постов, они должны были содержать еще особые посты, одеваться во вретище, посыпать головы пеплом и т.п.

Срок испытания был различен, смотря по тяжести грехов и исправлению кающегося. Очень часто в отдельных случаях он сокращался по ходатайству исповедников за падших — кающихся. Исповедники, как лица, на себе испытавшие всю тяжесть гонений, и имеющие возможность засвидетельствовать перед Церковью, как трудно среди жестоких мучений, оставаться твердыми в исповедании веры, — давали падшим свидетельства, в которых просили христианскую общину принять падшего. Такие ходатайства особенно усилились в 3 в. и привели отчасти к ослаблению строгости публичного покаяния. Да и сама Церковь, при большом числе падших во время гонений 3-го века, пришла к мысли ослабить строгость публичного покаяния; поэтому с охотой принимала ходатайства исповедников и даже назначала падшим особых духовников, которые разбирали степени их виновности и, с наложением на них особой епитимии, давали им разрешение от лица всей Церкви, но без публичного покаяния. Сначала такие духовники были установлены в африканской церкви, а потом и в других церквах.

Форма совершения таинства **священства** в начальной Церкви была та же, что и в настоящее время, через **рукоположение**. Сначала рукоположение было совершаемо одними только апостолами, а потом было предоставлено исключительно епископам, единственно облеченным, по преемству от апостолов, властью низводить благодатные дары Св. Духа на избранных для иерархического служения в Церкви.

Брак, по слову апостола (Еф. 5:31-32), **великая тайна**, в первенствующей Церкви совершался, по большей части, перед литургией, чтобы брачующиеся могли приобщиться Тела и Крови Христовой. При совершении брака употреблялись кольца и венцы, но не металлические, а из растений; венцы не снимались с брачующихся в продолжение семи дней.

Таинству **елеосвящения** положено начало во времена Спасителя. Еще апостолы, во время Его земной жизни, посланные Им на проповедь, “мазали маслом многих больных и исце-

ляли" (Марк. 6:7-13). Ап. Иаков положительно заповедовал совершать это таинство над болящими (Иак. 5:14-15). Но при каких обрядах совершалось это таинство в первые века, указаний на это не имеется, кроме того только, что из наставления ап. Иакова можно заключить, что оно совершалось не одним пресвитером, а несколькими.

Споры о крещении еретиков.

Церковь всегда исповедовала только едино крещение и потому оно, как в настоящее время, так и в первые века, было неповторимо; повторялось только над еретиками и то не во всех церквах.

Некоторые из восточных церквей, а также церковь карфагенская с большей частью африканских, перекрещивали всех еретиков, при вступлении их в православную Церковь, признавая неправильным их крещение от еретического общества, содержащего неправильное вероучение. Напротив, другие церкви, в числе их Александрийская и Римская, не перекрещивали еретиков, если крещение было совершено по правильной форме, то есть во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Из-за такой разности во взглядах на крещение еретиков, в середине 3-го века произошли большие споры в Церкви. Римский епископ Стефан, (253-257 гг). доказывал восточным церквам и африканским, что еретиков не следует перекрещивать, и грозил им прекращением общения, а епископу карфагенской церкви, получившему начало от Римской, даже отлучением. С другой стороны, перекрещивание еретиков отстаивали Фирмилиан, еп. Кесарии Каппадокийской, и вышеупомянутый Киприан Карфагенский, доказывая, что благодать находится только в истинно-христианской Церкви, а потому крещение, совершенное вне ее, не есть действительное крещение. По этому вопросу было несколько соборов: один в Малой Азии (253 г). и три в Карфагене (255-256 гг.), на которых было решено перекрещивать еретиков. Святой Дионисий Александрийский со своей церковью придерживался взгляда, одинакового с Римской церковью, но подобно Иринею Лионскому, своими посланиями старался убедить Стефана не нарушать мира, предоставив каждой церкви действовать в этом случае сообразно своим преданиям. Эта разность во взглядах на крещение еретиков оставалась до 4-го века, когда на вселенских соборах были установлены общие правила, каких еретиков принимать в Православную Церковь через перекрещивание и каких нет, т.е. каких еретиков крещение признавать действительным.

Церковная дисциплина. Расколы.

В апостольский век, при всеобщей святости и чистоте жизни христиан, мы видим все-таки между членами Церкви несколько случаев уклонения от требований истинно христианской жизни. Церковь, имеющая своим идеалом святость и чистоту своих членов, не могла допускать, чтобы в ее недрах развивалось такое зло. Поэтому, употребляла все меры к пресечению его и возвращению заблудших на путь истинный. Совокупность этих мер и составляет так называемую **церковную дисциплину**. Все эти меры узаконены Самим Спасителем (Матф. 18:15-17). Первая мера — это **нравственное увещание** согрешившего, частное, наедине. Если такое увещание оказывалось недействительным, то следовала другая мера вразумления — **обличение** согрешившего сначала при нескольких свидетелях, а потом перед лицом всей Церкви, **публично**. Наконец, если и эта мера не приводила к исправлению, Церковь употребляла последнее средство к вразумлению, самое строгое, **отлучение** от своего общества. Все

эти меры употреблялись постепенно и последовательно, так что к отлучению от Церкви прибегали в крайних случаях, когда не было надежды на исправление. Но и в этом случае Церковь имела в виду не наказание грешника, а его исправление; если он раскаивался, она опять принимала его в свое лоно. Обыкновенно отлучение от Церкви падало на еретиков, отступников от христианства и закоренелых грешников. Но случаев отлучения в апостольский век мы видим весьма немного. Так, ап. Павел предал отлучению коринфского кровосмесителя (1 Кор. 5:1-5), но, когда тот раскаялся, апостол просил коринфскую церковь простить его (2 Кор. 2:5-10). Или тот же апостол отлучил лжеучителей — Именея и Александра, чтобы они научились не богохульствовать (1 Тим. 1:20), а ап. Иоанн запретил принимать в дом и приветствовать тех еретиков, которые не исповедуют Иисуса Христа пришедшим во плоти (2 Ин. 7-10). Во втором же и третьем веках, когда в Церкви появилось много еретиков, а также было много **падших** во время гонений, случаи отлучения от Церкви повторяются довольно часто.

По поводу церковной дисциплины относительно падших, в церквах Карфагенской и Римской в 3 в. образовалось два раскола. В карфагенском расколе Новата и Фелициссима выразилось противодействие строгости этой церкви по отношению к падшим, а в Римском расколе Новациана, наоборот, противодействие благосклонному отношению Римской церкви к падшим; в обоих же случаях выразилось противодействие общецерковной дисциплине относительно падших.

В 248 году в Карфагене происходили выборы нового епископа; избран был святой Киприан. Но несколько пресвитеров, пять человек, среди которых особенно выделялся Новат, были недовольны избранием и отделились от своего епископа Киприана. Своеволие их дошло до того, что Новат, без ведома Киприана, поставил в диакона некоего Филициссима, человека богатого и влиятельного, который сделался душой партии недовольных пресвитеров. Образовался настоящий раскол, известный под названием раскола Новата и Филициссима. Киприан осудил своеволие пресвитеров. Между тем наступило гонение Декия. Киприан, для блага церкви, счел нужным на время удалиться из Карфагена. Это подало повод партии, противной Киприану, решительно отказаться от повиновения ему и самовольно распоряжаться церковными делами, особенно касающимися принятия падших. Карфагенская церковь, по вопросу о принятии падших, придерживалась вообще монтанистического воззрения, т.е., что Церковь не должна прощать их и принимать обратно; она может только увещевать их к покаянию. Такой взгляд сначала разделял и Киприан, но так как падших было много и степени их виновности были различны, то он склонился к принятию их в Церковь, впрочем, с тем, чтобы дела о падших предварительно, до их принятия, разбирались Церковью, и надлежащим образом рассматривались ходатайства о них исповедников и т.д. Об этом писал Киприн в свою церковь из своего удаления. Но раскольническая партия довела до крайности свой протест против строгости карфагенской церкви к падшим: она принимала падших без всякого рассмотрения их дел, даже не требуя от них покаяния, по одним только ходатайствам исповедников, которые часто даже не просили о принятии падших, а надменно требовали этого. К Пасхе 251 года Киприан возвратился в Карфаген, где в это же время собрался собор африканских епископов. На этом соборе относительно падших было решено принимать их в Церковь, различая тех, которые во время гонений приносили жертвы идолам, от тех, которые только получали свидетельства от суда о принесении жертв, и, сообразно этому, накладывали на них перед принятием в Церковь, различные, но во всяком случае тяжелые, степени покаяния. Филициссим же и его партия были осуждены собором. Но и после этого раскольники не смирились: не признавая Киприана, они избрали вместе него карфагенским епископом Фортуната, одного из отложившихся пресвитеров. Впрочем, так как на стороне Киприана были почти все

африканские епископы, за него же стояла и Римская церковь, этот раскол не смог усилиться. В 4 в. его уже не было.

Почти одновременно с карфагенским расколом Новата и Фелициссима образовался раскол в Риме; только здесь раскольники защищали мнения вполне монтанистические по тому же вопросу падших. В 251 году Римским епископом был избран Корнилий, смотревший, подобно некоторым своим предшественникам, на принятие в Церковь падших очень благосклонно. Против него восстали приверженцы монтанистических взглядов, во главе с пресвитером Новацианом, человеком образованным, но до фанатизма строго-подвижнической жизни. К партии Новациана присоединился известный Новат, прибывший из Карфагена. Хотя в расколе Новациана проводились мнения, противоположные тем, за которые ратовал в Карфагене Новат, но для последнего это было не важно; он видел и в римском расколе такое же, как и в Карфагене, стремление пресвитеров выйти из-под власти епископской, чему он сочувствовал и вследствие чего соединился с Новацианом. При деятельном участии Новата скоро произошло формальное отделение раскольников от Римской церкви: они поставили себе епископом Новациана. Главные мысли, которые проводили раскольники, были следующие: Церковь есть общество святых; поэтому все падшие и соделавшие смертные грехи после крещения должны быть извергаемы из нее и не в коем случае не принимаемы обратно; Церковь и не имеет права прощать тяжких грешников; это право принадлежит одному Богу; она может только убеждать их к покаянию. Если же Церковь прощает грешников и принимает их обратно, то она сама делается нечистой, перестает быть святой. Поэтому новациане называли свое общество, в которое не принимались тяжкие грешники, а из православной Церкви принимались переходящие через перекрещивание, — обществом **чистых** (кофаров по-гречески).

Таким образом, раскольники погрешили против общецерковного учения о том, что Церковь, в силу заслуг Господа Иисуса Христа, может прощать всех грешников, что она всегда остается святой и при согрешивших членах, во имя того, что глава ее, Господь Иисус Христос свят, что святы ее таинства и проч. Обе партии в Риме, и раскольническая во главе с Новацианом, и православная — с Корнилием, обратились за посредничеством к церквам Карфагенской, Александрийской и Антиохийской. Киприан, еп. Карфагенский, решительно высказался против Новациана, как нарушителя единства Церкви; Дионисий, еп. Александрийский, также высказался против него; но Фабий, еп. Антиохийский, склонялся более на сторону Новациана, увлекаясь строгостью его жизни и его строгими требованиями. Хотя, таким образом, Новациан и его приверженцы были осуждены, но общества новацианские и после того распространялись в Карфагене, Александрии, Сирии, Малой Азии, Галлии и Испании и продолжали существовать до 7-го столетия. Причина такого усиленного распространения новацианского раскола кроется, с одной стороны, в строгости правил жизни, распространяемых раскольниками, а с другой — в монтанистической привязанности некоторых членов Церкви, особенно на западе, к внешним подвигам благочестия.

Чистота жизни христиан первых веков.

Дохристианский мир не знал высоких нравственных истин и законов. Главным началом человеческой деятельности в языческом мире был эгоизм. Под его влиянием, каждый из язычников, преследуя в жизни только свои личные интересы и цели, неминуемо нарушал человеческие права и достоинства другого. Отсюда, в языческом мире злоба человека к человеку, вражда отдельных личностей и обществ, отсюда же разного рода злодеяния, преступления, пороки и тому подобное. Христианство принесло в жизнь новое начало — учение о **братстве**

и любви всех людей между собой. Сообщая об этом новом Своем начале ученикам, Спаситель заповедал, чтобы оно было отличительным признаком Его последователей. Христиане апостольского века, близкие ко времени Спасителя и видевшие перед собой жизнь апостолов, в своей жизни, действительно, осуществляли это начало: взаимная братская любовь была первой отличительной чертой в их жизни. У множества верующих, замечается в Деяниях апостольских (4:32), было "*одно сердце и одна душа."* Люди, образовавшие собою Церковь Христову, несмотря на различие по происхождению, общественному положению и состоянию, считали друг друга братьями и любили друг друга, как братьев. Название **братьев и сестер**, — которое было в употреблении между христианами первого времени, — не было пустым звуком, равно как и братские поцелуи, которыми верующие обменивались друг с другом при богослужении, не были простой формальностью. На первых порах жизни Церкви братская любовь христиан во всей полноте выразилась общением в имуществе. В иерусалимской церкви никто ничего из имения своего не называл своим, но все было общее; из общественных средств каждому давалось то, в чем кто нуждался, так что между верующими не было никого нуждающегося (Деян. 4:32-35). Далее, выражением той же любви христиан служили общие трапезы, состоявшие в тесной связи с общением в имуществе; они даже и назывались вечерями любви (агапами). Если, с течением времени, общение в имуществе и общие трапезы прекратились, вследствие умножения числа верующих, то взамен того, всякого рода вспомоществования христиан друг другу получили самое широкое развитие. Странники, путешествовавшие из одной церкви в другую, бедные, больные, старые, вдовицы, сироты и все страждущие — все находили себе помощь и поддержку у христиан.

Общественные бедствия вызывали благотворительность христиан во всей силе. Так, св. Дионисий Александрийский описывает в привлекательном свете, полное евангельской любви, поведение христиан во время моровой язвы, свирепствовавшей в Александрии, сопоставляя его с поведением язычников. "Весьма многие, говорит он, от избытка любви и братолюбия не щадили самих себя, но поддерживали друг друга, безбоязненно посещали больных, неутомимо ходили за ними, и, служа им ради Христа, вместе с ними радостно умирали, потому что, исполняясь страданиями других, привлекали к себе болезнь от своих ближних и добровольно принимали их мучения. Таким-то именно образом, оставили жизнь лучшие из наших братий: некоторые из пресвитеров и диаконов, и многие весьма похваляемые от народа. Они принимали тела святых на распростертые руки, закрывали им глаза, заключали уста, несли их на своих плечах и потом полагали, прижимали их к себе и обнимали, умывали и одевали, а вскоре и сами сподоблялись того же; потому что оставшиеся в живых всегда следовали по стопам своих предшественников.

Совершенно напротив поступали язычники: они прогоняли начавших хворать, убегали от самых любезных, выбрасывали на улицу полумертвых, оставляли без погребения мертвых и таким образом, старались избавиться от передаваемой смерти, которую, однако же, при всех их усилиях, не легко было отклонить от себя. Римская церковь в середине 3 в. содержала на общественные приношения более 1500 вдовиц и всяких немощных. Кроме того, как церковь, имевшая в своей среде богатых членов, она посылала всегда пожертвования в другие церкви бедствующим братьям. Известна также благотворительность церкви карфагенской. Св. Киприан, во время нашествия варваров на Нумидию, когда они захватили многих христиан в плен, собрал с своих клириков и народа сто тысяч сестерций и выкупил пленных.

Такая братская любовь христиан простиралась и на язычников. Она проявлялась во взаимных отношениях между христианами и язычниками в жизни частной и общественной. Прямодушие и честность христиан в столкновениях с язычниками по делам житейским и особенно торговым, их верность, преданность и покорность правительству во всех делах, за

исключением дел веры, были замечаемы даже языческим обществом и правительством и нередко вызывали сочувствие того и другого. Недаром Констанций Хлор и Константин, последний еще до принятия христианства, считали христиан самыми лучшими подданными в своей империи. Самым лучшим доказательством осуществления христианами заповеди о любви к врагам-язычникам служит случай в Карфагене во время язвы. Язычники так, как в Александрии, бросали на улицу тела больных и умерших от язвы; никто не хотел прибирать их; язва усиливалась. Язычники стали обвинять христиан в том, что они прогневали богов и за них боги посылают язву. Вот тут во всей силе проявилась любовь христиан. Киприян увещевал их помогать не только своим собратьям, но и язычникам, так как и они браться и дети одного Отца небесного. Христиане, по его слову, одни, без помощи язычников, очистили городские улицы от трупов и тем спасли город от дальнейшего распространения заразы.

Отношение христиан к рабам и положение рабов в христианском обществе служит также доказательством проявления любви во всем блеске. Дохристианский языческий мир выработал такое воззрение на человеческие отношения, что одни люди должны господствовать, другие — быть рабами. Раб, по этому воззрению, считался не только существом без всяких человеческих прав, но даже вещью, которой господин может распорядиться по произволу. Христианство самым своим существованием уничтожало такое воззрение на рабов. Оно учило, что греху одинаково причастны господа и рабы, что Христос искупил весь род человеческий, следовательно, и рабов от греха, что в деле религии все равны, и господа и рабы, все братья во Христе. Отсюда, отношения между рабами и господами в христианском обществе отличались духом братской любви. В церковных собраниях господа и рабы имели полное равенство, — вместе молились, вместе пели гимны, вместе принимали евхаристию. В религиозной жизни раб иногда становился выше господина, делаясь его учителем в евангелии.

Другой отличительной чертой жизни христиан в первые века была чистота и строгость их нравов, особенно поразительная наряду с нравственной распущенностью язычников. Чистота супружеской жизни свято соблюдалась в христианских семействах. Связанные взаимной любовью, члены христианской семьи проводили жизнь в постоянных трудах, молитвах и т.п., вдали от всех языческих увеселений и развлечений. В тогдашнем языческом обществе страстно любимым увлечением были гладиаторские игры. Убивание людей людьми, ради забавы и увеселения, возмущало нравственное чувство христиан, и потому они не только не посещали гладиаторских игр, но даже отлучали от церковного общения тех, которые ходили смотреть гладиаторские бои. Также заботливо избегали христиане и других языческих зрелищ в театрах и цирках — мимических игр, комедий, трагедий, танцев и т.п. Так как сценические представления имели связь со служением идолам и давались преимущественно в языческие праздники, то христиане считали их наравне с служением сатане. Строгость жизни некоторых христиан доходила до того, что они не только избегали увеселений языческого характера, но даже отказывались от удовольствий обыкновенной жизни, допускаемых христианством и ему не противных. Такие христиане стремились выполнить евангельские советы относительно жизни совершеннейшей. Требуя от христиан жизни нравственно-совершенной, евангелие вместе с тем предлагает советы относительно жизни совершеннейшей, обязательные не для всех, но только для могущих вести такую жизнь. Таковы, например, советы о жизни безбрачной, о жизни, отрешенной от мира и всех его удовольствий и т.п. Между христианами первых веков встречаются привлекательные примеры исполнения таких евангельских советов.

На первых же порах жизни Церкви мы видим многих подвижников и подвижниц разного рода. Одни принимали на себя обеты произвольной нищеты, отказываясь от своего имущества и отдавая его бедным, другие обеты девства, отказываясь от семейной жизни; иные проводили время в непрестанной молитве, посте, воздержании, а некоторые соединяли все эти обе-

ты вместе. Такие подвижники известны под названием аскетов. Ограничивая в себе чувственные потребности и удерживаясь от житейских наслаждений, они стремились возвысить свой дух над плотью, чтобы беспрепятственнее посвятить себя служению Богу. Аскетизм имел место в иудействе (ессеи и ферапевты) и в язычестве (стоики, пифагорейцы). Но там он основывался на дуалистическом воззрении на мир, по которому материя отождествлялась со злом и считалась источником греха. В христианстве, напротив, ничто материальное не считалось источником зла, и ненависти к материальному не было; христианская аскетическая жизнь была свободным, не обязательным подвигом, возвышающим человеческий дух над материальными условиями жизни, ради жизни чисто духовной. В 1 и 2 вв. подвижничество во всех его видах было явлением одиночным: подвижники жили в обществе других людей, не составляя из себя особого общества с определенными правилами жизни, и не считали своих обетов неизменными. В конце 3 в. подвижничество получает более определенный вид. Люди, стремящиеся к высшему нравственному совершенству, находят более удобным проводить аскетическую жизнь вдали от общества в пустынях, в которые и удаляются. Удалившиеся сюда подвижники получили название **анахоретов, еремитов** и, наконец, **монахов**. Гонение Декия в середине 3 в. послужило внешним поводом к началу анахоретского образа жизни. Некоторые из египетских христиан бежали в соседние пустыни и здесь, вдали от общества и людей, проводили подвижническую жизнь. Из таких подвижников особенно замечателен Павел Фивейский. Пятнадцатилетним мальчиком ушел он в фиваидскую пустыню и прожил в ней более 80-ти лет, не видя людей, питаясь дикими плодами, кореньями и травами и проводя время в молитвах. Павел Фивейский, таким образом, положил начало монашескому образу жизни. Но отцом монашества и организатором его был Антоний Великий, жизнь и деятельность которого относится более к 4 в.

Христианские обычаи.

Вся обстановка жизни первых христиан носила на себе религиозный отпечаток. Все их обычаи в домашней и общественной жизни были проникнуты духом христианской религии. Так, они при начале какого-либо дела полагали на себя крестное знамение. На стенах своих домов, на домашней утвари и посуде, например, стаканах, тарелках и проч., делали священные символические изображения. Делать изображения на стенах домов и домашней утвари было в обычае у язычников; предметом изображений служили, по большей части, сцены из мифологии. Христиане заменили мифологические изображения христианскими — креста, рыбы, голубя и т.п. Обычай христиан погребать умерших, молиться за них и делать приношения во имя их, по преимуществу, носит религиозный характер. Язычники тела умерших, обыкновенно, сжигали; христианская же Церковь приняла еврейский обычай — помазывать тела умерших благовонными мазями и полагать в землю. Самое погребение сопровождалось молитвами, пением полагающихся псалмов и песнопений и даже иногда надгробными речами, а также совершением литургии в память умерших, и тем удобнее, что очень часто местами христианских богослужебных собраний бывали усыпальницы или катакомбы, в стенах которых ставились гробы умерших. Печаль об умершем умерялась радостным сознанием, что умерший в Христе имеет надежду воскресения для будущей жизни, почему и считалось приличным сопровождать погребение торжественным и радостным богослужением — совершением евхаристии. Вследствие того общехристианского сознания, что умершие продолжают жить за гробом, христиане и после их смерти продолжали возносить за них молитвы, а в го-

довщины смерти, так же, как и в день смерти, делали как бы от них приношение и совершали евхаристию; причем в общественных молитвах умершие поминались поименно.

Эпоха Константина Великого и его преемников.

Положение Церкви при Константине Великом.

После смерти Максентия, Константин и Ликиний, встретившись в начале 313 г. в Медиолане (Милане), во время происходивших там торжеств, издали эдикт (указ), которым христианская религия, доселе только терпимая, была объявлена государственной, наравне с языческой. Христиане признавались законным обществом, почему в указе не раз говорилось о corpus christianorum. Максимин, оставаясь врагом христиан, был бессилен и, будучи осажденным летом того же года в Тарсе, отравился.

Христиане законами Константина в том же году были освобождены от личных повинностей, Церковь от податей. Закон 315 г. угрожал сожжением евреям, которые стали бы побивать камнями верующих, сошедшихся для богопочитания. Несколько позднее были признаны законными отпущения рабов, производимые в церквах, если они заносились в особые протоколы, как это делалось в языческих храмах. Право убежища было распространено и на христианские церкви. Закон 321 г. разрешил делать всевозможные вклады в христианские церкви. В 322 г. было запрещено насильно привлекать христиан на языческие празднества. Но меры против язычников еще не предпринимались, язычники продолжали занимать видные должности.

Е. Смирнов так излагает образ действия Константина: “Хотя он не тотчас принял крещение, но уже с 313 г. сделался настоящим христианским государем, почему и делал все, что было в его власти, для блага Церкви. Так, вступая в управление восточной половиной империи, в изданном по этому случаю манифесте, он высказывал желание, чтобы все его подданные были христианами и, вообще, при всяком удобном случае, старался обратить на путь истинный своих языческих подданных. Его воззвания и убеждения не оставались без последствий; многие из язычников обращались к христианству. Далее, он дал христианской Церкви многие важные привилегии, — допустил христиан к занятию важных государственных должностей, сам лично делал большие пожертвования на христианские храмы, построил несколько новых храмов, особенно в Палестине, в чем ему усердной помощницей была его мать, Елена. Со времени Константина Иерусалим стал опять называться этим именем, вместо названия Елии Капитолины, данного ему Адрианом. Наконец, — что важнее всего, Константин поставил христианскую Церковь в такое положение в империи, что ее дела, как общества, тесно связанного со всей государственной жизнью, признавались делами государственной важности. Что касается отношения Константина к язычеству, то он поступал в этом случае, как глубокий политик. Он понимал, что язычество должно само собой по естественному ходу вещей уничтожиться. Поэтому не предпринимал никаких строгих мер против него, тем более, что язычников в империи было гораздо больше, чем христиан. Константин не закрывал языческих храмов, не отнимал жалования у языческих жрецов, даже не сложил с себя титула верховного жреца (pontifex maximus), который носили Римские императоры. Вообще он по-

стоянно говорил, что религия есть дело совести, и оказывал замечательную терпимость ко всем своим языческим подданным, не исключая и солдат язычников, которых он не принуждал исполнять христианские обряды. Только те языческие храмы, которые оставались без употребления, после обращения жителей данной местности в христианство, были им закрываемы и здания их отдавались христианам; а храмы, в которых совершалось служение разврату и через которые распространялись суеверия, по его приказанию были разрушены до основания. Язычество особенно сильно было в Риме, где ему были преданы многие знаменитые фамилии и было много последователей неоплатонизма. Не желая встречать противодействия со стороны закоренелых римских язычников своим заботам об упрочении христианства во всей империи, Константин решился оставить языческий Рим и (в 330 г). перенес свою столицу в Византию, которая была названа по его имени Константинополем; здесь он основал столицу вполне христианскую, уничтожив идолов и украсив город христианскими храмами."

В его царствование состоялись на Западе соборы в Риме (313 г). и Арле (Арлетский в 316 г.), разбиравшие раскол донатистов, сторонников Доната, епископа Черных-Хижин в Нумидии, не признававших законного епископа Карфагенского Цецилиана. На Востоке — собор в Анкире (316) разбирал вопросы о принятии павших и о церковном благочинии. На Анкирском соборе последовало также постановление: "нельзя епископу распоряжаться в чужой епархии, ни священнику служить без дозволения местного епископа." В царствование Константина состоялся первый Вселенский Собор в Никее (325 г.), о чем будет сказано далее.

В 319 г. Ликиний воздвиг новые гонения против христиан. К мученикам того времени принадлежат св. Василий, еп. Амасийский, св. Филий и святые сорок мучеников в Севастии. К исповедникам принадлежат святитель Николай, епископ Мир Ликийских и Павел, епископ Неокесарийский, которому на обеих руках выжжены были клейма горячим железом.

В 323 г. Константин поразил Ликиния близ Адрианополя, затем близ Хризополя, против Византии. Ликиний был сослан в Фессалонику и, через год, как злоумышленник, казнен. Константин стал единовластным правителем Римской империи. Для христиан он являлся освободителем их на Востоке от языческой тирании Ликиния. Из монет Константина можно заключить, что, после победы над Ликинием, культ богов уже не существовал официально, хотя и не преследовался. При внешней нейтральности Константин способствовал тому, что, при его преемниках, государство и христианская Церковь слились в одно органическое целое. Сыновьям своим он дал христианское воспитание; в Церкви старался поддержать мир и согласие, называя себя общим блюстителем.

В 337 г. Константин, выступив в поход против персов, заболел в Никомидии и скончался в день Пятидесятницы, приняв св. крещение и приобщившись св. Тайн. Церковь 21 мая чтит память свв. Равноапостольных царя Константина и матери его Елены.

Императору Константину наследовали его сыновья: Константин 2-й, Констанс, управлявший западом, и Констанций, управлявший востоком. Они стали принимать насильственные меры против язычников. Констанций, совместно с Констансом, издали закон в 341 г., которым, под угрозой смерти, запрещались языческие жертвоприношения, суеверные гадания. Закон этот подтверждался и в дальнейшие годы. Констанций разрушал языческие храмы или отдавал их христианам. Последование язычеству считалось государственным преступлением и поэтому многие язычники принимали христианство, но не все по убеждению. Язычество сохранило силу только в больших городах, например, в Александрии, Афинах, Риме. Древние патрицианские фамилии Рима и ученые Александрии и Афин отстаивали язычество. Констанций не решился разрушить языческие храмы в Риме и не отнял государственное жалование у жрецов.

В 340 г. Константин, затеявший войну с братом Констансом, был убит в небольшой стычке, и Констанс стал властелином всего Запада. Констанций подпал под сильное влияние ариан, вследствие чего преследовал св. Афанасия Великого, архиеп. Александрийского. Святитель пользовался поддержкой Констанса. В 340 г. Констанс, на 29 г. жизни, был убит в Галлии полководцем Магнецием. В 353 г. Магнеций был разбит войсками Констанция и покончил жизнь самоубийством. Констанций оказался единодержавным властителем Востока и Запада. Он усилил преследование свят. Афанасия. В 355 г. на соборе в Милане, ариане, при поддержке императора, победили. Православные епископы подверглись гонениям. Когда ариане разделились на две партии, Констанций пытался их примирить. В 361 г. против него восстал Юлиан, его двоюродный брат. Констанций выступил в поход против него, заболел и, чувствуя приближение смерти, принял крещение от Евзоия, арианского епископа Антиохии. Умер он в том же году в Тарсе.

Церковь при Юлиане Отступнике.

Император Юлиан был внуком Констанция Хлора и приходился племянником Константину Великому. Детство его проходило в Константинополе в доме матери. Наблюдение за его духовным развитием было поручено еп. Евсевию, который должен был его воспитывать в духе умеренного арианства. Евсевий относился к своем уделу небрежно. Настоящим авторитетом для мальчика явился Мардоний, евнух варварского происхождения, бывший учитель его матери. Он был страстным поклонником эллинской культуры, в этом духе воспитывал Юлиана, воздерживаясь от всякого упоминания о христианстве. Позднее Юлиан был удален из столицы подозрительным Констанцием и помещен в одном замке в Каппадокии. От него требовалось постоянное посещение церкви, чтение св. Писания и выполнение церковных уставов. Подготовленный ранее своим учителем к восприятию древне-классического мира, ненавидя лично Констанция, он отрицательно относился и к исповедуемому последним христианству. Вызванный потом в Константинополь, он при дворе императора, столкнулся с распрями и интригами в тогдашнем христианском обществе. Все это усиливало его нерасположение к христианству. Юлиан вскоре сошелся с поборниками язычества, которые, гонимые Констанцием, мечтали о наступлении благоприятного для них времени. Сильное влияние на него имел знаменитый языческий ритор Ливаний. Получив от Констанция разрешение докончить свое образование, он в Малой Азии и Афинах познакомился с известными неоплатониками, особенно с Максимом, который посвятил его во все таинства теургии и экстаза. В 355 г. Констанций, не подозревая в Юлиане язычника, отправил его в Галлию в звании кесаря. В361 г. произошел разрыв между ними. Начиная борьбу, Юлиан объявил себя открытым язычником.

Вступление Юлиана на императорский престол было радостным событием для языческой партии. Молодой император окруженный философами, учеными, жрецами и авгурами, ревностно взялся за восстановление язычества. Еще на пути из Галлии он открыл множество храмов, закрытых при Констанции, и с большим торжеством приносил в них жертвы богам. По вступлении в Константинополь, торжественно заявив свое отречение от христианства, он приказал по всей империи восстановить разрушенные и открывать закрытые храмы и отправлять в них служение. Гонимые и преследуемые жрецы вышли из своих убежищ и направились к алтарям своих богов. Сам Юлиан более всех своих языческих подданных и, даже более жрецов, заботился о восстановлении древних, почти забытых культов. Нося титул pontifex maximus, он хотел быть жрецом на самом деле; поэтому часто сам лично, с небывалой торжественностью и благоговением, приносил жертвы богам. — Таким образом язычество снова

стало государственной религией и язычники опять получили преобладающее значение в империи. По отношению к христианскому обществу Юлиан держал себя на первых порах довольно снисходительно. Наученный историей, он понимал, что кровавые преследования не могут уничтожить христианство. Скорее, думал он, можно ослабить его и довести до уничтожения хитрой политикой. В этих видах, руководствуясь, по-видимому, философской терпимостью ко всем учениям, он предоставил свободу действий всем христианским партиям и сектам; на самом же деле он рассчитывал, что христианское общество, при внутренней борьбе партий, само собой придет к падению. С хитрой целью Юлиан особым законом запретил христианским ученым заниматься изучением философов и поэтов и объяснением их в школах, представляя в основание то обстоятельство, что люди, изъясняющие творения великих мужей — Гомера, Гесиода, Геродота и др. и обличающие их в нечестии, оскорбляют богов, которых почитали эти великие люди. На самом же деле этим запрещением Юлиан хотел защитить свое дело восстановления язычества. Он очень хорошо видел, что христианские ученые, знакомые с философами и поэтами, объясняя их писания перед своими слушателями с христианской точки зрения, подрывают язычество в его первых источниках. Далее, чтобы оскорбить христианское чувство и даже посмеяться над пророчеством Христа Спасителя об иерусалимском храме, Юлиан, под видом той же веротерпимости, дал иудеям средства восстановить свой храм в Иерусалиме. Но, по свидетельству и языческих и христианских писателей, появлявшийся три раза из земли огонь истреблял все начатые постройки, так что сами иудеи в ужасе отказались от предпринятого дела. Хотя подобные распоряжения были направлены против христиан только косвенным образом и не угрожали существованию Церкви, но уже одно то, что привилегии государственной религии переходят от христианства к язычеству, поставило христиан в двусмысленное положение, при котором были возможны для них большие притеснения.

Так, с восстановлением язычества, воинские знамена, с изображением креста, были заменены новыми с изображениями богов, разные воинские церемонии получили языческий характер. Все это стесняло воинов-христиан. Приказание Юлиана (в Антиохии) окроплять жертвенной кровью продаваемые на рынках припасы повело уже к стеснению всех христиан. Потом удаление христиан от занимаемых ими государственных должностей и предпочтение, отдаваемое правительством язычникам во всех случаях жизни, например, в судебных спорах и тяжбах, ставило часто многих христиан в затруднительное положение. Но самым сильным стеснением христиан было то, что они, по приказанию Юлиана, должны были возвращать язычникам то имущество, которое при Константине и Констанции перешло от языческих храмов к христианской Церкви. Многие языческие храмы были превращены в церкви; многие были разрушены и на месте их построены церкви; земли, принадлежавшие языческим храмам, были заняты христианскими строениями и т. д. Чтобы выполнить приказание императора, христиане должны были уничтожать церкви свои и даже за свой счет восстанавливать разрушенные, по приказаниям христианских государей, языческие храмы. При этом бывали и такие случаи, что язычники требовали и отнимали у христиан не только то, что прежде принадлежало языческим храмам, но и то, что всегда было собственностью христианских церквей.

Но как Юлиан ни стеснял христиан прямо и косвенно, он нисколько не ослабил христианство и далеко еще не достиг своей цели восстановления язычества, тем более, что, почти в первые дни своего правления, разошелся с большинством языческой партии. Воспитанный на понятиях неоплатонической школы, он хотел восстановить не то язычество, какое знало большинство язычников, а язычество, преобразованное по началам неоплатонизма. Отрицая вместе со своими учителями неоплатониками древнее многобожие и признавая божеством

только единое Верховное Существо, Юлиан видел в богах древней религии идеи, свойства и качества этого Верховного Существа, а в идолах — изображение этих последних. Сообразно со своими понятиями о богах древности, он смотрел и на мифы, стараясь своими аллегорическими толкованиями прикрыть все их нелепости и возбудить в язычниках такое же благоговейное уважение к ним, каким он сам отличался. Вместе с теоретической стороной в язычестве Юлиан хотел преобразовать и практическую. По-прежнему оставляя в языческом культе жертвоприношения и даже заботясь об их увеличении, он хотел внести в него религиозно-нравственные элементы; требовал, чтобы жрецы занимались изучением философов и поэтов, как провозвестников божественных истин, вели жизнь строго воздержанную и добродетельную, поучали народ, объясняя ему смысл древних мифических сказаний, при храмах устраивали благотворительные заведения и т.п. Словом, дух христианской религии, Юлиан хотел перенести на язычество.

В таком виде язычество было неизвестно большинству язычников, даже самим жрецам. Поэтому народная масса, как и прежде, относилась к служению своим богам холодно и небрежно; случалось, что одни только старухи присутствовали при жертвоприношениях императора-жреца, или, — как это было в Антиохии, — в праздник Аполлона, язычники оставили одного императора приносить жертвы богу поэзии, под открытым небом при проливном дожде, а сами искали убежища под крышей храма. Свободно мыслящие из язычников даже открыто в разговорах и сочинениях смеялись над множеством жертв, приносимых Юлианом и над его философскими толкованиями мифов. Приближенные Юлиана, наполнявшие его двор, тоже не сочувствовали его планам; в большинстве это были шарлатаны и искатели приключений, рассчитывавшие приобрести какие-либо выгоды от императора язычника. Таким людям не нравилась строго философская, полная энергии, жизнь Юлиана, и на требование его проводить подобную же жизнь они отвечали жалобами на невнимательность к ним императора. Разочарования одно за другим постигали Юлиана; языческое общество не сочувствовало его планам; христианское мужественно переносило все притеснения и нисколько не ослабевало. Но Юлиан не хотел отказаться от своего дела; препятствия и неудачи только раздражали его. Он хотел употребить все средства, даже насильственные, чтобы только достигнуть своей цели. И действительно, христиане уже ожидали от него жестоких преследований после его похода в Персию. Но в одной битве с персами, в 363 г., Юлиан был убит, и вместе с его смертью, кончилось его дело восстановления язычества.

Христиане же, с церковной властью во главе, держались крепко; Церковь верили в свое будущее и как будто больше сплотилась перед грозой. Знаменитый борец за православие, Афанасий Александрийский, которого только одного Юлиан отправил в изгнание за оппозицию, резкость которого переступала все законы государства, утешал паству твердыми словами: “Не страшитесь, друзья. Это маленькое облачко, оно скоро пройдет, посторонимся немного.”

Церковь при последующих императорах.

После смерти Юлиана войско провозгласило императором Иовиана, православного. Он, заключив с персами мир и вернувшись в пределы империи, даровал Церкви покой. Иовиан возвратил святителя Афанасия в Александрию, в Антиохии же оказал особое уважение святителю Мелетию. К язычникам он относился снисходительно. В следующем, 364 году, Иовиан умер от удара или от отравы.

Войско провозгласило императором полководца Валентиана, который держался православной веры, оказывал усердие к Церкви, но не стеснял язычников, запретив только приношение животных в жертву, магию, гадания, ночные и тайные обряды. Своим соправителем Валентин назначил своего брата Валента, которому предоставил Восточную часть империи. Валент сразу выявил себя сторонником ариан, предоставлял волную свободу еретикам, евреям и язычникам. Последние публично совершали свои обряды, восстановленные Юлианом и запрещенные Иовианом. Валент воздвиг гонение против Святителей Мелетия Антиохийского и Кирилла Иерусалимского. Но христианство к тому времени было настолько сильно и все более распространялось, что Валентиан в указе от 368 г. назвал язычество religio paganorum, т. е. верою поселян. Валентиан скончался в 375 г. в Паннонии. Преемствовал ему сын Грациан, управлявший Галлией.

В 378 г. Валент выступил из Константинополе в поход против готов. На пути его остановил отшельник Исаакий и сказал: “Государь, перестань враждовать против Господа, и Он благословит путь твой.” Царь сначала не обратил на него внимания, но когда отшельник не отставал от него на второй и третий день, грозя гневом Божиим, говоря: “Ты не одолеешь врагов, а погибнешь,” то велел заключить его в тюрьму, намереваясь казнить по возвращении из похода. Вблизи Адрианополя Валент потерпел поражение, был ранен. Удалось ему с несколькими воинами укрыться в хижине. Враги настигли их, зажгли в пылу стычки хижину и царь сгорел. Наследника он не имел, и власть в 378 году перешла к Грациану.

Грациан (375-383) сразу же объявил полную свободу православным и возвращение из ссылки пострадавших при Валенте за веру. Освобожден был преп. Исаакий, который основал в Константинополе обитель, названную потом Далматовой, по имени его преемника Далмата. В самом начале царствования он сложил с себя титул pontifex maximum, конфисковал имущество языческих храмов, отнял у жрецов и весталок привилегии и государственное жалование и т. д.

В 379 г. полководец Феодосий, победив готов, признан был Грацианом императором Востока и Фракии. Он был христианином. В 380 г. Феодосием и от имени Грациана был издан указ в пользу православной веры. По прибытии в Константинополь он изгнал арианского епископа и возвратил все церкви православным. Феодосий торжественно ввел в соборный храм св. Софии Святителя Григория Богослова, православного архиепископа Константинополя, им очень почитавшегося. Феодосием был созван Константинопольский второй Вселенский Собор.

Император Грациан в 382 г. в Риме повелел вынести из сената языческую статую Победы. Сын его и преемник Валентиан 2-й, находившийся под влиянием матери Юстины, потворствовал арианам, встретив в 386 г. решительное сопротивление святителя Амвросия, епископа Медиоланского. В отношении язычников Валентиан 2-й был тверд и пал в 392 г. жертвой их заговора.

Император Феодосий, победив поставленного после него языческой партией Евгения, вступил в 394 г. в Рим самодержавным царем Востока и Запада. Язычеству нанесен был им уничтожающий удар. В 395 г. Феодосий умер в Милане. Империю свою он разделил между сыновьями. Старший Аркадий (395-408) наследовал восточную половину, младший Гонорий (395-423) — западную. Они оба продолжали уничтожение язычества. Гонорий приказал разрушать все оставшиеся еще храмы и удалил язычников с государственных должностей. На востоке, по указанию Аркадия, монахи-миссионеры обходили провинции и обращали оставшихся там язычников.

Сын Аркадия, восточный император Феодосий 2-й (408-450) издал в 425 г. закон об уничтожении языческих храмов, если такие еще существуют. Только в Афинах, в среде неоплатонической школы, держалось еще язычество.

Имп. Юстиниан 1-й (527-566) велел в 529 г. закрыть последние языческие школы в Афинах и всех оставшихся язычников с женами и детьми крестить, наставив предварительно в истинах веры. Последние представители язычества, философы, числом семь, удалились в Персию. Из остальных язычников патриций Фотий, уличенный в злом умысле против императора, казнен, другие лишены имений. Только в горных ущельях горы Тайгета, вблизи Спарты, между горами удержалось поклонение Зевсу даже до половины 9 в. (еп. Арсений).

На западе язычество держалось крепче, чем на востоке. Нападение варваров на Италию поддерживало надежды языческой партии. Римские сенаторы из языческих фамилий высказывали открыто, что все несчастья постигают империю за оставление религии отцов. В 476 г. Западная империя пала под оружием варваров, но язычество не было восстановлено, и христианская Церковь оставалась непоколебимой. Остготский король Теодорих, в конце 5 в. овладевший Италией, издал даже закон, которым, под угрозой смерти, запрещалось идолослужение. Следы язычества на западе сохранились до конца 6-го столетия, именно на итальянских островах.

Распространение церкви вне пределов империи.

В Африке и в Азии. В первые три века христианская Церковь только отчасти проникла за пределы Римской империи; борьба с Римским язычеством за свое существование заставляла христианское общество сосредоточить все свои силы на одном пункте, именно в Римской империи. Теперь же, когда борьба окончилась падением язычества, и Римская империя сделалась христианским государством, Церковь получила возможность выступить решительным образом ха пределы империи. Пути, которыми она проникает в языческие, близкие и отдаленные от империи страны, весьма разнообразны. Христианские купцы, посещая языческие страны по делам торговым, заносят сюда христианство; христиане, попадающие в плен к язычникам, просвещают их светом Евангелия, и, наоборот, язычники, попадающие в плен к христианам, знакомятся с христианством и, возвращаясь на родину, становятся в свою очередь распространителями его между своими соотечественниками; монахи-подвижники, поселяясь в пустынях на границах Римской империи или даже в языческих странах, своей святой жизнью пробуждают в язычниках уважение к христианству и заставляют их принимать его; ревностные проповедники Евангелия с апостольской неустрашимостью, отправляются в страны варваров и основывают в них церкви; предстоятели церквей и государи устраивают миссии по обращению язычников; женщины-христианки, а именно принцессы, выходя замуж за языческих королей и князей, располагают к принятию христианства как своих мужей, так и подданных язычников. Вообще, всякого рода столкновения и сношения между народами, принявшими христианство и не принявшими, служили более или менее удачными поводами к распространению христианства среди последних. Таким образом, во второй период Церковь распространилась во многих языческих странах Африки, Азии и особенно Европы."

В Африке первыми приняли христианство **абиссинцы**, или **эфиопляне(эфиопы)**. Апостолом Эфиопии был **св. Фрументий**. Юношей он, путешествуя около 340 г. с дядей Меропием и братом Едесием, пристал к берегам Абиссинии. Местные жители убили мореплавателей, кроме двух братьев. Их привезли к царю Чагему, который назначил их казначеем и письмоводителем. После смерти царя, около 342 г., вдова его упросила братьев заниматься

делами правления до совершеннолетия наследника. Когда последний достиг совершеннолетия, он отпустил их. Едесий поставлен был священником в Тире. Фрументий, пребывая в Александрии, ознакомил патриарха св. Афанасия с положением в Абиссинии. Святитель, после надлежащего приготовления, посвятил Фрументия в епископа. В Абиссинию он вернулся с несколькими священниками. Он обратил в христианство двух вместе царствовавших сыновей Чагема и насадил в Абиссинии веру среди туземцев. Св. Фрументий положил начало переводу святого Писания и богослужебных книг на абиссинский язык. Преставился он 30 ноября 370 г.

Абиссинская церковь подчинялась Александрийскому патриарху. Ширится христианская проповедь при царе Аламеде. Патриарх, по его просьбе, назначил в 478 г. Иоанна епископом столичного города Аксума. Тогда же прибыли из Египта девять монахов, которые в абиссинских святцах почитаются просветителями страны. Верная заветам святителя Афанасия она оставалась православной, вопреки стараниям имп. Констанция обратить ее в арианство. Но, когда Александрийская Церковь временно уклонилась в монофизитство, то абиссинская церковь в 5 в. последовала ее примеру.

В **Азии** обитатели Кавказа приняли христианство частично в 4 в., частично в 6 в. В двадцатых годах 4 в. к **иверам**, чтившим Ормузда и Аримана и поклонявшимся огню, попала в плен христианка **Нина**, вероятно монахиня, уроженка Каппадокии. По ее молитвам был исцелен ребенок, позднее царица. Царь, заблудившись однажды, прибег к молитве христианскому Богу и обязался выстроить Ему храм, если благополучно вернется домой. Обещание свое он начал выполнять и, по совету св. Нины, отправил посольство к Константину Великому с просьбой о присылке в Иверию (Грузию) епископа и клира. Просьба эта была исполнена. Царь и царица ревностно заботились об обращении своих подданных. В 457 г. константинопольский патриарх Анатолий назначил архиепископом в Грузию грека Петра, дав ему титул **католикоса** всей Иверии. Попечением его умножено число епископских кафедр, усилена проповедь в языческих местностях, пересмотрены или переведены вновь богослужебные книги.

От иверов христианство постепенно распространялось среди других племен Кавказа. В 541 г. имп. Юстинианом посланы священники к язычникам **абхазцам,** и в Питеунте (нынешней Пицунде), учреждена епископская кафедра, подведомственная константинопольскому патриарху. В 520 г. в Константинополь к царю Юстину прибыл царь **цанов** и **лазов** Цат с просьбой крестить его, что было исполнено. Принявшие затем христианство лазы населяли часть древней Колхиды, к северу-востоку от Трапезунда.

Апостолом **Армении** был **Григорий**, получивший за свою проповедническую деятельность именование **Просветителя**. Парфянин, он происходил из знаменитой фамилии, которая была в родстве с династией царей персидских и армянских. Распри и междоусобия заставили его удалиться в Кесарию Каппадокийскую, где он стал христианином и вступил в брак. После смерти жены он возвратился в Армению, поступил на службу к царю Тиридату и вскоре подвергся мучениям за исповедание Христа. Брошен он был потом в глубокий и нечистый ров, наполненный гадами и змеями, где провел 14 лет, питаемый вдовой, бросавшей ему пищу. Оттуда его извлекли, когда лютость Тиридата превратилась в сумасшествие. Святой Григорий исцелил царя и научил его христианской вере. Получив сан святителя от Леонтия, еп. Кесарии, он крестил не только армян, но и множество соседних племен. Перед кончиной св. Григорий удалился на безмолвие в пустыню, оставив преемником сына своего **св. Аростана**, который с юности был иноком и священствовал в Каппадокии, будучи же святителем, присутствовал на первом Вселенском соборе. Дело св. Григория вполне докончил один из его потомков **Исаак Великий,** основавший множество церквей и монастырей, устроивший на-

родные школы, подготовивший поколения клириков, положивший основание армянской богословской литературе. В 428 г. Армения потеряла независимость, подпав под власть персов. Персидские цари пытались установить в ней религию Зороастра. В 450 г. персидские правители настаивали на введении огнепоклонства. Глава Церкви, католикос Иосиф I, созвал собор в Вагаршапате, на котором составлено было исповедание веры. Оно было представлено правителю Мир-Нерсесу, за подписями 18 епископов, с таким заявлением: "От этой веры не могут отклонить нас никакая власть или сила, ни ангел с неба, ни земной владыка, ни огнь, ни меч. Достояние наше в ваших руках, но владыка веры нашей есть один Бог, с которым мы неразлучно соединены." Хотя католикос со всем клиром был увезен в Персию и там замучен за несогласие на огнепоклонничество, но дружное сопротивление армян заставило персидскую власть даровать им в 451 г. свободу веры. Борьба за веру продолжалась все же до 651 г., когда Армения и Персия подпали под власть аравитян-мусульман. Во время борьбы Церкви с ересями в 4 и в первой половине 5 в. Армянская церковь оставалась верной православию. Но во второй половине 5 в. она отделилась от Церкви по поводу монофизитской ереси.

В **Персию** христианство проникало, начиная со 2 в., из пограничных областей империи. В начале 4 в. епископ Селевкии, Ктесифон, окормлял большое число христиан. В 3 в. династия Сасанидов стремилась восстановить древнюю национальную религию Зороастра. Маги были помощниками правительства. Христиан стали считать изменниками национальной религии, следовательно, и самой страны. Положение осложнилось тем, что Персия часто воевала с Римской империей, с которой христиане были церковно связаны. Гонения воздвиг царь Сапор II. В 343 г. он обложил христиан увеличенными податями, за неисполнение этих обязательств заключал в оковы, казнил, разрушал храмы, церковную утварь обращал в недостойное употребление. Вместе со своими клириками был казнен епископ Симеон. После Сапора, с 381 г., наступило более спокойное время. Гонения возобновились при Варане V (420-438). Положение улучшилось, когда в 422 г. Акакий, епископ Амидский, с согласия клира, продал церковные золотые и серебряные сосуды для выкупа пленных, взятых римлянами. Варан даже считал христианство лучшей из многих религий и, по его пониманию, близкой к религии Зороастра. Но преемник его был врагом христиан. Когда персидская церковь уклонилась в несторианство и прекратила в середине 5 в. сношения с Византией, персидское правительство сделалось в отношении ее терпимее. Еще более прочным стало положение христиан с 651 г., когда персидское государство покорено было аравитянами - мусульманами.

Начало христианства в **Аравии** относится к апостольским временам. В 3 в. там проповедовал Ориген. Приносили туда веру христиане, бежавшие от преследований в империи. Около 320 г. просвещено было христианством племя гомеритов или савеев в **Восточной Аравии**. Имп. Констанций в 354 г. отправил к ним Феофила, индийца, находившегося заложником в Константинополе, воспитанного в арианстве, посвященного в сан епископа. Местный царь разрешил ему устроить церкви в столице Дафаре, в Ормузе при персидском заливе и в Адене, пристани у выхода из Красного моря. Препятствовали Феофилу в насаждении христианства евреи, жившие там, в большом количестве. На кочевые аравийские племена влияла проповедь и подвижническая жизнь христианских пустынников и монахов, поселявшихся на границах Палестины и Аравии. Известен **преп. Иларион**, подвизавшийся с 329 г. в Сирии и положивший основание христианству среди сарацинов (племя гассанидов). По просьбе царицы этого племени, Мавии, в 373 г. православными епископами был хиротонисан Моисей, родом сарацин. В начала 5 в. подвижник Евфимий обратил в христианство предводителя одного аравийского племени, который с именем Петра, поставлен был первым епископом для походных церквей. Огромно значение **преп. Симеона столпника**, подвизавшегося в течение 80 лет на столпе. Он преставился в 459 г., будучи 103 лет от роду. "Познаша мудрость его Персяне,

Ефиопляне, Индиане, Скифяне и Аравляне" (Церк. Служба в честь Симеона). С успехом миссионерствовали с 4 в. монахи горы Синайской. В 4 столетии в Аравии некоторые кочующие племена были уже вполне христианскими.

В Европе.

1. **У готов и других кочевых народов.** В Европе, вне пределов Римской империи, христианство прежде всего начало распространяться среди народов германского племени. Так в 4 и 5 вв. христианство приняли **готы, вандалы, свевы, бургунды, лангобарды,** но, к сожалению, в форме арианства.

Готы, обитавшие за Дунаем и разделявшиеся рекою Днестром на **остготов и вестготов,** еще в 3 в. подошли близко к границам Римской империи и производили на нее частые набеги. Случалось, что они уводили в плен христиан, среди которых были и лица духовного звания. Пленники в первый раз и познакомили готов с христианством, образовав среди них небольшую церковь. На первом Вселенском соборе (325 г). уже присутствовал готский епископ **Феофил**, подписавший соборные вероопределения. Во второй половине 4 в. много потрудился для распространения христианства среди готов готский епископ **Улфил**, потомок пленных христиан, занимавший епископскую кафедру в течение сорока лет (348-388 гг.). Он изобрел готскую азбуку и перевел св. Писание на готский язык.

При императоре Валенте, когда пришедшие из Азии гунны стали теснить готов, — **вестготы,** с разрешения его, поселились (356 г) в пределах Римской империи во Фракии, при условии принятия всеми ними христианства. Улфил, бывший по этому случаю во главе готского посольства к Валенту, в угоду императору арианину, согласился распространять среди них христианство с арианским вероучением, которое, таким образом, и утвердилось у них. После удаления из пределов Римской империи, вестготы принесли арианское учение в Испанию, где основали (415 г). свое государство. Только в 589 году на соборе **Толедском** они отказались от арианства, и перешли к православию.

От вестготов христианство с арианским же вероучением перешло к их соплеменникам, **остготам**, оставшимся позади них, во время великого переселения народов. Завладев (492 г). Италией, остготы, в свою очередь, принесли арианство и сюда. Хотя при Юстиниане I, владычество их в Италии кончилось (553 г.), но они сообщили арианское христианство язычникам **лангобардам,** и у которых оно только в конце 7 в. окончательно сменилось православием.

От вестготов приняли арианское христианство **вандалы** и **свевы**, пришедшие еще раньше их в Испанию. Вандалы, перешедшие из Испании в Африку и завоевавшие (429 г). ее северные области, упорно держались арианства и страшно преследовали православных христиан карфагенской церкви; в 533 г. полководец Юстиниана, Велизарий, уничтожил владычество их в Африке, а вместе с тем и арианство. У свевов, окончательно поселившихся в Испании (в нынешней Португалии), арианство держалось до 560 года, когда они обратились к православию.

Бургунды, поселившиеся в начале 5 в. в южной Галлии, частично принесли с собой арианское христианство с берегов Рейна, где приняли его от изгнанных из империи ариан, частично заимствовали его у вестготов, но в конце 5 и начале 6 века, под влиянием древних церквей южной Галлии, они присоединились к православию.

2. **У франков.** Франки, под предводительством своего короля **Хлодвига**, в конце 5 в. заняли северную Галлию и основали здесь свое государство. Все они были язычники. Христианство

распространилось среди них при посредстве бургундской принцессы **Клотильды**, на которой женился Хлодвиг (493 г.). Долгое время Клотильда убеждала своего мужа принять христианство, но он не соглашался. Впрочем, Хлодвиг позволил своей жене исповедовать христианскую веру и даже крестить своих сыновей. Случилось, что второй сын его заболел, и Хлодвиг предсказывал уже его смерть, но, по молитве Клотильды, ребенок выздоровел. Это произвело на Хлодвига впечатление. Сильное впечатление на него также производили рассказы Клотильды о чудесах, совершавшихся при гробе Мартина, епископа Турского (ум. ок. 400 г.), и свидетельствовавших о силе христианского Бога. Влияние этих рассказов скоро обнаружилось. В 496 году Хлодвиг начал войну с аллеманами. Его войско подвергалось большой опасности. Призывая напрасно на помощь своих богов, он вспомнил, наконец, о христианском Боге и дал обещание креститься, если одержит победу. Победа досталась ему, и он в том же 496 году принял крещение от православного рейнского архиепископа **Ремигия**, приглашенного Клотильдой. За Хлодвигом крестились и все его подданные. Но, приняв крещение, франки в действительности остались язычниками; только в последующие века, когда во Франции были заведены монастыри и школы, они окончательно просветились христианством.

3. **На Британских островах.** Южная часть острова Великобритании, населенная **бриттами**, была завоевана римлянами еще в серелине 1 в. до Р. Хр.; при Веспасиане и особенно Траяне и Адриане Римское господство здесь было очень сильно. Поэтому, еще в 3 веке, вместе с Римским господством, из южной Галлии, или даже из Малой Азии, проникло сюда и христианство, с обрядами и образованием **церквей восточных**, и имело значительное число последователей среди туземцев. Обитатели же северной части Великобритании, **пикты** и **скотты**, и другого британского острова, Ирландии, **ирландцы**, не имели никакого понятия о христианстве. Своим обращением в христианство они обязаны **св. Патрикию** и его ученикам.

Патрикий, родом британец, происходил из христианского семейства (род. между 370 и 380 гг.). В юности он попал в плен к **ирландцам** и прожил у них шесть лет. Затем, через десять лет после возвращения на родину, он опять был захвачен морскими разбойниками и продан в Галлию, где его выкупили христианские купцы. Двукратный плен и освобождение, которое Патрикий приписывал божественной помощи, пробудил в нем стремление посвятить себя служению Богу, что он и исполнил после возвращения в отечество. Приняв епископский сан от британских епископов, Патрикий пошел (около 432 г) с проповедью Евангелия к ирландцам. Зная их язык и обычаи, он имел здесь необыкновенный успех, —многие из них вследствие его проповеди обратились в христианство. Чтобы упрочить в Ирландии христианство, Патрикий основал там несколько монастырей, которые были школами для народа, монахам же дал все средства к религиозному просвещению, — изобрел ирландскую азбуку, завязал сношения с британской и галльскими церквами, выписывал оттуда книги и т.п. Патрикий умер около 460 года, после продолжительной апостольской деятельности, прочно устроив ирландскую церковь с митрополией в городе **Армахе.** Монахи основанных им монастырей довершили просвещение Ирландии; в первой половине 6 в. она уже вся была христианской страной.

Выходившие из ирландских монастырей миссионеры распространяли христианство и в соседней **Шотландии**. Среди них особенно замечателен монах **Колумба**, пришедший с проповедью Евангелия в 563 г. в северную Шотландию к скоттам. Крестив одного из шотландских князей со всем его народом, Колумба основал на одном острове монастырь, из которого христианское просвещение потом стало распространяться по всей Шотландии.

Между тем в политическом быту Великобритании произошли перемены, имевшие большое влияние на распространение в ней христианства.

В начале 5 в. римляне почти совсем оставили свои британские владения; на смену им с европейского материка пришли (449 г). воинственные **англосаксы**, которые завладели южной частью Великобритании и основали здесь семь королевств. Англосаксы были язычники, и распространение христианства в Великобритании на некоторое время было ими задержано, бриттов христиан они сильно притесняли. Только спустя более чем столетие англосаксы стали принимать христианство. В конце 6 в. король **Кента**, одного из англо-саксонских королевств, **Этельберт**, женился на христианской принцессе из франкского дома, **Берте**. Папа **Григорий Великий (Двоеслов)** воспользовался этим обстоятельством и отправил в Британию целую миссию под начальством аббата **Августина**. При содействии Берты миссионерам удалось обратить самого Этельберта, а за ним стали обращаться и его подданные. После этого Августин отправился во Франкское королевство, где его рукоположение во епископа и, после возвращении в Британию, основал свою кафедру в Кенте. Из Кента христианство проникло и в другие англо-саксонские королевства, в которых также были учреждены епископские кафедры.

До обращения англосаксов среди древних обитателей Великобритании распространялось христианство с обрядами и учреждениями восточных церквей; с обращением же их проникло сюда христианство с обрядами и учреждениями Римской церкви. Таким образом, в Великобритании образовалось две церкви — **древне-британская** и **ново-английская**, долгое время не имевшие общения одна с другой. Представители ново-английской церкви, начиная с Августина (ум. в 605 г.), стремились всеми мерами, даже насильственными, подчинить древне-британскую церковь Римскому престолу; но последняя, получившая свое начало непосредственно или посредственно с востока, не хотела считать Римскую церковь своей митрополией и поставить себя в зависимость от нее. Обрядовые разности, например, во времена празднования Пасхи, а также национальная ненависть бриттов к пришельцам-завоевателям, англосаксам, еще более отделяли древне- британскую церковь от ново-английской. Соборные совещания англо-саксонских епископов с древне-британскими, вследствие притязательности первых, не приводили к согласию. Только к концу 7 столетия между обеими церквами установились более мирные отношения, но окончательное объединение их последовало вместе с объединением древних обитателей Великобритании с англосаксами.

4. **В Германии.** В Германию христианство проникло еще во времена Римского господства; в 3 и 4 веках, по Рейну и Дунаю, в городах, образовавшихся из римских армейских поселений, было уже несколько епископских кафедр. Но, с переселением народов, в 5 и 6 веках, здесь не оставалось почти и следов христианства. Новые попытки к распространению христианства в Германии начинаются в конце 6 столетия, отчасти со стороны франков, но главным образом со стороны британских и англо-саксонских монахов-миссионеров, которые, в течение 7 столетия, основали в разных местностях Германии несколько церквей. Но между этими церквами не было единства, — в одних были обряды и учреждения древне-британской церкви, а в других — церкви Римской, да и самое христианство, при множестве оставшихся еще язычников, было не прочно. Английский монах **Винфрид**, принявший впоследствии имя **Бонифация**, в первой половина 8 в. докончил дело бывших до него в Германии миссионеров. Прежде чем идти в Германию, он, в 718 году, отправился в Рим просить у папы благословения на распространение в ней христианства, в союз с Римской церковью. Папа Григорий II благословил его, — и Бонифаций начал свою миссионерскую деятельность сначала в **Фрисландии**, вместе с другим английским миссионером, а потом один в **Тюрингии и Гессене.** В Тю-

рингии ему удалось обратить двух владетельных князей, и здесь же он основал первый монастырь. После такого успеха папа вызвал его в Рим и в 723 году посвятил в епископа Германии, причем с него взята была клятва — быть со всей германской церковью в подчинении Римскому престолу. В сане епископа Бонифаций еще с большим рвением принялся за распространение христианства, — в непроходимых местах он устраивал монастыри и храмы, вызывал из Англии монахов и монахинь для обучения народа и т.п. В 732 году папа Григорий III назвал его уже архиепископом Германским и назначил викарием апостольского престола, поручив ему поставлять в Германии епископов столько, сколько найдет нужным. Теперь Бонифаций начал заниматься не столько обращением германцев, сколько устройством и объединением под властью папы германских церквей, основанных им и его предшественниками. Постепенно, при содействии франкского правительства, простиравшего уже тогда свою власть на Германию, он достиг того, что епископские кафедры во всех германских церквях, основанные его предшественниками вне союза с Римской церковью, были замещены лицами, признававшими главенство папы. В 754 году он отправился во **Фрисландию**, чтобы поддержать там склонявшуюся к падению церковь, но фризы встретили его неприязненно и убили его вместе с его спутниками в 755 году. Впрочем, вскоре после Бонифация, христианство было упрочено и во Фрисландии.

К концу 8 в. христианство было распространено во всей Германии. Саксы дольше из всех германских народов не принимали его. Они ненавидели христианство, как веру франков, с которыми вели постоянную борьбу за свою независимость. Только после тридцатилетней войны **Карлу Великому** удалось смирить их и силою оружия заставить принять христианство (803 г.).

Славянские племена, к 9 веку, занимали почти всю восточную половину Европы. Тогда как другие народы, жившие от них на юге и западе, были просвещены христианством, **славяне** оставались еще язычниками. Но в 9 в. христианство стало распространяться и среди них. Замечательно, что все славянские племена приняли христианство из Константинополя, следовательно, в форме восточного православного вероисповедания, хотя в последствии некоторые славянские страны и отпали в латинство, под влиянием западных государств, принявших христианство из Рима. Только к славянам, обитавшим на берегах Балтийского моря, в соседстве с германцами, оно занесено было непосредственно германскими миссионерами.

Апостолами славян были святые братья **Кирилл и Мефодий.** Одни славянские народы они просветили евангельским учением непосредственно сами, а другие — посредством изобретенной ими славянской азбуки и перевода священных и богослужебных книг на славянский язык. Кирилл и Мефодий родились в македонском городе **Фессалонике**, или, по-славянски, **Солуни**, в той провинции, где уже издавно было много славян и где они могли ознакомиться со славянским языком. Отец их, **Лев**, родом грек, был помощником главного военного начальника Македонии. Кирилл, до принятия монашества называвшийся Константином, был младшим братом (род. в 827 г.). Еще в молодости (842 г) он был отправлен к константинопольскому двору, где его отец имел связи, и воспитывался вместе с молодым императором, сыном Феодоры, Михаилом III. Кирилл показал большие успехи, особенно в диалектике и философии, так что впоследствии получил звание философа. По окончании образования, его сделали было патриаршим библиотекарем, но он, чувствуя наклонность к созерцательной жизни, тайно ушел в монастырь. После долгих убеждений остаться библиотекарем, ему, наконец, предложили звание учителя философии, или точнее, звание вольного философа, мудреца. Очень скоро Кирилл, действительно, стал известен своей ученостью. В пятидесятые годы 9 столетия он принимал участие в иконоборческих спорах, причем удачно опроверг сверженного иконоборческого патриарха Иоанна Грамматика, прозванного **Аннием**, а в

851 г., по поручению царя и собора, ходил к сарацинам для защиты иконопочитания и вообще христианской веры. Между тем, брат его Мефодий, после смерти отца получил должность военачальника в восточной части Македонии, где проживали славяне. Здесь он еще ближе познакомился с бытом и языком славян. Но и он, подобно Кириллу, чувствовал призвание к созерцательной жизни, почему и ушел в монастырь на Олимпе. Святые братья вели здесь жизнь подвижническую, проводя время в молитве и чтении книг. Во время пребывания в монастыре у братьев созрела мысль о миссионерской деятельности среди славян; здесь они изобрели славянскую азбуку (855 г) и начали перевод священных и богослужебных книг на славянский язык. В 858 г. св. братья на время должны были оставить свой труд. **Хазары**, поселившиеся в Крыму и по северным берегам Черного моря и завоевавшие некоторые славянские племена, прислали в этом году к императору Михаилу III посольство просить у него книжного мужа, который мог бы спорить о религиозных предметах с магометанами и евреями, распространявшими у них свое учение. Император, вызвав из монастыря Кирилла, отправил его к хазарам; вместе с ним пошел и брат его Мефодий. У хазар они имели значительный успех, вероятно, среди славян, так что некоторые крестились. Впрочем, в десятом веке хазары были еще магометанами, иудеями или даже язычниками. В Крыму Кирилл и Мефодий нашли мощи св. Климента, епископа Римского, умершего здесь мученической смертью при Траяне, и взяли их с собой. Сношения со славянами (русскими), во время путешествия к хазарам, еще более укрепили решимость Кирилла и Мефодия заняться обращением их. По возвращении от хазар, удалившись в монастырь, они опять принялись за продолжение своего труда, и успели еще перевести на славянский язык чтения из Евангелия и Апостола на литургии, псалтирь, утреннюю службу, часы, вечерню и литургию.

Ближайшими по месту жительства к Византии славянами были юго-восточные славяне, издавна поселившиеся во Фракии и Македонии. Часть их существовала независимо, другая была в зависимости от Византии. Фракийские славяне в 7 в. были покорены **болгарами**, воинственным племенем, пришедшим с берегов Волги и Камы. Из смешения народностей образовалось одно племя, скорее всего славянское. Название же оно получило от болгар. Христианство начало насаждаться в Болгарии в 60-х годах 9 века. В 864 г. крестился болгарский князь **Борис**.

Одновременно с распространением христианства в Болгарии распространилось оно в двух других славянских странах — **Моравии** и **Паннонии**, при личном участии славянских просветителей. В 862 г. моравский князь, **Ростислав**, прислал к императору Михаилу III посольство с просьбой прислать к нему учителей, знающих язык, которые могли бы научить его народ истинной вере. Хотя в Моравию уже проникли немецкие миссионеры, Ростислав уклонился от них по тем же причинам, по которым болгарский князь Борис уклонялся от греческих. Михаил III послал в Моравию Кирилла и Мефодия, которые, придя в 863 году, обосновались в столичном городе **Велеграде.** Ростислав, его племянник Святополк и многие другие немедленно приняли от них крещение. Совершение богослужений на славянском языке и перевод св. книг, который они принесли с собой, особенно привлекали моравов и давали Кириллу и Мефодию перевес над немецкими миссионерами. Последние обратились в Рим с жалобой на Кирилла и Мефодия, и папа Николай I, в 867 г., потребовал их к себе. К счастью Кирилла и Мефодия, Николай в это время умер и преемник его, Адриан II, искавший союза с Константинополем, принял их не так недружелюбно, как можно было бы ожидать. К тому же Кирилл и Мефодий принесли в Рим мощи св. Климента. Вследствие всего этого папа одобрил как апостольские труды братьев, так и их славянский перевод святого Писания. Кирилл умер в Риме в 869 году 14 февраля, сорока двух лет, Мефодий же возвратился в Моравию. Но так как в это время в Моравии шло междоусобие между Ростиславом и его племянником, Свято-

полком, которого поддерживали немцы, то Мефодий счел за лучшее утвердить свое местопребывание в соседнем славянском княжестве, **Паннонии**, у князя **Коцела**. Коцел, так же как и Ростислав, желал, чтобы в его стране насаждали веру славянские проповедники, и потому не только принял радушно Мефодия, но и просил папу посвятить его в сан епископа Паннонского. Папа исполнил желание Коцела, и когда Мефодий возвратился для этого в Рим, посвятил его епископом Паннонским и Моравским. В сане архиепископа Мефодий с прежней ревностью продолжал свои апостольские труды: он проповедовал, назначал и посвящал священников из туземных славян как для Паннонии, так и для Моравии, устраивал школы и заканчивал перевод св. Писания на славянский язык. Латинско-немецкое духовенство, считавшее Моравию и Паннонию своим достоянием, не могло равнодушно смотреть на основание Мефодием национальной славянской церкви по обрядам восточной церкви. Собрались немецкие епископы на собор в Паннонии, позвали сюда Мефодия и после разных оскорблений, заключили его в оковы и отправили в заточение в монастырь в Швабии; перед папой Иоанном VIII они обвинили его, как еретика, за то, что он в богослужении употребляет не латинский или греческий язык, а грубый славянский и вводит обряды восточной церкви. Немецко-латинские епископы все-таки не давали ему покоя. По их проискам, папа, наконец, в особом послании к моравам, отменил славянскую литургию, оставив только проповедь на славянском языке; но Мефодий лично отправился в Рим и так горячо защищал славянское богослужение, что папа отменил свои требования, только Евангелие должно было читаться на латинском или греческом языке. Возвратившись из Рима (880 г.), он трудился в Моравии еще пять лет, до самой своей смерти, которая последовала в 885 году 6-го апреля. Перед смертью, Мефодий назначил своим преемником своего ученика, Горазда. Но уже в последние годы жизни Мефодия, Святополк, заключив союз с немецком королем, **Арнульфом,** допустил в Моравии влияние немецкого духовенства, так что когда Мефодий умер, **Викинг**, родом немец, сделавшийся еще в 880 г. епископом **Нитры**, с согласия Святополка, подверг преследованиям Горазда и всех учеников Мефодия и, наконец, выгнал их из Моравии. Они удалились в Болгарию. Теперь, вместе с богослужением на латинском языке, в моравской церкви введены были обряды западной церкви, и она попала в зависимость от Римского престола. Славянское богослужение и обряды восточной церкви сохранились только в немногих местах и немногими отдельными лицами. Вскоре (908 г). моравское государство пало под оружием богемов и мадьяр или венгров, которые разделили его между собой.”

Христианство, еще при св. Мефодии, проникло в **Богемию** (Чехию). Князь Боривой и его супруга **св. Людмила** (928) крещены были св. Мефодием в Велеграде в 874 г. Св. Людмила воспитала в знании славянской письменности внука, **св. Вячеслава** (935). Они приняли мученическую кончину от родственников-язычников. При князе Болеславе II Благочестивом, христианство восторжествовало в Богемии, но как латинское. В 967 г. в Праге учреждена была епископия. Саксонский славянин Дитмар, знавший славянский и латинский языки, был поставлен епископом. Народ некоторое время боролся за православие. Но в 1097 г. был разгромлен последний оплот православия — Сазанская обитель. Православие сохранялось только в народных глубинах.

Часть **Польши** входила в обширную епархию св. Мефодия. В 965-6 гг. польский король Мечислав женился на христианке Домбровке, сестре Болеслава I,чешского князя и крестился. Позднее же, женившись на княжне-католичке, он признал власть папы. Славянское богослужение заменено было латинским. В 1025 г. Мечислав изгнал из Польши православных священников и монахов.

В это же время Православие прочно укрепилось в Болгарии, что имело огромное значение для судеб России, в 988 г. принявшей христианство при св. князе Владимире.

Православными были и **сербы. Хорваты** же рано попали под влияние соседних латинских епископов и подчинились Римской церкви.

Об укреплении христианства в балканских государствах излагается во второй части этого труда.

Одновременно со славянскими народами христианство начало распространяться и среди скандинавских народов, населявших **Данию, Швецию и Норвегию.**

Датский король **Гаральд**, изгнанный своими подданными, в 826 году прибыл ко двору Римско-немецкого императора, **Людовика Благочестивого**, просить о помощи и при этом принял крещение со всем своим семейством. Получив помощь, Гаральд возвратился в Данию; вместе с ним отправлен был туда Людовиком монах Ново-Корбейского монастыря на Везере, **Ансгарь**, давно уже чувствовавший призвание к апостольской деятельности и искавший ее. Обращение датчан Ансгарь начал с того, что устроил в Шлезвиге школу, в которой обучал выкупленных из неволи датских мальчиков и приготовлял их, таким образом, к миссионерской деятельности среди соотечественников. К несчастью, в 828 году Гаральд снова был изгнан датчанами за союз с франками, и деятельность Ансгаря должна была прекратиться. Но он вскоре (829 г). по поручению того же Людовика отправился в Швецию, куда сами шведы просили прислать христианского учителя. В Швеции Ансгарь успел обратить некоторых и построил там первую церковь. Тогда Людовик, чтобы придать миссии среди христианских народов более устойчивый характер, учредил на границе с Данией, в **Гамбурге,** архиепископство, на которое назначил Ансгаря, а папа наименовал его легатом апостольского престола во всех северных странах. Поселившись после этого в Гамбурге, Ансгарь посвятил всего себя обращению датчан; к шведам же был отправлен другой миссионер. Несмотря на то, что преемники Гаральда (Эрих I и Эрих II) ничего не хотели знать о христианстве, Ансгарь своими личными прекрасными качествами успел все-таки расположить их к себе и, насколько это было возможно, пользовался этим расположением для распространения христианства среди их подданных. По-прежнему он выкупал датских пленников и обучал их в своих школах, строил монастыри, госпитали для больных, рассылал по Дании подготовленных им миссионеров и т.п. В 853 году он совершил путешествие в Швецию и достиг там того, что даже народный совет позволил миссионерам беспрепятственно распространять христианство. Таким образом трудился Ансгарь до самой своей смерти в 865 году. Своей апостольской деятельностью он положил прочное основание христианству в Дании и Швеции. Окончательно Дания сделалась страной христианской в первой половине 11 в. при короле **Кнуде Великом** (1014-1035 гг.), а Швеция во второй половине того же века при короле **Инге** (1075 г.).

В одно время с Данией и Швецией приняла христианство и **Норвегия.** Норвежские короли, познакомившиеся в своих походах с христианством западных государств, особенно в Англии, сами стали заботиться об обращении своих подданных еще в конце 9 века. После многих противодействий со стороны народа, который не хотел расстаться со своими богами, христианство окончательно утвердилось в Норвегии в первой половине 11 в. силой оружия при короле **Олафе Толстом** (1017-1033 г.). Норвежцы возмутились было его крутыми мерами, но это было в последний раз. Когда Олаф пал в битве с Кнудом Великим за независимость Норвегии, они переменили свои взгляды, — приняли христианство и торжественно провозгласили Олафа норвежским святым. Из Норвегии христианство распространилось на островах, принадлежавших ей, между прочим, и в **Исландии**.

Усилия защитить падающее язычество.

По мере утверждения в греко-римской империи христианства, нападения язычников слабеют. Не нападая прямо на христианство, они старались возбудить в народе, в особенности в молодом поколении, любовь к языческо-классическому миру и отстоять пред правительством языческие культы во имя их древнего значения. Таковы выступления известных риторов Фемистия (ум. около 390 г.), Аврелия Симмах (ум. около 400 г.), самого выдающегося из них **Ливания** (ум. 395 г.). "Против христиан" — сочинение в трех книгах — написал Юлиан Отступник перед походом против персов. К 4 столетию относится и сочинение Филопатрис, в котором высмеиваются христианские споры о Св. Троице и делаются выпады против монахов. В 485 г. умер в Афинах философ **Прокл**, последний поборник язычества в Греции; его преемники были уже полухристианами.

С другой стороны христианские писатели, как и в первые века, продолжали дело опровержения язычества и защиты христианства, хотя в настоящее время весь литературный интерес сосредотачивался на богословских вопросах. **Евсевий**, ученый и трудолюбивый епископ Кесарийский, продолжавший свою апологетическую деятельность и в этот период (ум. 340 г). написал два сочинения — "**Приготовление к Евангелию**," в 15 книгах и "**Доказательство Евангелия**" в 20 книгах. В первом из этих сочинений, имеющем по преимуществу апологетический характер с научными приемами подобно Клименту Александрийскому, Евсевий раскрывает несостоятельность всех языческих религиозных учений, которые, по всей справедливости отвергнуты христианством. Потом **св. Афанасий**, епископ Александрийский (ум. 373 г.), оставил два апологетических сочинения (вероятно, написанных в молодости, когда он был диаконом), отличающихся ясностью, глубиною и силою мысли, — "**Слово против эллинов**" и **"Вочеловечении Слова**." К апологетам 5 в. принадлежат — со стороны греков: **св. Кирилл,** епископ Александрийский (ум. 444 г.), написавший в 10 книгах сочинение "**Врачевство еллинских недугов или познание евангельской истины из эллинской философии**," в котором действительно представляет духовно-медицинские сведения к убеждению в истинности христианства с помощью сравнения христианского учения с учением философов. Из латинских апологетов 5 в. первое место принадлежит **Августину**, епископу Иппонскому в Африке (ум. 430 г.), который написал много апологетических сочинений и особенно замечательное "**О граде Божием**" в 22 книгах. В первых пяти книгах Августин опровергает упреки язычников христианам, будто бы христианство виновно в бедствиях империи, доказывая напротив, что весь склад Римской жизни, сложившийся под влиянием язычества и сохраняющий языческий характер даже после распространения христианства, естественно ведет к падению империи. В следующих пяти книгах он раскрывает безнравственность языческой мифологии и культов, несостоятельность философии и проч. В остальных 12 книгах развивает учение о царстве Божием в противоположность царству земному, человеческому. Испанский пресвитер **Павел Орозий**, друг и ученик Августина, по убеждениям последнего, написал "**Историю против язычников**" в семи книгах, в которой проводил мысль Августина, что христианство невиновно в бедствиях, посещающих Римскую империю. С подобною же целью галльский пресвитер **Сальвиан** (ум. 484 г.), написал 8 книг "**О правлении Божием**," в которых проводит ту мысль, что нападения варваров на империю есть необходимое следствие гнева Божия за нечестивую жизнь римлян."

Бедствия Церкви.

В начале 4 в. началось великое переселение народов. Азиатский народ, **гунны**, двинувшийся из-за Волги и Дона, начали теснить вестготов, которые с согласия императора Валента с 376 г. переселились в империю. Вскоре вестготы начали грабить Фракию и Македонию. Валент, пытавшийся остановить их, потерпел поражение. Все пространство до Константинополя было опустошено ими. На некоторое время вестготов усмирил император Феодосий. Но вскоре под предводительством Алариха они стали продвигаться на запад. В 410 г. Аларих разграбил Рим. Только в 415 году империя и церковь избавились от этих варваров. Вестготы перешли в Галлию, затем в Испанию, где и обосновались. На смену им появились **вандалы**. Они из Испании были призваны в северную Африку тамошним правителем, отошедшим от Рима. Они проявили там исключительную жестокость: истребляли до основания города и селения, преследовали духовенство, от которого требовали церковные сокровища. В Европе же в это время нагонял страх на всех новый властитель гуннов, **Аттилла**. Рим был спасен только просьбами св. Льва Великого и богатым откупом имп. Валентиана III. В 455 г. Рим был подвергнут опустошению вождем вандалов Гейзерихом. В 476 г. один из предводителей варваров, ругиец **Одоакр,** завладев Римом, объявил себя королем Италии. **Теодорих Великий** стал повелителем Рима. На империю совершали нападения германские племена — лангобарды, бургунды, франки и проч. Гибли пастыри Церкви, их паства, грабились и разрушались храмы.

Восточные церкви очень сильно страдали от **персов**, особенно в начале 7 века. Царь Хозрой II дошел в 616 г. до Халкидона. В 614 г. Персы заняли **Иерусалим**. Христиане подверглись ужаснейшим бедствиям не столько от персов, сколько от евреев. Последние выкупили у победителей 90000 пленных христиан только для того, чтобы замучить их. Древо креста Господня было увезено к царю в Персию; туда же отведен патриарх Захария с множеством народа и добычи. Когда враги ушли, Модест, игумен Феодосиева монастыря, принял на себя управление делами иерусалимской церкви, восстановил церкви и монастыри, хоронил валявшиеся повсюду трупы. (Еп. Арсений, Летопись церковных событий). Разрушению и ограблению подверглась лавра св. Саввы Освященного. В 626 г. опасность грозила Константинополю, осажденному с суши и моря союзниками персов, аварами. Конец жестокостям персов положил император Ираклий, разбив их в 628 г. Возвращены были захваченное ими древо Господне, отпущены престарелый патриарх Захария и другие пленники.

Но в это время из Аравии надвигались еще более опасные враги — **мусульмане**. Вместе с христианством в Аравию проникли различные ереси. Существовало там язычество и иудейство. Назревало образование новой религии.

Действительно, в начале 7 в. в Аравии появилась новая религиозная система, **ислам** или **магометанство**, носящая в себе элементы язычества, иудейства и христианства. Основателем новой религии был **Мухаммед** или **Магомед**, родившийся около 570 г. в аравийском городе Мекке. В ранней молодости он совершил много путешествий. На 40 г. жизни, отказавшись от торговли, он предался спокойной созерцательной жизни. Столкновения во время торговых путешествий с евреями, христианами и христианскими сектаторами не могли не пробудить в Магомете религиозных дум. Из всех религиозных учений Магомету представлялось самым чистым и возвышенным учение Авраама о Едином Боге, которое, по его мнению, извращено евреями, христианами и его единоверцами, и это-то учение он решился восстановить во всей его чистоте. Получив в 611 г. первое откровение, как он сам рассказывал, от архангела Гавриила, он объявил себя пророком и начал сначала тайно, а потом открыто проповедовать. Полагая в основу своей религии строгое единобожие, в противоположность языческому многобожию и христианскому учению о святой Троице, Магомет учил, что Бог открывался много

раз еврейскому народу через пророков; иудеи не слушали и преследовали их. Одного из пророков, самого высшего из всех бывших до него, Иисуса, возвещавшего божественные истины, иудеи убили, а христиане обоготворили. Наконец, Бог послал в мир последнего совершеннейшего пророка, его, Магомета, который несравненно выше Моисея и Иисуса, так как он удостоен был непосредственного созерцания Бога, быв вознесен до седьмого неба. Этот пророк должен сообщить и сообщает людям истинное религиозное учение. При конце мира явится Иисус, который поразит антихриста и распространит учение Магомета между всеми людьми. Вера в единого Бога и Его пророка, Магомета, рабская покорность провидению, исполнение внешних дел благочестия — чтение молитв, пост, частые омовения и прочее, — вот единственный путь к спасению, по учению Магомета. Каждого истинного мусульманина, устроившего свое спасение, ожидает блаженная жизнь за гробом, полная чувственных наслаждений. В Мекке Магомет нашел мало последователей: его даже стали преследовать, так что в 622 году он должен был бежать в Медину. Здесь он нашел сочувственный прием у тех из жителей, которые прежде в качестве пилигримов посещали Мекку и слушали его проповеди; сюда же пришли и некоторые из его последователей из Мекки. Теперь он получил возможность лучше устроить свои дела: он постоянно проповедовал, приобретал новых последователей, получал новые откровения, издавал заповеди, устраивал богослужения и проч. Своих последователей Магомет не стеснял требованиями высокой нравственной жизни. Льстя чувственности язычников, он позволял своим последователям многоженство. Хищничеству кочевников-аравийцев он придал религиозное значение, позволив грабить и убивать для славы Божией всех, не принимающих его учения. Отсюда общество его последователей на первых же порах приняло вид хищнической шайки, которая под его предводительством производила набеги на соседние с Мединой племена и особенно на колонии евреев, которые, несмотря на некоторые уступки в пользу их религии, никак не хотели принимать нового учения. В 630 г. Магомет был уже настолько силен, что завоевал Мекку, заставил жителей ее принять свое учение и признать себя духовным и светским главой. Храм **каабы** в Мекке, с которым у обитателей Аравии соединены были религиозные воспоминания, он сделал для своих последователей религиозным центром. Распространяя свое учение огнем и мечом, Магомет был страшен для всех народов. Еще до завоевания Мекки в 628 году он посылал посольство к византийскому императору Ираклию с требованием признания его пророком. Утвердившись в Мекке, он собирался было предпринять поход против империи, но дела в Аравии остановили его. Затем в 632 году он умер, передав духовную и политическую власть своему преемнику (халифу-наместнику), **Абу Бекру,** собравщему все откровения Магомета в одну книгу, которая составила известный **Коран**, заключающий в себе 114 глав. Абубекр и последующие халифы продолжали дело Магомета — распространение огнем и мечом его учения. Так, второй халиф **Омар** (с 634 г) окончательно покорил Палестину и Сирию, взяв в 638 г. Иерусалим, в 639 г. Антиохию; в 640 г. завоевал Египет, а в 651 г. нанес последний удар Персии. В 669 г. мусульмане перешли уже в Европу, пройдя всю Малую Азию, они стояли под Константинополем, завоевали многие греческие острова до самой Сицилии и т.д. В 707 г. они прошли всю северную Африку, уничтожив славную карфагенскую церковь, в 710 г. заняли Испанию и направились уже во внутренние страны Европы, в Галлию; но в 732 г. были остановлены франкским мажордомом, Карлом Мартеллом. В этом стремительном шествии фанатичных мусульман, истреблявших в христианских странах огнем и мечом все, встречавшееся на пути, христианские церкви страдали жестоко. Три славных патриархата — Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский были уничтожены; остались одни только названия. Везде грабили и сжигали храмы; христиан принуждали принимать учение Магомета, и если они отказывались, то лишались всех прав и становились рабами. Уже в конце 8 в. Византийская импе-

рия должна была платить дань арабам-мусульманам. В 9 и 10 вв. на всем Средиземном море, от Палестины до Испании включительно, господствовали только арабские пираты и производили страшные опустошения во всех христианских государствах. Правда, во второй половине 10 в. греческий полководец, а потом император, **Никифор Фока** (963- 969 гг.), разорив разбойничий притон арабов на острове Крите и отняв у них множество городов даже в Сирии и Палестине, ограничил на время мусульман, но в 11 в. они мало-помалу опять взяли перевес над греками, особенно, когда во главе мусульманского мира стало племя **турок-сельджуков**.

Эпоха Вселенских Соборов.

Общий взгляд на характер ересей 4-8 веков.

“**В**о 2 и 3 веках, по поводу различных ересей, Церковь раскрыла и точнее сформулировала некоторые пункты своего искони и неизменно содержимого учения. Но для людей, желавших понимать христианское вероучение по началам разума, оставалось в нем еще много неясностей. Открывалось, таким образом, широкое поле для исследований и рассуждений о богословских истинах. При этом, естественно, происходили колебания между истиной и ложью и даже уклонение от истины, — словом, в 4 и последующих веках, так же, как и в первые века, наряду с истинным пониманием христианского вероучения, появились религиозные заблуждения, ереси, содержанием которых служили нераскрытые и не уясненные еще путем науки и разума пункты вероучения. Прежде ереси появлялись и развивались, по большей части, в какой-нибудь одной местности и падали, после непродолжительной борьбы с ними Церкви. Теперь же, когда греко-римская империя сделалась государством христианским, они охватывают всю империю, разделяя ее на две половины — православную и неправославную. Имея на своей стороне значительное число приверженцев, еретики ведут упорную и продолжительную борьбу с православными. В этой борьбе принимает участие правительство, становясь нередко на сторону еретиков и доставляя им способы и средства для борьбы. Хотя религиозные споры оканчиваются торжеством православного учения, которое Церковь определяет на соборах в строгих и точных выражениях, но еретики, не покоряясь общецерковному суду, нередко отделяются от Церкви и образуют свои большие религиозные общества со своеобразным вероучением.”

Первый вселенский собор.

В Александрии образованный диалектик, священник **Арий**, ученик пресвитера Лукиана, начал в церковных собеседованиях и в частных разговорах проводить мысль, что сын Божий, не есть сын по существу, а только по благодати, есть творение, хотя высшее и существовавшее прежде других, но не одного существа с Богом. Говорил, что у Бога есть Слово и Премудрость, но не как особые лица, а как свойства или принадлежности, подобно разуму и воле в душе человеческой. В сущности, он отрицал Св. Троицу, и ересь его, по мнению епископа Арсения, высказанного в “Летописи Церковных Событий,” можно считать следствием ереси савеллианской и монархианской. Епископ Александрийский Александр, строго следуя учению св. Писания и преданию своих благочестивых предшественников, приказал Арию пре-

кратить распространение своего лжеучения. Лжеучитель, найдя единомышленников среди некоторых епископов, пресвитеров и дьяконов, начал собирать сборища, излагая на них свое еретическое учение. Тогда еп. Александр, с согласия своих сослужителей, около ста человек, отлучил в 323 г. Ария. Последний был вообще озлоблен против владыки Александра, так как тот был избран епископом вместо него.

Арий, считая себя осужденным несправедливо, обратился с жалобами на своего епископа к некоторым прежде знакомым ему епископам, прося заступничества. Особенно надеялся он найти защиту у еп. Евсевия Никомидийского, сотоварища по Лукиановой школе, близкого ко двору императора. Тот действительно его поддержал, как и некоторые другие епископы.
Епископ Александр счел тогда нужным ознакомить всех епископов с положением дел в своей епархии. Еще подробнее разоблачил он ересь Ария в послании на имя Александра, епископа Византии. На волнения в Церкви обратил тогда внимание император Константин Великий. Он пытался помирить епископа Александра с Арием, отправив им послание. С ним он послал в Александрию опытного пастыря, еп. Кордубского. “Но Осия, — пишет владыка Иоанн, епископ Аксайский, викарий донской епархии, — родом испанец, и не мог быть знаком с тонкостями греческого языка и с обстоятельствами церкви Александрийской, чтобы можно было возлагать на эту миссию большие и несомненные надежды. Что предпринимал в Александрии маститый старец кордубский к примирению враждовавших, неизвестно; известно только, что путешествие Осии оказалось безуспешным, и императору Константину нужно было подумать о мерах других” (“История Вселенских Соборов,” 1906 г.). В позднейшем послании к Арию Константин пытался вразумить заблуждавшихся.

Еп. Арсений высказывает мнение, что именно еп. Осия первый подал имп. Константину мысль о созвании в 325 году Вселенского Собора для устроения церковных дел. Далее он повествует: “В начале сего года император особым повелением пригласил епископов поспешить в Никею, на собор. Все издержки их путешествия и пребывания в Никее принимал на себя. Из одних восточных областей прибыло до трехсот епископов; еп. Римский, Сильвестр, по старости, прислал вместо себя двух пресвитеров; Цецилиан Карфагенский был представителем африканских церквей; Осия Кордубский — испанских, а епископ из Галлии был представителем и церкви Британской. Из новообращенной Армении присутствовал епископ Аристав, сын святого Григория Просветителя, и даже из Персии, по требованию Антиохийского Патриарха Евстафия, имевшего ту страну в своем главном ведении, присутствовал Иоанн, перс, епископ всей Персии и Великой Индии” (“Летопись Церковных событий”).

По данным св. Афанасия Великого, тогда диакона Александрийской церкви и других, Церковь считает, что участников Собора было 318. Председательствовал Антиохийский патриарх Евстафий, Заседания, происходившие в одной из палат царского дворца, продолжались с 19 июня по 25 августа.

“Арий упорно защищал свое лжеучение, — пишет еп. Арсений, — поддерживаемый некоторыми епископами (особенно Евсевием Никомидийским, Феогностом Никийским и Марисом Халкидонском). Но диакон епископа Александрийского, св. Афанасий и другие ревнители православия (св. Николай Мирликийский, св. Спиридон Тримифунтский) поразили противников истины в устных беседах, и, наконец, общим голосом положено было отлучить от Церкви нераскаявшихся еретиков и письменно изложить в **Символе Веры** православное учение. Из бывших в то время символов, употреблявшихся в разных церквях, составлен применительно к потребностям церкви один, известный под именем Никейского; в нем с особенной выразительностью изложено учение **о единосущии Сына с Богом Отцом.”**

“Сам Арий, — пишет еп. Иоанн Аксайский, — остался в своих мнениях непреклонным; но так как оставлять его без применения к нему каких либо мер взыскания значило бы откры-

вать новое поле к возмущениям и волнениям, то его присудили к низложению и заточению в Иллирию; сочинения его повелено было предать огню, и всем, кто обличен будет в утайке и тайном хранении, тем угрожала смертная казнь. Сторонникам Ария, которые решились бы и после рассуждений защищать учение своего ересиарха, тоже угрожала, по определению императора, ссылка в заточение." Это заставило Евсевия Никомидийского и других подписать исповедание веры, составленное на соборе. Но они не согласились подписать осуждение Ария, говоря, что Арий не заслуживает строгого взыскания. Два епископа не подписали определение веры и осуждение Ария. Император Конствантин Евсевия и остальных лишил кафедр и отправил в ссылку в Галлию.

Император и отцы собора разослали повсюду уведомления о том, что происходило на Никейском соборе. Император Константин от своего лица писал к церкви Александрийской против Ария и к никомидийцам против епископов Евсевия и Феогния. Еп. Иоанн Аксайский приводит следующие строки из его послания к церкви Александрийской: "Признанное единогласно тремястами святых епископов есть не что иное, как мысль самого Сына Божия, особенно, когда в умах столь великих и многих мужей присутствовал Дух Святый, Который открыл им божественную волю. Посему да исчезнет у вас всякое сомнение и колебание. С твердым духом вступайте все на путь истины, чтобы мне, когда я буду у вас вместе с вами, принести благодарение всевидящему Богу за то, что Он явил нам истинную веру и возвратил вожделенную любовь. Бог да сохранит вас, возлюбленные братия."

В послании к никомидийцам Константин призывает их быть твердыми в вере и подчиняться новым епископам неукоризненным, православным и человеколюбивым. "А кто осмелится, — заключает император, — вспоминать о тех губителях, или неосмотрительно хвалить их, тот в своей дерзости немедленно будет обуздан властию служителя Божия, то есть моею. Бог да сохранит вас, братия возлюбленные."

В собрании епископов, участников Собора, было объяснено постановление в отношении Ария. Кроме того, изъяснены распоряжения об отстранении епископа Фиваидского, Мелетия. Отлученный от Церкви за отречение от веры при Диоклетиане, он продолжал распоряжаться в Египте и распространял арианство.

Собор определил, что день св. Пасхи будет праздноваться всеми христианами одновременно, именно в первый воскресный день после полнолуния, бывшего в весеннее равноденствие, а не так, как восточные христиане праздновали дотоле, когда пасха христианская приходилась вместе с иудейскою.

Шестым правилом собора подтверждаются древние обычаи, по которым Александрийский епископ был верховным епископом для всего Египта, Ливии и Пентаполя, Римский для своего округа, Антиохийский для своего, и в иных областях митрополиты (епископы митрополий, главных городов). Епископу Иерусалимскому, доселе зависевшему от митрополита Кесарии, областного города провинции Палестины, собор, из уважения к священным воспоминаниям, позволил пользоваться честью и низависимостью митрополита ("Летопись церковных событий").

В декабре 326 года скончался епископ Александрийский Александр. Преемником его, по общему выбору, сделался двадцативосьмилетний дьякон, **св. Афанасий**. Он вынужден был уступить общему желанию, и впоследствии полностью оправдал надежды избравших его.

После Никейского собора сестра императора Константина, Констанция, вдова Ликиния, перед смертью поручила вниманию брата своего духовника, арианина. Тому удалось внушить императору, что Арий осужден неправильно, так как учит согласно Никейскому символу. Арий был вызван в Константинополь и ему разрешено было явиться в Александрию, против чего решительно восстал св. Афанасий. Епископам Евсевию Никомидийскому и Евсевию

Кесарийскому, любимцу Константина, которые поддерживали Ария, были возвращены кафедры. Защитники православия в Никее первые подверглись нападению ариан. По их проискам еп. Евстафий Антиохийский, оклеветанный ими, был низложен на соборе в Антиохии (около 330 г.). Но православные остались верными Евстафию и создали церковное общество евстафиан.

Главное нападение велось против **св. Афанасия**. От него требовалось принятие Ария в общение, что им исполнено не было. Его старались оклеветать перед Константином, обвиняли в поддержке церковными деньгами возмущения в Александрии. Прибыв в 332 г. лично в Константинополь, святитель так успешно опроверг обвинения, что император в послании к Александрийской Церкви называл его мужем Божиим. Но ариане не унимались. Им удалось обвинить св. Афанасия в жестоком обращении с епископами-мелетианами, не признававшими его власти, и даже в убийстве еп. Арсения Гипсельского, руку которого он, якобы, употреблял для волхвования. Константин разрешил врагам святителя устроить над ним суд в Тире (335). Там были оба Евсевия и другие. Святитель легко опроверг все обвинения и представил живым еп. Арсения. Не дожидаясь конца собора, святитель отправился в Константинополь и донес императору о своем деле. Но враги продолжали клеветать на св. Афанасия, что тот будто угрожал приостановить подвоз хлеба из Александрии в Константинополь, если преследование его царским двором будет продолжаться. Император удалил на время святителя в Галлию в г. Тревир (Трир). Галлией правил его старший сын Константин, который старался облегчить скорбь святителя. Император не утвердил постановлений Трирского собора о поставлении другого епископа в Александрию.

Когда Арий появился в Александрии, то произошло народное возмущение. В 336 г. имп. Константин вызвал его в Константинополь. Арий на вопрос императора: признает ли он определения Никейского собора, ответил утвердительно. Обманутый им Константин велел Константинопольскому императору Александру принять Ария в церковь. Последний молил Господа не допустить этого. Суд Божий постиг еретика на пути в храм. Арий умер внезапно, войдя в общественную уборную.

Преемниками Константина Великого, скончавшегося в 337 г., были его сыновья: **Константин II** (до 340), **Констанс** (до 350 г.), управлявший западом и **Констанций** (до 361 г.), управлявший востоком. Константин II, еще при жизни отца познакомившийся в Галлии с Афанасием, немедленно, по воцарении, вернул его в Александрию, где он был принят с восторгом.

Восточный император **Констанций** подпал под влияние ариан. В Константинополе епископом стал с 338 г. Евсевий Никомидийский. Начались нападки на Афанасия. В защиту его собор в Александрии разослал от имени египетских епископов послания ко всем церквам и, в том числе, Римской, где епископом был **Юлий**, сторонник православного учения. Но арианские епископы, опираясь на Констанция, собрали свой собор в **Антиохии**, где епископом был видный арианин Акакий, преемник скончавшегося около 340 г. Евсевия Кесарийского. Собор этот (341) осудил Афанасия за то, что он, будучи низложенным в Трире, занял вновь кафедру по распоряжению гражданской власти. Констанций постановление собора утвердил. С помощью солдат епископом Александрии был поставлен арианин Григорий. Святой Афанасий бежал в Рим к папе Юлию. В 342 г. тот созвал собор в **Риме**, который признал св. Афанасия православным и законным епископом Александрии. В 341 или 342 г. умер епископ Евсевий и на Константинопольскую кафедру был возведен арианин **Македоний**, причем император прибег к вооруженной силе.

В церковные дела вмешался третий сын Константина, **Констанс**, правивший западной частью империи. Он убедил Констанция созвать собор из восточных и западных епископов,

который и состоялся в 347 г. в г. **Сардике** (ныне Софии) во владениях Констанса. На соборе подтвержден был Никейский символ веры и восстановлен Афанасий в сане еп. Александрийского. Но арианские епископы, видя, что православные возьмут перевес, покинули Сардику еще раньше вынесения постановлений, и составили свой собор в **Филиппополе**, осудив Афанасия и папу. Констансу удалось убедить брата, опасавшегося войны с ним, допустить Афанасия занять кафедру (349 г.). Святитель, прибыв в Александрию, изгнал ариан.

После смерти Констанса в 350 г., Констанций стал единовластным императором. Он пожелал доставить торжество арианам и созвал на западе два собора: в 353 в **Арелате** и в 355 г. **в Медиолане** (Милане), требуя осуждения Афанасия. На Медиоланском соборе западные епископы, составлявшие большинство, требовали подтверждения Никейского символа и не соглашались на осуждение Афанасия. Император Констанций лично оказал давление на православных епископов. Часть из них подписала осуждение, часть была сослана, в числе их преемник Юлия, **Ливерий**, еп. Римский и столетний старец, еп. **Осия** Кордубский. Вместо них были поставлены ариане.

В 356 г. Констанций отдал приказ низложить силой Афанасия. Воины окружили храм, в котором святитель совершал всенощную, но его не взяли. Он после службы незаметно вышел из храма и удалился в египетские пустыни.

Ариане внешне победили, но вскоре у них самих начались разногласия. Еще на Никейском соборе часть их, во главе с Евсевием Кесарийским, не допуская православного учения об единосущии Сына Божия с Отцом, учили, что Он **подобосущен** Ему. Другие — более упорные ариане — учили, Сын **не единосущен и не подобосущен**. Во главе полуариан-подобосущников **(омиусиан)** стояли Василий, еп. Анкирский, Георгий, еп. Лаодикийский. К ним принадлежал и Констанций. Для примирения партий, Констанций созвал в 357 г. собор в **Сирмии**, на котором принято было среднее, но столь же еретическое определение. Сирмийский символ император заставил подписать и сосланных на восток западных епископов Ливерия и Осию. Первый подписал и осуждение Афанасия, Осия только символ. Оба получили кафедры. Осия скоро отказался от подписи и проклял ересь. Разговор между еретиками все же продолжался до смерти Констанция (361).

Преемник Констанция, **Юлиан Отступник,** по личным расчетам и из ненависти ко всему связанному со своим дядей, дал свободу вероисповедания всем христианам. Афанасий вернулся в Александрию и в 362 г. на Александрийском соборе торжественно утвердил православное учение, постановив, чтобы возвращающиеся в православие ариане принимались в тех иерархических степенях, которые имели до обращения. Эти постановление, полное христианской любви, способствовало прекращению смуты. Вернулись многие полуариане. Юлиан, заметив благотворную деятельность Афанасия в церквах Александрийской и Антиохийской, в которых происходила смута из-за двух Антиохийских епископов, решился сослать его. Святитель снова должен был бежать в пустыню. При преемнике Юлиана, **Иовиане**, Афанасий снова занял кафедру. При **Валенте** (364-780), брате и восточном соправителе Валентиниана I, опять начались преследования православных. Валент попал под влияние упорных ариан и преследовал православных и полуариан. Вследствие этого последние все более сближались с православными. Был издан указ о ссылке Афанасия (367). Святитель снова бежал. Но в Александрии из-за этого начались волнения, и Валент вынужден был возвратить Афанасия. Это было последнее его изгнание. До самой смерти он спокойно управлял Церковью. Самые враги его чувствовали уважение к великому старцу. Он был 47 лет епископом и 20 лет провел в изгнании. Преставился св. Афанасий в 373 г.

В помощь Афанасию, достигшему глубокой старости, на защиту православия выступил св. **Василий Великий** (329-379), еп. Кесарии Каппадокийской. Получив в 370 году епископ-

скую кафедру, он с необыкновенной ревностью принялся за восстановление православия на востоке. Его усердными помощниками были Амфилохий Иконийский, брат его, Григорий Нисский, Григорий Богослов и др. Надо сказать, что большинство епископов на востоке были ариане или полуариане. Св. Василий установил связь со св. Афанасием и с западными епископами, которые считали всех восточных епископов арианами. Валенту такая его деятельность не нравилась. Он пытался сначала воздействовать на него через весьма решительного и настойчивого префекта Модеста. Но ни уговоры, ни угрозы последнего никакого впечатления на св. Василия не произвели. Столь же неудачны были попытки самого Валента, приезжавшего в Кесарию. Он только проникся уважением к святителю. Опасаясь народного возмущения, он отказался от намерения тайно сослать Василия. В Риме св. Василий не нашел поддержки. Дела же ухудшились в Александрии, где преемником св. Афанасия стал арианин. На западе св. Василия поддержал **св. Амвросий, еп. Медиоланский.** Он донес императору Валентиану о преследовании православных Валентом. Тот приказал брату оставить православных в покое. В Александрии был изгнан арианский епископ и возведен православный Петр. В 378 г. Валент погиб в войне с готами и этим кончилось дело арианства. Зап. Император Грациан освободил из заточения всех православных епископов, сосланных Валентом, а его восточный соправитель **Феодосий I** (с 379) окончательно утвердил торжество православия. Св. Василий не дожил до этого, скончавшись незадолго до этого в том же 379 г. На западе арианство не имело успеха. Рассуждение об отвлеченных предметах не было тогда в духе западных христиан. Большим защитником православия продолжал оставаться **св. Амвросий Медиоланский**. В Испании ариане встречались до 589 г., у лангобардов до 662 года. Арианами были так называемые **социане** в Польше в 17 в.

Во время арианских смут, в тесной связи с арианством, возникли еще некоторые ереси. Почти повторял ересь Ария **Аполлинарий Младший**, ученый епископ Лаодикийский (362 г). и **Македоний**, епископ Константинопольский (около 342 г.). Слишком отвлеченное учение Аполлинария не привлекало большого числа последователей. Опровергали его, главным образом, святители Афанасий Великий и Григорий Богослов. Македоний был сначала арианином, потом полуарианином. По главным пунктам своей ереси последователей его называют также **духоборцами**. Православное учение о Св. Духе против них защищали святители Василий Великий, Григорий Нисский и Григорий Богослов.

Второй Вселенский Собор.

Второй Вселенский Собор, Константинопольский I-й, состоялся при императоре Феодосии I-м Великом, в 381 г., сначала под председательством Мелетия Антиохийского, потом знаменитого Назианзина, известного в Церкви под именем Богослова, наконец Нектария, преемника Григория на Константинопольской кафедре. Этот собор собирался против Константинопольского епископа Македония и его последователей полуариан-духоборцев, считавших Сына только подобосущным Отцу, а Святого Духа первым творением и орудием Сына. Собор имел в виду также и аномеев, последователей Аеция и Евномия, учивших, что Сын не подобен Отцу, но иной с Ним сущности, последователей Фотина, возобновившего савеллианство, и Аполлинария (Лаодикийского), учивших, что плоть Христова, принесенная с неба из лона Отца, не имела разумной души, которую заменило Божество Слова. Мелетий, соединявший ревность к Православию с духом христианской кротости, скончался вскоре после открытия Собора. Смерть его дала простор страстям, которые принудили Григория Назианзина отказаться не только участия в Соборе, но и от Константинопольской кафедры. Главным деятелем

Собора остался Григорий Нисский, муж, соединявший обширную ученость и высокий ум с примерной святостью жизни. Собор утвердил нерушимо Символ Никейский; кроме этого, он присовокупил к нему последние пять членов; где понятие единосущия распространено в той же силе безусловного смысла и на Духа Святого, вопреки ереси духоборцев, воздвигнутой Македонием, епископом Константинополя, при императоре Констанции, низверженным еще в то же время, но нашедшим себе опору в поместном Лампсакском соборе. Вместе с тем была осуждена и ересь Аполлинария, епископа сирийской Лаодикии. В отношении церковной иерархии замечательно сравнение Константинопольского епископа с прочими экзархами, не только в почетном имени, но и в правах первосвященничества; при этом к области его причислены митрополии Понта, Малой Азии и Фракии. В заключение Собор установил форму соборного суда и принятия еретиков в церковное общение после раскаяния, одних через крещение, других через миропомазание, смотря по важности заблуждения" (Булгаков. Настольная книга священнослужителей. Киев, 1913 г.).

Третий Вселенский Собор.

К концу 4-го века, после борьбы с разного рода еретиками, Церковь полностью раскрыла учение о Лице Господа Иисуса Христа, подтвердив, что Он есть Бог и вместе человек. Но люди науки не удовлетворялись положительным учением Церкви; в учении о богочеловечестве Иисуса Христа они находили пункт, не уясненный для разума. Это вопрос об образе соединения в Лице Иисуса Христа Божественной и человеческой природы и взаимном отношении той и другой. Вопрос этот в конце 4 и начале 5 в. занимал антиохийских богословов, которые и приняли на себя задачу разъяснить его научно, путем разума. Но так как они придавали соображением разума большее значение, чем следовало, то, при выяснении этого вопроса, так же как и в прежних разъяснениях, не обошлись без ересей, волновавших Церковь в 5, 6 и даже 7 веках.

Ересь Нестория была первой из ересей, развивавшихся в Церкви при научном разъяснении вопроса об образе соединения в Лице Иисуса Христа Божественной и человеческой природы и их взаимном отношении. Она, подобно ереси Ария, вышла из антиохийского училища, не допускавшего таинственности в понимании догматов веры. Богословам антиохийского училища казалось непонятным и даже невозможным учение о соединении двух природ Божественной и человеческой, ограниченной и неограниченной, в одно Лицо Бога-человека Иисуса Христа. Желая дать этому учению разумное и понятное объяснение, они пришли к еретическим мыслям. Диодор, епископ Тарсийский (ум. 394 г.), прежде антиохийский пресвитер и учитель училища, первый развил такого рода мысли. Он написал в опровержение Аполлинария сочинение, в котором доказывал, что в Иисусе Христе человеческая природа как до соединения, так и после соединения с Божественной была полная и самостоятельная. Но, определяя образ соединения двух полных природ, он затруднялся (вследствие воззрений Антиохийской школы на догматы) сказать, что человеческая и Божественная природа составили единое Лицо Иисуса, и потому разграничил их между собой то того, что между ними не было полного и существенного объединения. Он учил, что совершенный прежде веков Сын воспринял совершенное от Давида, что Бог Слово обитал в рожденном от семени Давидова, как в храме, и что от Девы Марии родился человек, а не Бог Слово, ибо смертное рождает смертное по естеству. Отсюда, по Диодору, Иисус Христос был простой человек, в котором обитало Божество, или который носил в себе Божество.

Ученик Диодора, Феодор, епископ Мопсуетский (ум. 429 г.), развил эту мысль еще полнее. Он резко отличал в Иисусе Христе человеческую личность от Божественной. Существенное соединение Бога-Слова с человеком Иисусом в одно лицо, по его понятию, было бы ограничением Божества, потому оно и невозможно. Между ними возможно только внешнее единение, соприкосновение одного с другим. Это соприкосновение Феодор раскрывал таким образом: человек Иисус родился от Марии, как и все люди естественно, со всеми человеческими страстями и недостатками. Бог-Слово, предвидя, что Он выдержит борьбу со всеми страстями и над ними восторжествует, захотел через Него спасти человеческий род, и для этого, еще с момента зачатия Его, соединился с Ним Своей благодатью. Благодать Бога-Слова, почившая на человеке Иисусе, освящала и укрепляла Его силы и по Его рождении, так что Он, вступив в жизнь, начал борьбу со страстями тела и души, уничтожил грех во плоти и истребил его похоти. За такую добродетельную жизнь человек-Иисус удостоен быть усыновлен от Бога: именно со времени крещения Он признан был Сыном Божиим. Когда затем Иисус победил все дьявольские искушения в пустыне и достиг жизни совершеннейшей, Бог-Слово излил на Него дары Св. Духа в несравненно высшей степени, чем на пророков, апостолов и святых, например, он сообщил Ему высшее ведение. Наконец, во время страданий человек-Иисус выдержал последнюю борьбу с человеческими немощами и был удостоен за это божественного ведения и божественной святости. Теперь, Бог-Слово соединился с человеком-Иисусом теснейшим образом; между ними установилось единство действий, и человек-Иисус сделался орудием Бога-Слова в деле спасения людей.

Таким образом у Феодора Мопсуетского Бог-Слово и человек-Иисус совершенно отдельные и самостоятельные личности. Поэтому, он никак не допускал употребления выражений, относящихся к человеку-Иисусу, в приложении к Богу-Слову. Например, по его мнению, нельзя говорить: Бог родился, Богородица, потому что не Бог родился от Марии, а человек, или: Бог страдал, Бог распят, потому что опять страдал человек-Иисус. Это учение полностью еретическое. Последние его выводы — это отрицание таинства воплощения Бога-Слова, искупления рода человеческого страданиями и смертью Господа Иисуса Христа, так как страдания и смерть обыкновенного человека не могут иметь спасительного значения для всего рода человеческого, и, в конце концов, отрицание всего христианства.

Пока учение Диодора и Феодора распространялось только как частное мнение в кружке людей, занимавшихся богословскими вопросами, оно не встречало опровержений и осуждений со стороны Церкви. Но когда архиепископ Константинопольский **Несторий** затеял сделать его **общецерковным** учением, Церковь выступила против него как ереси и торжественно осудила. Несторий был учеником Феодора Мопсуетского и воспитанником Антиохийского училища. Он возглавил борьбу с Церковью и дал свое имя этому еретическому учению. Еще будучи в Антиохии иеромонахом, он славился красноречием и строгостью жизни. В 428 году император Феодосий II младший сделал его Константинопольским архиепископом. Несторий привез из Антиохии пресвитера Анастасия, который сказал в церкви несколько проповедей в духе учения Ф. Мопсуетского, что Деву Марию следует называть не Богородицей, а человекородицей. Подобное учение было новостью, так как в Константинопольской, Александрийской и других церквах сохранялось древнее православное учение о соединении в Лице Господа Иисуса Христа двух естеств. На это соединение смотрели, как на существенное соединение в одно **Богочеловеческое Лицо,** и не допускалось в Нем, как едином лице, разделения Божества от человечества. Отсюда в общественном наименовании Пресвятой Девы Марии было **Богородица**. Эти проповеди Анастасия взволновали весь клир, монахов и народ. Несторий для прекращения волнений стал сам проповедовать и отвергать название Богородица, по его мнению, непримиримое с разумом и христианством, но и не допускал названия

человекородица, а назвал Пресвятую Деву Христородицей. После этого объяснения волнения в Константинополе не утихали. Нестория стали обвинять в ереси Павла Самосатского, так как было понятно, что речь идет не только о названии Девы Марии Богородицей, а о Лице Иисуса Христа. Несторий стал преследовать своих противников и даже осудил их на Константинопольском соборе (429 г.), но тем только увеличил число своих врагов, которых и без того было много по случаю предпринятого им исправления нравов клира. Скоро слух об этих спорах проник и в другие церкви и здесь начались рассуждения.

В Антиохии и Сирии очень многие приняли сторону Нестория, по преимуществу лица, вышедшие из Антиохийского училища. Но в Александрии и Риме учение Нестория встретило сильное противодействие. Александрийским епископом в то время был св. Кирилл (с 412 г.), человек богословски образованный и ревностный защитник православия. Прежде всего, в пасхальном послании он изложил, как вредно для христианства учение Нестория. Это на Нестория не подействовало, и он продолжал в письмах к Кириллу отстаивать правильность своего учения. Тогда Кирилл особым посланием известил императора Феодосия II, его супругу Евдоксию и сестру Пульхерию об учении Нестория. Затем он сообщил об этой ереси папе Целестину. Несторий тоже писал в Рим. Папа Целестин созвал в Риме собор (430), осудил на нем учение Нестория и потребовал от него, под угрозой отлучения и низложения, отказаться от своих мыслей в течение 10 дней. Заключение собора было отправлено Несторию и восточным епископам через Кирилла, которому папа передал свой голос. Кирилл уведомил Нестория и епископов о постановлениях Римского собора, и особенно убеждал Иоанна, архиепископа Антиохийского, отстаивать православие. В случае принятия ими стороны Нестория, они дадут повод к разрыву с церквами Александрийской и Римской, которые уже высказались против Нестория. Иоанн, сочувствовавший образу мыслей Нестория, ввиду предупреждения Кирилла, написал Несторию дружеское письмо, в котором убеждал его употреблять выражения о Пресвятой Деве Марии, принятые древними отцами.

Между тем, Кирилл на соборе в Александрии (430 г). осудил учение Нестория и издал против него 12 анафематизмов, в которых доказывал нераздельное соединение в Лице Господа Иисуса Христа двух естеств. Эти анафематизмы Кирилл препроводил Несторию со своим посланием. Несторий, со своей стороны, ответил 12 анафематизмами, в которых осуждал тех, кто приписывают страдания Божеству и проч. Они были направлены против Кирилла, хотя к последнему они не приложимы. Сирийские епископы, получив анафематизмы Кирилла, тоже восстали против них. У них была точка зрения идей Феодора Мопсуетского. Блаженный Феодорит, ученый епископ Кирский, написал на них опровержение. Для прекращения такого раздора между предстоятелями знаменитых церквей и утверждения православного учения, имп. Феодосий II решился созвать вселенский собор. Несторий, чью сторону в то время занимал Феодосий, сам просил созыва вселенского собора, находясь в убеждении, что его учение, как правильное, восторжествует.

Феодосий назначил собор в Ефесе в самый день Пятидесятницы 431 г. Это был Третий Вселенский Собор. В Ефес прибыли Кирилл с 40 египетскими епископами, Ювеналий Иерусалимский с палестинскими епископами, Фирм, еп. Кесарии Каппадокийской, Флавиан Фессалоникийский. Прибыл и Несторий с 10 епископами и два высших чиновника, друзья Нестория. Первый Кандидиан, как представитель императора, второй Ириней — просто как расположенный к Несторию. Не было только Иоанна Антиохийского и папских легатов. По прошествии 16 дней срока, назначенного императором для открытия собора, Кирилл решился открыть собор, не дожидаясь отсутствующих. Чиновник Кандидиан протестовал против этого и послал донос в Константинополь. Первое заседание было 22 июня в церкви Богородицы. Нестория приглашали на собор три раза. Но в первый раз он дал ответ неопределенный, вто-

рой раз отвечал, что придет, когда все епископы съедутся, а в третий — даже не выслушал приглашения. Тогда собор решил рассмотреть дело Нестория без него. Были прочитаны Символ Веры Никео-Цареградский, послания к Несторию, анафематизмы Кирилла и послания Нестория к Кириллу, его беседы и прочее.

Отцы нашли, что послания Кирилла заключают в себе православное учение и, напротив, послания и беседы Нестория — неправославное. Потом отцы проверили, как Несторий учит в настоящее время, не отказался ли он уже от своих мыслей. По свидетельству епископов, беседовавших в Ефесе с Несторием, оказалось, что он придерживается прежних мыслей. Наконец, были прочитаны изречения отцов Церкви, писавших о Лице Господа Иисуса Христа. Здесь тоже Несторий противоречит им. Приняв все это во внимание, отцы Ефесского собора признали учение Нестория еретическим и определили лишить его сана и отлучить от церковного общения. Под приговором подписалось 200 епископов и первое заседание кончилось.

В тот же день собор в Ефесе объявил о низложении Нестория и послал уведомление об этом клиру в Константинополе. Кирилл еще от себя написал письма епископам и настоятелю константинопольского монастыря авве Далматию. Вскоре были отправлены и акты собора императору. Несторию был объявлен приговор на другой день после заседания. Он, конечно, его не принял и в донесении императору жаловался на неправильные, будто бы, действия собора, обвинял особенно Кирилла и Мемнона и просил императора или перевести собор в другое место, или дать ему возможность благополучно возвратиться в Константинополь, потому что, жаловался он со своими епископами, — его жизни угрожает опасность.

Между тем в Ефес прибыл Иоанн Антиохийский с 33 сирскими епископами. Отцы собора его уведомили, чтобы он не входил в общение с осужденным Несторием. Но Иоанн был не доволен решением дела не в пользу Нестория, и потому, не входя в общение с Кириллом и его собором, составил свой собор с Несторием и приехавшими епископами. К Иоанну примкнуло несколько епископов, бывших на соборе св. Кирилла. На собор Иоанна также прибыл императорский уполномоченный. Собор Иоанна признал осуждение Нестория незаконным и начал суд над Кириллом, Мемноном и другими епископами, осудившими Нестория. Кириллу было несправедливо поставлено в вину, между прочим, что учение, изложенное в его анафематизмах, сходно с нечестием Ария, Аполлинария и Евномия. И вот, собор Иоанна осудил и низложил Кирилла и Мемнона, отлучил от церковного общения, впредь до раскаяния, прочих епископов, осудивших Нестория, донес обо всем в Константинополь императору, клиру и народу, прося императора утвердить низложение Кирилла и Мемнона. Феодосий, который получил, кроме донесений Кирилла, Нестория и Иоанна, еще донесение Кандидиана, не знал, как поступить в этом случае. Наконец, он распорядился, чтобы все постановления соборов Кирилла и Иоанна были уничтожены и чтобы все епископы, прибывшие в Ефес, собрались вместе и покончили споры мирным образом. Кирилл не мог согласиться с таким предложением, так как на его соборе было вынесено правильное решение, а Иоанн Антиохийский представлял действия своего собора правильными, о чем оба доносили в Константинополь.

Пока велась эта переписка, собор, под председательством Кирилла, продолжал свои заседания, которых было семь. На втором заседании было прочитано послание папы Целестина, привезенное только теперь прибывшими легатами, и признано было вполне православным; в третьем — Римские легаты подписали осуждение Нестория; в четвертом — Кирилл и Мемнон, неправильно осужденные Иоанном (который не явился на приглашение явиться на заседание) были оправданы; в пятом — Кирилл и Мемнон, для опровержения обвинений, возведенных на них Иоанном, осудили ереси Ария, Аполлинария и Евномия, а собор отлучил от церковного общения самого Иоанна и сирийских епископов; в шестом — запрещено на будущее время изменять что-либо в Никео-Цареградском Символе или вместо него состав-

лять другие, наконец, в седьмом — собор занялся решением частных вопросов по разграничению епархий. Все соборные акты были посланы императору для утверждения.

Теперь Феодосий находился в еще большем затруднении, чем прежде, потому что неприязнь между собором и сторонниками Иоанна увеличилась в значительной степени. А вельможа Ириней, прибывший в столицу из Ефеса, сильно действовал при дворе в пользу Нестория. Епископ Берийский Акакий подал императору совет, удалив от соборных рассуждений Кирилла, Мемнона и Нестория, поручить всем остальным епископам пересмотреть вновь дело Нестория. Император так и поступил. Он послал в Ефес чиновника, который взял под стражу Кирилла, Мемнона и Нестория, и начал принуждать к согласию прочих епископов. Но соглашения не последовало. Между тем, св. Кирилл нашел случай из-под стражи написать клиру и народу константинопольскому, а также авве Далматию о происходящем в Ефесе. Авва Далматий собрал иноков константинопольских монастырей и вместе с ними при многочисленном стечении народа, с пением псалмов, с горящими светильниками, отправился ко дворцу императора. Войдя во дворец, Далматий просил императора, чтобы православные отцы были освобождены из заключения и чтобы было утверждено определение собора относительно Нестория.

Появление знаменитого Аввы, 48 лет не выходившего из своего монастыря, произвело сильное впечатление на императора. Он обещал утвердить решение собора. Затем в церкви, куда отправился авва Далматий с иноками, народ открыто провозгласил анафему Несторию. Таким образом колебания императора кончились. Оставалось только привести сирских епископов в согласие с собором. Для этого император приказал спорящим сторонам выбрать по 8 депутатов и прислать их в Халкидон для взаимных рассуждений в присутствии императора. В эту депутацию со стороны православных вошли два Римских легата и иерусалимский епископ Ювеналий. Со стороны защитников Нестория — Иоанн Антиохийский и Феодорит Кирский. Но и в Халкидоне не было достигнуто соглашение, несмотря на заботы Феодосия. Православные требовали, чтобы сирские епископы подписали осуждение Нестория, а сирские не соглашались и не хотели принимать, как они выражались, догматов Кирилла (анафематизмов). Так дело и осталось нерешенным. Впрочем, Феодосий теперь перешел решительно на сторону православных епископов. По окончании халкидонского совещания он издал указ, в котором приказал всем епископам возвратиться на свои кафедры, в том числе и Кириллу, а Нестория еще прежде удалил в Антиохийский монастырь, из которого он прежде был взят на константинопольскую кафедру. Преемником Нестория православные епископы поставили Максимилиана, известного своей благочестивой жизнью.

Восточные епископы, во главе с Иоанном Антиохийским, отправляясь из Халкидона и Ефеса на свои кафедры, по дороге составили два собора, один в Тарсе, на котором снова осудила Кирилли и Мемнона, и другой в Антиохии, на котором составили свое исповедание веры. В этом исповедании было сказано, что Господь Иисус Христос — совершенный Бог и совершенный человек и что на основании неслитного в Нем единства Божества и человечества, Пресвятая Дева Мария может быть названа Богородицей. Таким образом, восточные отцы отступили от своих несторианских воззрений, но от лица Нестория не отказались, почему разделение между ними и Кириллом продолжалось. Император Феодосий не терял все-таки надежды примирить церкви и поручил исполнить это своему чиновнику Аристолаю. Но только Павлу, епископу Эмесскому, удалось примирить отцов сирских с александрийскими. Он убедил Иоанна Антиохийского и других сирских епископов согласиться на осуждение Нестория, а Кирилла Александрийского — подписать Антиохийское исповедание веры. Кирилл, видя, что это исповедание православное, подписал его, но не отказался и от своих анафематизмов. Таким образом мир был восстановлен. С Антиохийским исповеданием веры, как

с православным, была согласна вся Вселенская Церковь и оно получило значение точного исповедания веры древне-православного учения об образе соединения в Господе Иисусе Христе двух естеств и их взаимном отношении. Император утвердил это исповедание и принял окончательное решение относительно Нестория. Он был сослан (435 г). в один оазис в египетских пустынях, где и умер (440 г.).

Вместе с заблуждениями Нестория на Третьем Вселенском Соборе была осуждена и появившаяся на западе ересь **пелагианская**. Пелагий, родом из Британии, не принимая иночества, вел строгую аскетическую жизнь, и, впав в духовную гордость, начал отрицать первородный грех, умаляя значение благодати Божией в деле спасения и приписывая все заслуги добродетельной жизни и собственным силам человека. В дальнейшем своем развитии пелагианство вело к отрицанию нужды в искуплении и самого искупления. Для распространения этого лжеучения Пелагий прибыл в Рим, а затем в Карфаген, но здесь встретил сильного противника в лице знаменитого учителя западной церкви, блаженного Августина. Испытав собственным тяжким опытом немощь воли в борьбе со страстями, Августин со всей силой опровергал ложное учение гордого британца и раскрыл в своих творениях, какое великое значение имеет божественная благодать для делания добра и достижения блаженства. Осуждение ереси Пелагия было произнесено еще в 418 году на поместном соборе в Карфагене, и только было подтверждено Третьем Вселенским Собором.

На соборе было изложено всех канонов 8. Из них, кроме осуждения Несторианской ереси, важно — полное запрещение не только составлять новый, но даже дополнять или сокращать, хотя бы одним словом, Символ, изложенный на двух первых Вселенских Соборах.

История несторианства после собора.

Приверженцы Нестория восстали на Иоанна Антиохийского за измену и образовали сильную партию в **Сирии**. В их числе был даже блаженный Феодорит Кирский. Он осуждал заблуждения Нестория, соглашался с православным учением, но и не хотел согласиться с осуждением Нестория. Иоанн Антиохийский был вынужден стремиться к уничтожению еретической партии. Его помощником был Равула, епископ Эдесский. Не достигнув ничего силой убеждения, Иоанну пришлось обратиться к помощи гражданских властей. Император удалил с кафедр нескольких несторианских епископов в церквах Сирийской и Месопотамской, но несторианство держалось.

Главной причиной этого был не сам лично Несторий (за которого не стояло большинство епископов), а распространение его еретических мыслей в сочинениях Диодора Тарсийского и Федора Мопсуетского. На них в Сирии смотрели, как на великих учителей Церкви. Православные епископы это понимали и потому начали действовать против этих учителей несторианства. Так, эдесский епископ Равула разрушил эдесскую школу, в которой проводились идеи антиохийской школы. Во главе этой школы стоял пресвитер Ива, подобно Феодориту, соглашавшийся на Антиохийское исповедание, но подозревавший самого Кирилла в неправославии. Ива с другими учителями эдесской школы был изгнан. Затем Равула на организованном им соборе осудил сочинения Диодора и Феодора, что произвело сильное волнение в восточных церквах. Сам св. Кирилл, желавший вместе с Проклом, еп. Константинопольским, торжественно осудить учителей несторианства, должен был только ограничиться в своем сочинении опровержением Феодора Мопсуетского. Но и это сочинение вызвало на востоке сильное недовольство, и против него появились возражения. Блаженный Феодорит тоже защищал Феодора Мопсуетского. Во время этой борьбы умер св. Кирилл (444 г.), и во время этой же

борьбы сирийские христиане со своими епископами еще более отдалились от Церкви. Равула Эдесский умер еще раньше Кирилла (436 г.). Под влиянием несторианской партии, преемником его был избран изгнанный Ива, который опять восстановил эдесскую школу. Ива, между прочим, написал письмо к одному персидскому епископу, Марию, о событиях в сирийской церкви и о споре между Кириллом и Несторием. Порицая Нестория, что он своим выражением о Пресвятой Деве Марии подал повод к обвинению в ереси, Ива особенно восстал против Кирилла, обвиняя его несправедливо в том, что он уничтожает в Иисусе Христе человеческое естество, и признает одно Божественное и тем возобновляет ересь Аполлинария. Это письмо имело важное значение в дальнейших спорах Церкви с еретиками. Ива еще перевел сочинения Феодора и Диодора на сирийский язык. Но гораздо более действовал в пользу несторианства епископ Низибии, Фома Варсума, до того учитель эдесского училища. Он пользовался благосклонностью персидского правительства, которому тогда принадлежала Низибия и которое, по политическим взглядам, одобряло отделение персидских христиан от христиан империи. В 489 году эдесская школа опять была разрушена. Учителя и ученики ушли в Персию и основали школу в Низибии, которая сделалась рассадником несторианства.

В 499 году епископ Селевкии, Бабей, несторианин, созвал в Селевкии собор, на котором было утверждено несторианство и формально заявлено об отделении персидской церкви от греко-римской империи. Несториане стали называться по своему богослужебному языку **халдейскими христианами**. У них был свой патриарх, называемый **католикосом**. Кроме догматических различий, несторианская персидская церковь допустила у себя различия и в церковном устройстве. Так, она разрешила брак не только священникам, но и епископам. Из Персии несторианство распространилось в Индии. Здесь они получили название **христиан-фомитов**, по имени ап. Фомы.

Четвертый Вселенский Собор.

Четвертый вселенский собор — Халкидонский связан непосредственно с историей третьего вселенского собора — Ефесского (пишет еп. Иоанн Аксайский). Мы знаем, что главным деятелем в просвещении и охранении православного учения на 3-м вселенском соборе был св. Кирилл, архиеп. Александрийский. Главным виновником всех беспокойств был Евтихий, архим. Константинопольский, который являлся почитателем св. Кирилла. Святитель Кирилл, уважая Евтихия, прислал ему экземпляр деяний вселенского Ефесского собора. Но как случается в других случаях, что воодушевление переходит в крайность, так и здесь ревность к богословским суждениям св. Кирилла перешла границы. Высокое богословие св. Кирилла было не понято и выродилось у Евтихия в лжеучение, построилась новая система монофизитства, в котором утверждалось, что во Иисусе Христе было не два естества, но одно. Когда на соборе дошло до объяснений с Евтихием, то он выразил свое учение так: “После воплощения Бога Слова, я поклоняюсь одному естеству, естеству Бога, воплотившегося и вочеловечившегося; исповедую, что Господь наш состоит из двух естеств прежде соединения, а после соединения исповедую одно естество” (История вселенских соборов).

Еретическое **монофизитское** учение разделял **Диоскор,** занявший после Кирилла Александрийскую кафедру. Диоскора поддерживал император Феодосий II, ценивший его как борца с несторианством. Евтихия почитала придворная партия во главе с императрицей Евдоксией. По совету этой партии, Евтихий перенес свое дело на суд церквей Римской и Александрийской, выставляя себя защитником православного учения, а Флавиана и Евсевия, еп. Дорилейского несторианами. Папа Лев Великий, осведомленный обо всем Флавианом, согла-

сился на осуждение Евтихия. Диоскор же, приняв сторону последнего, просил императора созвать вселенский собор для утверждения мнимо-православного учения Евтихия и осуждения несторианства, якобы возрожденного Флавианом. Феодосий II назначил в 449 году собор в Ефесе, под председательством Диоскора.

На соборе присутствовало 127 епископов лично и 8 имели уполномоченных. Папа прислал "догматическое послание," знаменитое по чистоте понимания истины и по ясности изложения (epistola dogmatica). Заседали трое его легатов. Начались соборные совещания по делу Евтихия. Диоскор не огласил послание папы, удовольствовался исповеданием веры Евтихия и заявлением, что о двух природах во Христе не говорилось на прежних вселенских соборах. Диоскор объявил Флавиана еретиком и лишенным сана, также, как Евсевия Дорилейского, Домна Антиохийского и Феодора Кирского. С ними, по боязни насилия, согласились 114 епископов. Легаты Римские отказались подать голос.

"Когда Флавиан выходил из соборной залы," пишет еп. Арсений, "на него набросились сирский архимандрит Варсума и другие монахи, и так избили его, что он скоро умер на пути в городок Лидии, место своего заточения."

Преемником Флавиана сделался Анатолий, священник, поверенный Диоскора при имп. Дворе. Император, обманутый своими царедворцами, подтвердил все определения ефесского "разбойничьего собора."

Защитником православия выступил папа Римский **св. Лев Великий.** На соборе в Риме было осуждено все, постановленное в Ефесе. Папа в письмах на восток требовал созыва законного вселенского собора в Италии. По его просьбе, того же требовал и зап. император Валентиан III. Но Феодосий находился под влиянием монофизитской придворной партии, особенно Феодоксии, и потому не внимал просьбам. Затем, придворная партия потеряла свое значение, императрицу удалили под предлогом паломничества в Иерусалим. Получила значение партия сестры Феодосия, Пульхерии, почитательницы патриарха Флавиана. Его мощи были торжественно перенесены в Константинополь. Феодосий вскоре умер (450 г.). Преемником его стал Маркиан, вступивший в брак с Пульхерией.

В **Халкидоне** был созван законный **4-й Вселенский** собор. Всех отцов на нем было 630. Из наиболее замечательных были: Анатолий Константинопольский, принявший сторону православных, Домн Антиохийский (низложенный Диоскором и возвращенный Маркианом), Максим, поставленный на его место, Ювеналий Иерусалимский, Фалассий Кесарие-Каппадокийский, блаженный Феодорит, Евсевий Дорилейский, Диоскор Алексаандрийский и другие. Папа, желавший собора в Италии, все же прислал своих легатов в Халкидон. Председателем собора был Анатолий Константинопольский. Первым делом отцы занялись рассмотрением деяний **разбойничьего** собора и судопроизводством над Диоскором. Его обвинителем был известный Евсевий Дорилейский, который представил отцам записку с изложением всех насилий Диоскора на разбойничьем соборе. Ознакомившись, отцы отняли у Диоскора право голоса, после чего он попал в число подсудимых. К тому же на него представили много обвинений египетские епископы, которые рассказали о безнравственности и жестокости Диоскора и его разного рода насилиях. Обсудив все это, отцы осудили его и низложили, так же, как осудили разбойничий собор и Евтихия. Тех епископов, которые принимали участие в разбойничьем соборе, отцы Халкидонского собора простили, так как они раскаялись и объяснили в свое оправдание, что действовали под страхом угроз Диоскора.

Затем отцы занялись определением вероучения. Им предстояло изложить такое вероучение о двух естествах в Лице Господа Иисуса Христа, которое было бы чуждо крайностям несторианства и монофизитства. Среднее между этими крайностями учение именно и было православным. Отцы Халкидонского собора именно так и поступили. Приняв за образец из-

ложение веры св. Кирилла Александрийского и Иоанна Антиохийского, а также послание папы Льва Римского к Флавиану, они, таким образом, определили догмат об образе соединения в Лице Господа Иисуса Христа двух естеств: "последующе божественным отцам, все единогласно поучаем исповедовать..... единого и того же Христа, Сына, Господа единородного, в двух естествах, **неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно,** познаваемого (никакоже различию двух естеств потребляемому соединением, паче же сохраняемому свойству каждого естества во едино лицо и воедину ипостась совокупляемого): не на два лица рассекаемого или разделяемого, но единого и того же Сына и единородного Бога Слова." Таким вероопределением осуждалось как несторианство, так и монофизитство. Все отцы были согласны с этим определением. Блаженный Феодорит, которого на соборе подозревали в несторианстве, особенно египетские епископы, произнес анафему на Нестория и подписал его осуждение. Поэтому собор снял с него осуждение Диоскора и восстановил в сане, равно как снял осуждение с Ивы, епископа Эдесского. Только египетские епископы держали себя двусмысленно по отношению к вероопределению. Они хотя и подписали осуждение Евтихия, но не хотели подписать послания Льва Римского к Флавиану, под тем предлогом, что, по существующему в Египте обычаю, они ничего важного не делают, без соизволения и определения своего архиепископа, которого, в связи с низложением Диоскора, у них не было. Собор обязал их клятвой подписать, когда будет поставлен архиепископ. — Когда донесли Маркиану, что все сделано, он прибыл сам на собор на 6-е заседание, произнес речь, в которой выразил радость, что все сделано по общему желанию и мирно. Впрочем, заседания собора еще не окончились. Отцы занялись составлением 30 правил. Главные предметы правил — церковное управление и церковное благочиние.

После собора император издал строгие законы относительно монофизитов. Приказано было всем принимать учение, определенное Халкидонским собором; монофизитов ссылать в заточение или изгонять; их сочинения сжигать, а за их распространение казнить и проч. Диоскор и Евтихий были сосланы в отдаленные провинции."

Халкидонский собор утвердил постановления не только трех предыдущих Вселенских соборов, но и поместных: Анкирского, Неокесарийского, Гангрского, Антиохийского и Лаодикийского, бывших в 4-м веке. С этого времени первенствующих епископов в главных пяти церковных округах стали называть патриархами, а знатнейшим митрополитам, лишенным некоторых прав самостоятельности, в почетное отличие, присвоили титул экзарха: напр., Ефесскому, Кесарийскому, Ираклийскому.

Епископ Арсений, отмечая это, добавляет: "Название встречалось и раньше; так имп. Феодосий в письме 449 года назвал епископа Римского Патриархом. На 2-м заседании Халкидонского. Собора императорские представители сказали: "пусть святейшие патриархи каждого округа изберут по два из округа для рассуждений о вере." Отсюда видим, что это название уже вошло в официальное употребление. Что же касается названия "папа," то в Египте и Карфагене простой народ называл так первенствующих епископов, а прочие были у него "отцы," а эти "деды" (папы). Из Африки это название перешло в Рим."

Монофизитская ересь после собора.

Ересь монофизитская принесла Церкви более зла, чем какая-либо другая ересь. Соборное осуждение уничтожить ее не смогло. Очень не нравилось монофизитам, особенно египетским, учение о двух естествах в лице Господа Иисуса Христа, главное о человеческом. Многие монахи в других церквах также были против этого учения и перешли в ряды монофизи-

тов. Им казалось невозможным приписать Господу Иисусу Христу человеческую природу, подобную нашей греховной, против недостатков которой были направлены все их подвиги. Еще во время Халкидонского собора монашествующие прислали трех архимандритов, которые брались защищать монофизитское учение и просили о восстановлении Диоскора. После собора некоторые из монахов прямо из Халкидона отправились в Палестину и произвели там большое смущение рассказами о том, что Халкидонский собор восстановил несторианство. Десять тысяч палестинских монахов, под предводительством выходцев из Халкидона, напали на Иерусалим, разграбили его, выгнали патриарха Ювеналия, а на его место поставили своего Феодосия. Только через два года (453 г.), при помощи военной силы, Ювеналий занял опять иерусалимский престол. Подобные же волнения монофизиты устраивали и в Александрии. Здесь и военная сила не привела ни к чему. Чернь загнала воинов в бывший храм Сераписа и сожгла живыми вместе с храмом. Усиленные военные меры привели к окончательному отделению монофизитов от православного патриарха Протерия, поставленного на место Диоскора, и созданию отдельного общества под управлением пресвитера Тимофея Элура.

Воспользовавшись смертью императора Маркиана (457 г.), Александрийские монофизиты, устроили бунт, во время которого был убит Протерий, а на его место был возведен Элур, который низложил всех епископов Халкидонского собора, и осудил патриархов: Константинопольского, Антиохийского и Римского. Преемник Маркиана, Лев 1 Фракианин (457-474 г). не мог сразу подавить восстание в Александрии. Для восстановления мира в Церкви, он решился на особую меру: потребовал, чтобы все митрополиты империи дали ему свой отзыв о Халкидонском соборе и о том, должно ли признавать Элура законным Александрийским патриархом. Более 1600 митрополитов и епископов высказались в пользу Халкидонского собора и против Тимофея Элура.

Тогда Лев низложил Элура (460 г). и Александрийским патриархом поставил православного Тимофея Салафакиола. Благочестие и кротость этого патриарха принесли ему любовь и уважение монофизитов, и Александрийская церковь некоторое время была спокойна. Был также низложен (470 г). патриарх Антиохийский Петр Гнафевс. Будучи еще монахом, он составил в Антиохии сильную монофизитскую партию, принудил православного патриарха оставить кафедру и сам ее занял. Чтобы утвердить навсегда монофизитство в Антиохии, он в трисвятой песне после слов: святый бессмертный — сделал монофизитское прибавление — распныйся за ны.

Но вот, в 476 году императорский престол занял Василиск, отнявший его у Льва Зенона. Чтобы укрепить себя на престоле при помощи монофизитов, Василиск принял их сторону. Он издал окружное послание, в котором, предавая осуждению Халкидонский собор и послание Льва к Флавиану, приказывал держаться только Никейского символа и определений второго и третьего вселенских соборов, подтверждающих этот символ. Такое послание должны были подписать все епископы империи, и действительно многие подписали, одни по убеждению, другие из страха. Вместе с тем были восстановлены на своих кафедрах Тимофей Элур и Петр Гнафевс, а православные патриархи — Александрийский и Антиохийский — удалены. Восстановление монофизитства произвело сильное волнение среди православных, особенно в Константинополе. Здесь во главе православных стоял патриарх Акакий. Василиск, желая предотвратить волнения, угрожавшие даже его престолу, издал было другое окружное послание, отменявшее первое, но было поздно. Зенон, при помощи православных, особенно Акакия, одолел Василиска и занял императорский престол (477 г.). Теперь православные опять взяли перевес над монофизитами. После смерти Элура, кафедру занял опять Тимофей Салафакиол. Но Зенон хотел не только победы православных, но и присоединения монофизитов к православной Церкви. Он понимал, что религиозные разделения плохо сказывались на благо-

состоянии государства. В этом ему сочувствовал и патриарх Акакий. Но эти попытки присоединения монофизитов, начатые Зеноном и продолжавшиеся в следующее царствование, приводили только к волненияя в Церкви, и, наконец, разрешились новой ересью.

В 484 году умер Александрийский патриарх Тимофей Салафакиол. На его место православные выбрали Иоанна Талайю, а монофизиты Петра Монга, который стал усердно хлопотать в Константинополе о своем утверждении, и, между прочим, предложил план для присоединения монофизитов. Зенон и патриарх Акакий согласились на его план. И вот, в 482 г., Зенон издает согласительное вероопределение, на основании которого должно было установиться общение между православными и монофизитами. В нем утверждался Никейский символ (подтвержденный вторым Вселенским Собором), предавались анафеме Несторий и Евтихий с единомышленниками, принимались 12 анафематизмов св. Кирилла, утверждалось, что единородный Сын Божий, сошедший и воплотившийся от Духа Святого и Марии Девы Богородицы, есть один, а не два: один и в чудесах, и в страданиях, которые претерпел во плоти добровольно; наконец, изрекалась анафема на тех, которые мыслили или теперь мыслят что-либо другое, чем утвержденное на Халкидонском или ином соборе. Зенон хотел достигнуть соединения умолчанием о естествах в Лице Господа Иисуса Христа и двусмысленным выражением о Халкидонском соборе. Такое согласительное вероисповедание было принято патриархом Акакием, Петром Монгом, получившим за это Александрийскую кафедру, Петром Гнафевсом, который снова занял кафедру Антиохийскую. Но в то же время это согласительное исповедание не удовлетворило ни строгих православных, ни строгих монофизитов. Православные подозревали в нем признание монофизитства, а те требовали явного осуждения Халкидонского собора. Не утвержденный императором на Александрийской кафедре Иоанн Талайя отправился в Рим с жалобами к папе Феликсу II на Акакия, принявшего энотикон. Феликс, чувствуя себя вполне независимым от Константинополя после падения Западной империи (476 г.), осудил энотикон как еретическое вероопределение, отлучил Акакия и всех епископов, принявших энотикон, равно как и самого Зенона, и даже прервал общение с восточными церквами. Строгие монофизиты со своей стороны восстали на своих патриархов Гнафевса и Монга, за принятие энотикона, отделившись от них и образовали отдельное монофизитское общество **акефалитов** (безглавных).

При преемнике Зенона Анастасии (491-518 гг). дела находились в том же положении. Анастасий требовал, чтобы все приняли энотикон. Но православные уже успели понять, что снисходительные меры по отношению к еретикам не приносят благих последствий и даже наносят урон православию, поэтому стали отказываться от энотикона. Анастасий стал преследовать их, и, видимо, уже перешел на сторону монофизитов. Между тем в среде акефалитов появились ярые поборники монофизитства — Ксенай (Филоксен), епископ Иерапольский в Сирии, и Север, патриарх Антиохийский. Север, для успеха монофизитства в Константинополе, предложил Анастасию внести прибавление в трисвятой песне: **распныйся за ны**. Патриарх Константинопольский Македоний, опасаясь ссылки, был вынужден повиноваться приказанию императора. Но народ, узнав об этом, устроил бунт в Константинополе. Хотя Анастасию удалось временно успокоить народ и даже сослать в заточение патриарха Македония, но все же вскоре началась открытая война между православными и царем. Предводитель православных Виталиан своими победами принудил Анастасия дать обещание созвать собор для подтверждения святости Халкидонского собора и восстановить общение с Римом. Анастасий вскоре умер (518 г.), не исполнив своих обещаний.

При его преемнике Юстине (518-27 гг.), покровителе православия, оно опять получило перевес. Были возобновлены сношения с Римской церковью (519 г). при новом патриархе Ио-

анне Каппадокийском; была подтверждена важность Халкидонского собора, монофизитские епископы низложены и проч.

Пятый Вселенский собор.

В 527 году на императорский престол вступил **Юстиниан I**, государь замечательный в истории гражданской и церковной (527-65 гг.). Для примирения Церкви и государства, Юстиниана занимала мысль о присоединении монофизитов к православию. В Египте православные составляли меньшинство и такое разделение представляло опасность для Церкви и государства. Но Юстиниану не удалось достигнуть своей цели и даже, под влиянием своей жены тайной монофизитки Феодоры, он иногда действовал в ущерб православию. Так, под ее влиянием, в 533 году он сделал уступку монофизитам, допустив прибавление в трисвятой песне: **распныйся за ны**, хотя строгие последователи Халкидонского собора считали такое прибавление монофизитским. Юстиниан также возвел (535 г). на константинопольский патриарший престол Анфима, тайного монофизита. К счастью, Юстиниан вскоре узнал о происках монофизитов. В то время (536 г). в столицу прибыл папа Агапит, в качестве посла остготского короля Теодориха Великого. Узнав о еретичестве Анфима, Агапит (несмотря на угрозы Феодоры) донес о нем царю. Юстиниан тотчас же низложил Анфима, а на его место поставил пресвитера Минну. Все-таки он не терял надежды присоединить монофизитов. Поэтому под председательством Минны был составлен небольшой собор из епископов православных и монофизитских, на котором обсуждался вопрос о присоединение монофизитов. Но вследствие их упорства рассуждения ни к чему не привели. Патриарх снова их осудил и император подтвердил прежние строгие законы против них. Монофизиты тогда бежали в Великую Армению и здесь упрочили свою ересь.

Между тем Феодора продолжала вести интриги в пользу монофизитов. По ее происками, после смерти папы Агапита (537 г). на Римскую кафедру был поставлен римский дьакон Вигилий, давший ей еще прежде обещание с подпиской помогать монофизитам. Потом она нашла себе еще двух усердных помощников, проживавших при дворе епископов — Федоре Аскиде и Домициане, которые были тайными монофизитами. Оба они советовали императору заняться обращением монофизитов и даже предложили для этого план. Именно, что они смогут присоединиться только тогда, когда Православная Церковь осудит учителя несторианства Феодора Мопсуетского и его последователей — блаженного Феодорита и Иву Эдесского. Так как их сочинения не осуждены, то это служит соблазном для монофизитов, и они подозревают православную Церковь в несторианстве. План это был составлен в пользу монофизитов и во вред православным: в случае его исполнения Церковь оказалась бы в противоречии сама с собой, осудив Феодора и Иву, признанных православными на Халкидонском соборе. Император, для умиротворения жизни Церкви, согласился испытать этот план, и в 544 году издал первый эдикт о трех главах. В нем осуждался Феодор Мопсуетский, как отец несторианской ереси, сочинения Феодорита против св. Кирилла и письмо Ивы к персу Марию. Но в то же время было прибавлено, что это осуждение не противоречит Халкидонскому собору, и всякий, думающий иначе, подвергнется анафеме. Этот эдикт должны были подписать все епископы. Минна, патриарх Константинопольский, после некоторого сопротивления, подписал, а за ним и восточные епископы. Но в западных церквах эдикт встретил сильную оппозицию. Карфагенский епископ Понтиан решительно отказался от подписи, а ученый дьякон карфагенской церкви Фульгенций Ферран написал в опровержение эдикта трактат, с которым согласились все на западе. Римский Вигилий также был против эдикта. Западные видели в осу-

ждении трех глав унижение Халкидонского собора, хотя на беспристрастный взгляд этого не было. На Халкидонском соборе не было обсуждения о Феодоре Мопсуетском. Феодорит был оправдан собором после произнесения им анафемы на Нестория, и, следовательно, отказался от своих сочинений в защиту его против св. Кирилла, и письмо Ивы осуждалось в том виде, в каком оно существовало в 6 в. во время издания эдикта, то есть искаженное в Персии несторианами.

Противодействие западных епископов смутило Юстиниана. В 547 году он вызвал в Константинополь Вигилия и многих других западных епископов, надеясь и ух убедить подписать осуждение трех глав. Однако, епископы не соглашались, а Вигилию пришлось содействовать осуждению, когда Феодосия показала ему подписку при его вступлении на Римскую кафедру. Он составил judicatum на три главы, хитростью склонил подписаться под ним западных епископов, бывших в Константинополе и представил его царю. Но западные епископы, узнав о хитрости, восстали против Вигилия. Во главе их стоял африканский еп. Факунд Гермианский, написавший 12 книг в защиту трех глав. В западных церквах распространялись самые невыгодные слухи на счет папы. Тогда Вигилий попросил у императора обратно свой иудикатум и предложил созвать вселенский собор, определениям которого все должны подчиниться. Юстиниан согласился на созыв собора, но иудикатум не возвратил. В 551 году император пригласил западных епископов на собор, чтобы склонить их к осуждению трех глав. Но они не поехали, а прибыли немногие, которые все-таки не согласились с эдиктом. Тогда Юстиниан низложил и заточил их, а на их место поставил тех, которые согласились на осуждение трех глав. Затем, в том же 551 г., издав новый эдикт о трех главах, в котором развивалась та мысль, что осуждение трех глав не противоречит Халкидонскому собору, — царь в 553 году созвал в Константинополе пятый Вселенский собор для окончательного решения вопроса о Феодоре Мопсуетском, блаж. Феодорите и Иве Эдесском.

На соборе присутствовало 165 восточных и западных епископов. Председателем был Евтихий, патриарх Константинопольский, преемник Минны. Папа Вигилий, находившийся все время в Константинополе, опасаясь противодействия западных епископов, отказался идти на собор и обещал подписать соборные определения после. Отцы собора на нескольких заседаниях читали еретические места из сочинений Феодора Мопсуетского и все то, что было написано в его опровержение, разрешили вопрос, можно ли осуждать еретиков после смерти, и, наконец, пришли к заключению, согласному с императорскими эдиктами, что Феодор Мопсуетский действительно еретик несторианин и должен быть осужден. Были также прочитаны сочинения блаж. Феодорита и письмо Ивы. Отцы нашли, что сочинения Феодорита достойны также осуждения, хотя он сам, как отказавшийся от Нестория и потому оправданный Халкидонским собором, и не подлежит осуждению. Что же касается письма Ивы Эдесского, то собор также осудил его, не касаясь самого лица Ивы, собор в этом случае осудил то, что было прочитано им в заседаниях, то есть искаженное несторианами письмо Ивы. Таким образом были осуждены Феодор Мопсуетский и его сочинения, а также сочинения блаж. Феодорита в защиту Нестория против св. Кирилла и письмо Ивы Эдесского к Марию персу.

При этом собор утвердил вероопределения всех прежних вселенских соборов и в том числе Халкидонского. Папа Вигилий, во время соборных заседаний, приславший императору свой отзыв против осуждения вышепоименованных лиц, по окончании собора все-таки подписал соборные определения, и был отпущен в Рим, после почти семилетнего пребывания в Константинополе. По дороге, впрочем, он умер. Преемник его Пелагий (555 г). принимал пятый Вселенский собор, и потому должен был выдерживать борьбу против многих западных церквей, не принимавших собора. Разделение в западных церквах из-за пятого Вселенского

собора продолжалось до самого конца 6-го столетия, когда при папе Григории Великом, наконец, все признали его.

Упорство монофизитов и их секты.

Старания Юстиниана присоединить монофизитов к Православной Церкви (вызвавшие пятый Всел. Собор) не привели к желаемым результатам. Правда, умеренные монофизиты присоединились к Церкви, но в одном почти константинопольском патриархате. Монофизиты же других патриархатов особенно строгие (афтартодокеты), оставались по-прежнему упорными еретиками. В государственных интересах, Юстиниан сделал попытку присоединить и их, путем уступки им: в 564 году он потребовал, чтобы православные епископы приняли их в общение. Но епископы отказались принимать в церковь еретиков, не принимавших православного учения. За это Юстиниан начал их низлагать и ссылать в заточение. Такая участь постигла прежде всего патриарха Константинопольского Евтихия. Впрочем, Юстиниан вскоре умер (565 г). и замешательства в Церкви прекратились. Монофизиты, между тем, окончательно сформировались в отдельные от православной Церкви общества. В Александрии в 536 году был поставлен новый православный патриарх; но его признала только небольшая часть египтян, преимущественно греческого происхождения. Коренные жители, древние египтяне, известные под именем коптов, все монофизиты, выбрали своего патриарха и образовали свою **коптскую** монофизитскую церковь. Они называли себя коптскими христианами, православных же — мелхитами (содержащими императорское вероучение). Число коптских христиан достигало 5 миллионов. С ними вместе и абиссинцы уклонились в монофизитство и также образовали еретическую церковь в союзе с коптской. В Сирии и Палестине монофизитство вначале не так прочно утвердилось, как в Египте; Юстиниан низлагал всех епископов и пресвитеров этого учения, и ссылал в заточение, вследствие чего монофизиты оставались без учителей. Но одному сирскому монаху, Иакову (Барадею), удалось объединить всех монофизитов Сирии и Месопотамии и устроить из них общество. Его рукоположили в епископа все низложенные Юстинианом епископы, и он в продолжение 30 лет (541-578 г). успешно действовал в пользу монофизитства. Он ходил по странам в одежде нищего, посвящал епископов и пресвитеров и даже устроил монофизитский патриархат в Антиохии. По его имени монофизиты Сирии и Месопотамии получили название яковитов, что сохраняется и до настоящего времени. Армянская церковь тоже отпала от Вселенской, но не из-за усвоения монофизитского учения, а по причине недоразумений, она не приняла постановлений Халкидонского собора и послания папы Льва Великого. Недоразумения были такого рода: на Халкидонском соборе (451 г). не было представителей армянской церкви, почему в ней не были известны в точности эти постановления. А между тем в Армению приходили монофизиты и распространяли ложный слух, что на соборе восстановлено несторианство. Когда постановления собора появились в армянской церкви, то по незнанию точного значения греческого слова φυσισ, армянские учителя, при переводе принимали его в значении **лица** и потому утверждали, что в Иисусе Христе одно φυσισ, разумея под этим единое лицо; про тех же, кто говорили, что в Иисусе Христе два φυσισ, они думали, что те разделяют Христа на два лица, т.е. вводят несторианство. Далее, в греческой церкви до второй половины 5 в. происходили споры о важности Халкидонского собора, и эти споры отозвались в армянской церкви. На соборе в Эчмиадзине 491 года армянами был принят Энотикон Зенона и отвергнут Халкидонский собор. В 30-х годах 6 века, когда многие монофизиты бежали от преследований Юстиниана в Армению, а здесь держался еще ложный слух о Халкидонском соборе, армянская церковь высказа-

лась против этого собора, который на соборе в Тиве 536 г., был осужден. С этого времени армянская церковь отпала от союза со Вселенской и образовала из себя общество не столько еретическое, как **раскольничье,** т. к. в учении о естествах в Иисусе Христе она была согласна с учением Церкви, и разнилась только в словах. В армянской церкви, кроме этого, образовались некоторые особенности в церковном устройстве, существующие до настоящего времени. Так, трисвятая песнь читается и поется с монофизитским прибавлением: **распныйся за ны**; евхаристия совершается (с начала 6 века) на опресноках, причем вино не смешивается с водой; праздник Рождества Христова празднуется вместе с Богоявлением и Рождественский пост продолжается до дня Богоявления и проч. Армянская церковь состоит под управлением своего патриарха — **католикоса.**

Шестой Вселенский собор.

Ересь монофелитов есть видоизменение ереси монофизитов и вышла из стремления византийского правительства во что бы то ни стало присоединить монофизитов к Православной Церкви. Император Ираклий (611-641 г.), один из лучших государей Византийской империи, хорошо понимая вред религиозного разделения, принял на себя задачу уничтожить это разделение. В двадцатых годах 7-го столетия, Ираклий, во время похода на персов, виделся с епископами монофизитов, между прочим, с Афанасием, Сирским патриархом и Киром, епископом в Колхиде, — и входил с ними в рассуждения по поводу спорного вопроса о двух естествах во Иисусе Христе. Монофизиты подали мысль, что они может быть согласятся присоединиться к православной Церкви, если она признает, что в Иисусе Христе одно действование, или, что то же, одно обнаружение воли, одна воля. Вопрос об одной или двух волях в Иисусе Христе был еще не раскрыт Церковью. Но, признавая в Господе два естества, Церковь признавала вместе с тем две воли, так как два сомостоятельных естества — Божеское и человеческое — должны иметь каждое и самостоятельное действование, т.е. в Нем при двух естествах должны быть **две воли.** Противоположная же мысль, признание при двух естествах одной воли, есть само в себе противоречие: отдельное и самостоятельное естество немыслимо без отдельной и самостоятельной воли.

Должно быть что-нибудь одно: или в Иисусе Христе одно естество и одна воля, или два естества и две воли. Монофизиты, предлагавшие учение о единой воле, только дальше развивали свое еретическое учение; православные же, если бы приняли это учение, впали в противоречие сами с собой, признав монофизитское учение правильным. У императора Ираклия была одна цель — присоединить монофизитов: поэтому, не обращая внимания на сущность предлагаемого учения, он горячо взялся за дело присоединения их при помощи этого учения. По его совету, Кир, епископ Фазиса, обратился с вопросом о единой воле к Сергию, патриарху Константинопольскому. Сергий отвечал уклончиво, высказывая, что на соборах этот вопрос не решался и что некоторые из отцов допускали единое животворящее действие во Христе, Боге истинном; впрочем, если будет найдено у других отцов другое учение, утверждающее две воли и два действия, то на это следует согласиться.

Очевидно все-таки, что ответ Сергия благоприятствовал учению о единоволии. Поэтому, Ираклий пошел дальше. В 630 году он признал законным патриархом Антиохии монофизита Афанасия, согласившегося на унию, и в том же году, когда кафедра в Александрии была свободной, сделал в ней патриархом Кира, епископа Фазиса. Киру было поручено войти в сношение с Александрийскими монофизитами относительно соединения с православной Церковью на основании учения о единоволии. После некоторых переговоров с умеренными моно-

физитами Кир издал (633 г). девять согласительных членов, из которых в одном (7-м) высказывалось учение о едином богомужном действовании во Христе или о **единой воле.** Умеренные монофизиты признали эти члены и вступили в общение с Киром; строгие же отказались. В это время в Александрии находился один монах из Дамаска, Софроний, любимый ученик известного Александрийского патриарха Иоанна Милостивого. Когда монофелитская ересь выступила открыто, Софроний первый выступил на защиту православия. Он ясно и отчетливо доказывал Киру, что учение о единоволии в сущности есть монофелитство. Его представления не имели успеха у Кира, так же как и у патриарха Сергия, принявших 9 членов.

В 634 году Софроний был поставлен патриархом Иерусалимским и еще с большей ревностью защищал Православие. Он созвал в Иерусалиме собор, на котором осудил монофелитство, а в посланиях к другим патриархам изложил основания православного учения о двух волях во Христе. Хотя в 637 году Иерусалим был завоеван аравитянами-мусульманами и патриарх оказался оторванным от общецерковной жизни, но его послание произвело большое впечатление на православных империи. Между тем Сергий Константинопольский писал к папе Гонорию по поводу учения о единоволии, и Гонорий тоже признал это учение православным, но советовал избегать бесполезных словопрений. Споры все-таки возникли. Ираклий, желая положить им конец, в 638 году издал так называемое “изложение веры,” в котором, излагая православное учение о двух естествах в Иисусе Христе, запрещал говорить о Его волях, хотя и прибавлял, что православная вера требует признания одной воли. Преемник Сергия, Пирр, принял и подписал екфесис. Но преемники папы Гонория встретили его неблагосклонно. В то же время ярым защитником православия выступил константинопольский монах **Максим Исповедник**, один из глубокомысленных богословов своего времени.

Когда Кир издавал свои 9 членов, Максим находился еще в Александрии и вместе с Софронием восстал против них. В дальнейшем он переселился в северо-африканскую церковь, и отсюда писал горячие послания на восток в защиту православия. В 645 году там же, в Африке, он имел диспут и низложенным патриархом Пирром и убедил его отказаться от единоволия. Под влиянием Максима в Африке состоялся собор (646 г.), на котором монофелитство было осуждено. Из Африки Максим вместе с Пирром перешли в Рим, где с успехом действовали в пользу православия. Папа Феодор отлучил от церковного общения нового патриарха Константинопольского Павла, принявшего ересь.

После Ираклия на императорский престол вступил Констанс II (642-668 г.). Церковное разделение между Африкой и Римом было слишком опасно для государства, особенно в связи с тем, что мусульмане, уже завоевавшие Египет (640 г.), наступали все сильнее на империю. В 648 году он издал **образец** веры, в котором заставлял всех веровать согласно с бывшими пятью Вселенскими соборами, запрещал говорить как об одной, так и двух волях. Православные справедливо видели в этом типосе покровительство монофелитству, так как с одной стороны эта ересь не осуждалась, а с другой — запрещалось учить о двух волях в Иисусе Христе. Поэтому они продолжали борьбу. Папа Мартин I (с 649 г). собрал в Риме большой собор (649 г.), на котором осудил монофелитство и всех его защитников, а также екфесис и типос, а акты собора отправил императору с требованием восстановить православие. Констанс счел такой поступок возмущением и поступил с Мартином слишком жестоко. Он поручил экзарху Равеннскому доставить его в Константинополь. В 653 году Мартина схватили в церкви и, после продолжительного путешествия, во время которого он вытерпел много стеснений, привезли в Константинополь. Вместе с Мартином захватили в Риме и привезли и Максима Исповедника.

Здесь папу ложно обвинили в политических преступлениях и сослали в Херсонес (654 г.), где он умер от голода (655 г.). Участь Максима была печальнее. Разного рода пытками его

заставляли отказаться от своих сочинений и признать типос. Максим оставался непоколебимым. Наконец, император приказал отрезать ему язык и отрубить руку. Изуродованного таким образом Максима отправили на Кавказ в ссылку, в землю лазов, где он и умер (662 г.). После таких жестокостей православные замолкли на некоторое время. Восточные епископы были принуждены принять типос, западные не возражали.

Наконец, император Константин Пагонат (668-685 г.), при котором снова началась борьба православных с монофелитами, решился дать торжество православию. В 678 г. он низложил патриарха Константинопольского Феодора, явного монофелита, и на его место поставил пресвитера Георгия, склонявшегося к православному учению о двух волях. Затем император в 680 году собрал в Константинополе **шестой Вселенский собор**, называемый трулльским (по зале заседаний со сводами. Папа Агафон прислал своих легатов и послание, в котором на основании послания Льва Великого раскрывалось православное учение о двух волях в Иисусе Христе. Всех епископов на соборе было 170. Были тут также патриархи Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский. Император также присутствовал. Всех заседаний собора было 18. На защиту монофелитства выступил Антиохийский патриарх Макарий, самый ревностный его защитник. Ему возражали папские легаты, доказывая, что на основании древних отцов, необходимо признавать в Иисусе Христе две воли. С легатами согласились патриарх Георгий и другие восточные епископы. Но Макарий не хотел отказаться от ереси, поэтому был осужден собором, низложен и выслан из Константинополя. Некоторые монахи, бывшие на соборе, тоже не соглашались принять две воли. На 15-ом заседании, один из них, до фанатизма преданный ереси, Полихроний, предложил доказать чудом истинность монофизитсва: он вызвался воскресить умершего. Опыт был позволен, и разумеется, Полихроний не воскресил умершего. Собор осудил Полихрония как еретика и возмутителя народа.

В заключение всего собор определил православное учение о двух волях в Иисусе Христе: “исповедуем две естественные воли или хотения в Нем и два естественные действия, неразлучно, неизменно, нераздельно, неслиянно; два же естества хотения — не противные, — да не будет, как нечестивые еретики проповедовали, — но Его человеческое хотение, не противостоящее или противоборствующее, а последующее, подчиняющееся Его Божественному и Всемогущему хотению.” Вместе с тем, запретив проповедовать иначе учение веры и составлять иной символ, собор наложил анафему на всех монофелитов, между прочим, на Сергия, Кира, Пирра, Феодора и папу Гонория. Заседания собора окончились уже в 681 г. На так называемом пято-шестом Трулльском соборе 692 г., дополнившем определения 5 и 6 собора, догматическое определение последнего о двух волях в Иисусе Христе было подтверждено снова.

После соборных определений монофелитство на востоке пало. В начале 8 в. император Филлипик Вардан (711-713 г). восстановил было эту ересь в империи, в связи с утверждением себя на престоле при помощи партии монофелитов, но, с низвержением Филлипика, была низвержена и ересь. Только в Сирии осталась небольшая партия монофелитов. Здесь в конце 7 в. монофелиты сосредоточились в Ливане в монастыре и около монастыря аввы Марона (жившего в 6 в.), выбрали себе патриарха, который тоже назывался Мароном, и образовали самостоятельное еретическое общество, под именем **маронитов**. Мароните существуют и до настоящего времени.

Иконоборческая ересь и Седьмой Вселенский Собор.

Иконопочитание в 4 и 5 вв. вошло во всеобщее употребление в христианской Церкви. По церковному учению, почитание икон должно состоять в почитании лица, изображенного на них. Такого рода почитание должно выражаться благоговением, поклонением и молитвою лицу, изображенному на иконе. Но в 8 в. к такому церковному учению стали примешиваться неправославные взгляды на иконопочитание, особенно у простого народа, который, вследствие недостаточности религиозного образования, по большей части придавал внешности и обрядности в религии главное значение. Смотря на иконы и молясь перед ними, люди необразованные забывали возноситься умом и сердцем от видимого к невидимому и даже мало-помалу усвоили убеждение, что лица, изображаемые на иконах, не отделимы от икон. Отсюда легко развилось поклонение собственно иконам, а не лицам изображаемым, — развилось суеверие, граничащее с идолопоклонством. Естественно, что появились стремления уничтожить такое суеверие. Но, к несчастию Церкви, задачу уничтожить суеверие приняла на себя гражданская власть, отстранив духовную. Вместе с суеверным почитанием икон, гражданская власть, под влиянием также и политических соображений, стала уничтожать иконопочитание вообще и произвела, таким образом, ересь иконоборческую.

Первым гонителем иконопочинатия был император Лев Исаврианин (717 741), хороший полководец, издавший законы о сокращении рабства, о свободе поселян, но невежда в церковных делах. Он решил, что уничтожение почитания икон вернет империи утраченные ею области и что евреи и магометане сблизятся с христианством. Епископ Наколийский Константин научил его смотреть на иконопочитание как на идолослужение. В той же мысли утверждал его Везер-сирианин, бывший магометанин, теперь придворный чиновник. Уничтожение икон император начал в 726 г., издав эдикт против поклонения им. Он приказал ставить их в церквях повыше, чтобы народ не лобызал их. Патриарх Константинопольский Герман восстал против такого распоряжения. Поддержал его знаменитый Иоанн Дамаскин, впоследствии монах обители св. Саввы в Палестине. Римский папа Григорий II одобрил и превозносил патриарха за его твердость в отстаивании иконопочитания. Он писал императору, что Рим отойдет из-под его власти, если он будет настаивать на уничтожении иконопочитания. В 730 г. император велел воинам снять особенно почитаемую икону Христа Споручника, стоявшую над воротами его дворца. Напрасно толпа верующих мужчин и женщин умоляла не касаться образа. Чиновник взошел по лестнице и начал бить молотом по иконе. Тогда некоторые из присутствующих отняли лестницу и предали смерти упавшего чиновника. Войско разогнало народ, избило некоторых, а десять человек, признанных главными виновниками, после истязаний были казнены. Память их 9 августа. Изображение Спасителя на кресте было уничтожено и оставлен простой крест, потому что иконоборцы допускали крест, если на нем не было человеческих изображений.

9 Августа мучч. Иулианна, Маркиона, Иоанна, Иакова, Алексия, Димитрия, Фотия, Петра, Леонтия и Марии патрикии, жестоко пострадавших при императоре Льве Исаврианине за то, что сбросили с лестницы воина, который по приказанию царя хотел снять образ Спасителя, находившийся над вратами в Царьграде. Заключенные в темницу, они около 8 месяцев содержались в ней, ежедневно избивались 500 ударами. После этих тяжких и продолжительных мучений все святые мученики были усечены в 730 г. Тела их были погребены в Пелагиевых (местность в Царьграде) и через 139 лет обретены нетленными. Мученик Фотий в некоторых памятниках неверно называется Фокою.

Преподобный Иоанн Дамаскин, узнав о действиях царя Льва, написал для константинопольских граждан первое свое сочинение в защиту икон, начинающееся так: “Сознавая свое

недостоинство, я, конечно, должен был бы хранить вечное молчание и довольствоваться исповеданием своих грехов пред Богом. Но, видя, что Церковь, основанная на камне, обуревается сильными волнами, я не считаю себя вправе молчать, потому что больше боюсь Бога, чем императора. Напротив, это-то меня и возбуждает: потому что пример государей может и подданных заразить. Мало людей, которые отвергают их несправедливые указы и думают, что и цари земные состоят под властью Царя небесного, Которого законам должны повиноваться." Затем, сказав, что церковь не может погрешать и подозреваться в идолослужении, подробно рассуждает об иконах, выражаясь между прочим: "Я дерзаю делать изображение Бога невидимого не так, как Он существует в невидимости, но как Он открывался нам," и изъясняет места Ветхого Завета, значение слов "изображение" и "поклонение," приводит места святых Отцов (Дионисия, Григория Нисскаго, Василия Великого и др.), и в заключение говорит, что "поставлять определения о делах веры могут только вселенские соборы, а не цари." Это написано еще до низложения Германа, а потом написаны еще два сочинения о том же предмете. На возражение, что народ боготворит иконы, Иоанн отвечает: "Нужно учить безграмотный народ."

На Цикладских островах вспыхнуло восстание, подавленное Львом. За отказ "вселенского учителя" (священника, наблюдавшего за ходом учебного дела в империи, имевшего 12 или 16 помощников) письменно объявить, со своими сотрудниками, иконопочитание идолослужением, император приказал сжечь их вместе со зданием, где помещалась и государственная библиотека, основанная императором Константином Великим.

В 730 г. последовал эдикт, по которому повелевалось вынести из храмов все иконы. Патриарх Герман, отказавшийся выполнять это распоряжение, был в 733 г. низложен императором, а на его место поставлен Анастасий, подчинившийся приказанию Льва. Иконы были вынесены; епископы, противившиеся этому, низложены.

Но иконы можно было удалить из храмов только в пределах Византийской империи. В Сирии, которая находилась под властью аравитян, и в Риме, который почти совсем не признавал над собою власти византийского императора, Лев не мог заставить выполнить свой эдикт. Восточные церкви, находившиеся под властью аравитян, прекратили общение с греческой церковью, а Иоанн Дамаскин написал еще два послания против иконоборцев. Также и папа Григорий III (731-741 г.), стоявший, подобно своему предшественнику, на стороне иконопочитателей, восстал против императорского эдикта. В 732 году он созвал в Риме собор, на котором предал проклятию иконоборцев. Лев захотел наказать папу, отправил было в Италию флот, но так как последний был разбит бурей, то ограничился только тем, что отнял у папы Иллирийский округ, присоединив его к константинопольскому патриархату. В 741 г. Лев Исаврианин умер, достигнув только того, что иконы были выведены из церковного употребления; вывести же их из домашнего употребления он не мог при всей своей жесткости.

После смерти Льва иконопочитание на некоторое время было восстановлено. Зять Льва, Артабазд, при помощи иконопочитателей занял императорский престол, помимо сына и наследника Льва Константина Копронима (назывался Копронимом или Каваллином за любовь к лошадям). Иконы опять появились в храмах, и опять началось открытое иконопочитание. Но в 743 г. Константин Копроним свергнул с престола Артабазда, и, подобно своему отцу, начал преследовать иконопочитание, только еще с большей настойчивостью и жестокостью. Копроним хотел торжественно, с соблюдением законности, уничтожить иконопочитание как ересь и для этого в 754 г. созвал в Константинополе собор, который назвал вселенским. На соборе было 338 епископов, но не было ни одного патриарха. Здесь положено было, что иконопочитание есть идолопоклонство, что единственный образ Христа Спасителя — это Евхаристия и тому подобное. В доказательство собор приводил места из св. Писания, толкуя их

односторонне и неправильно, а также из древних отцов или подложные, или искаженные, или с неправильным толкованием. В заключение собор предал анафеме всех защитников иконопочитания и иконопочитателей, особенно Иоанна Дамаскина, и постановил, что кто после этого будет сохранять иконы и почитать их, тот, — если духовное лицо, — подвергается извержению из сана, если мирянин или монах — отлучается от общения церковного и подвергается наказанию по императорским законам. Все епископы согласились на соборные определения — одни по убеждению, другие — и большая часть — по страху перед императором. На соборе же, на место умершего перед тем иконоборческого патриарха Анасия, поставлен был патриархом Константинопольским епископ Константин из Фригии, заявивший себя особенной враждой к иконопочитанию. Определения собора приводились в исполнение с необыкновенной жесткостью. Преследования распространялись даже на домашнее иконопочитание. Только в тайных, недоступных полиции местах, православные могли сохранять иконы. Не останавливаясь на иконопочитании, Копроним пошел дальше; он хотел уничтожить почитание святых и их мощей, монашескую жизнь, считая все это суеверием. Поэтому, по его приказанию, мощи святых или сжигались, или сбрасывались в море; монастыри были обращены в казармы или конюшни, монахи изгнаны, а некоторые из них, открыто порицавшие действия императора и защищавшие иконопочитание, были преданы мучительной смерти. Воля императора была исполнена везде, кроме Рима. В то время как Константин Коприним осуждал на своем вселеником соборе иконопочитание, папа приводил в исполнение план касательно отделения Рима от Византийской империи. Равеннским экзархатом, принадлежавшим Греческой империи, завладели лангобарды (752 г.). Папа Стефан III пригласил на помощь франкскаго короля Пипина, который прогнал лангобардов, а отнятые у них земли подарил апостольскому престолу, т. е. папе (755 г.). Греческая власть в Италии после этого кончилась. Стефан, сделавшись независимым, не стесняясь, мог отвергнуть все постановления иконоборческого собора 754 г.

“Константин Копроним умер в 755 г. Ему наследовал сын его Лев Хазар (775-780 гг.), воспитанный в иконоборческом духе. Он, по завещанию отца, должен был действовать против иконопочитания. Но Лев был человек слабохарактерный; на него имела большое влияние его жена Ирина, тайно поддерживавшая иконопочитание. Под ее покровительством, изгнанные монахи опять стали появляться в городах и даже в самом Константиполе, епископские кафедры стали замещаться тайными приверженцами иконопочитания и т.п. Только в 780 г., в связи с найденными в спальне Ирины иконами, Лев начал было крутыми мерами подавлять пробуждашееся иконопочитание, но в том же году умер. По малолетству его сына Константина Порфирородного (780-802 г.), управление государством взяла в свои руки Ирина. Теперь она решительно объявила себя защитницей иконопочитания. Монахи беспрепятственно заняли свои монастыри, появлялись на улицах, и пробуждали в народе угасшую любовь к иконам. Мощи мученицы Евфимии, брошенные в море при Константине Копрониме, были вынуты из воды, и им начали воздавать должное почитание. Патриарх Константинопольский Павел, бывший в числе врагов иконопочитания, при таком обороте дела счел себя вынужденным оставить кафедру и удалиться в монастырь. Вместо него, по желанию Ирины, поставлен был один светский человек, Тарасий, приверженец иконопочитания. Тарасий принимал патриарший престол с тем, чтобы было восстановлено общение с церквами Римскою и восточными, прекратившееся во времена иконоборческие и чтобы созван был новый вселенский собор для утверждения иконопочитания. Действительно, с согласия Ирины, он писал папе Адриану I о предполагаемом восстановлении иконопочитания и приглашал к участию во вселенском соборе. Восточным патриархам также были отправлены приглашения. В 786 г., наконец, в Константинополе был открыт собор. Папа прислал легатов; от лица восточных патриархов при-

были в качестве представителей два монаха. На собор собралось также много греческих епископов. Но собор в этом году не состоялся. Большинство епископов было против иконопочитания. Они начали составлять тайные собрания и рассуждать в духе иконоборческом. К тому же, императорские телохранители, состоявшие из старых солдат Константина Копронима, не хотели допустить восстановления иконопочитания. На одном заседании собора иконоборческие епископы подняли шум, а телохранители между тем неистовствовали во дворе здания, где проходил собор. Тарасий вынужден был закрыть собор. В следующем 787 г., когда Ирина заблаговременно уволила от службы иконоборческие войска, собор спокойно был открыт в Никее. Это был второй Никейский, седьмой Вселенский собор. Собралось 367 отцов. Хотя и тут были иконоборческие епископы, но их было меньше православных. Всех заседаний собора было восемь. Прежде всего, Тарасий, как председатель, произнес свою речь в пользу иконопочитания, затем Ирина прочитала такую же речь. Православные епископы согласились с той и другой. Иконоборческим же епископам Тарасий предложил, — если они покаются и примут иконопочитание, то будут оставлены в архиерейском сане. Вследствие такого предложения и иконоборческие епископы согласились признать иконопочитание и подписали отречение от иконоборства. Далее, читали послание папы Адриана об иконопочитании, приводили доказательства в пользу иконопочитания из св. Писания, св. Предания и писаний отцов Церкви, разобрали действия иконоборческого собора 754 г. и нашли его еретическим. Наконец, предав анафеме всех иконоборцев, отцы седьмого Вселенского собора составили вероопределение, в котором, между прочим, сказано: “храним неноввовводно все, писанием и без писания установленные для нас церковные предания, из которых одно касается иконного живописания…определяем: подобно изображению честнаго и животворящего креста, полагать во святых Божиих церквях, на священных сосудах и одеждах, на стенах и на досках, в домах и на путях, честныя и святые иконы Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и Непорочныя Владычицы нашей святой Богородицы, также и честных Ангелов, и всех святых и преподобных мужей. Ибо, когда через изображение на иконах лики Спасителя, Богородицы и др. бывают видимы, то взирающие на них побуждаются к воспоминанию и люблению первообразов их, и чествованию их лобызанием и почитательным поклонением не собственным, по вере нашей богопоклонением, которое приличествует единому Божескому естеству, но почитанием, воздаваемым изображению честнаго и животворящего креста и святому евангелию и прочим святыням.” Кроме того, собор постановил, чтобы все сочинения, написанные еретиками против иконопочитания, были представлены константинопольскому патриарху, а скрывающим такие сочинения назначались — духовным лицам извержение из сана, мирянам — отлучение от Церкви. — Заседания собора в Никее окончились. Восьмое и последнее заседание было в Константинополе, в присутствии Ирины. Здесь определения собора были торжественно прочитаны и утверждены императрицей. Согласно определению собора, иконопочитание было восстановлено во всех церквах.

Продолжение иконоборческой ереси.

Партия иконоборцев и после седьмого Вселенского собора была сильна. Некоторые из иконоборческих епископов, признавшие на соборе иконопочитание ради сохранения за собою занимаемых кафедр, втайне оставились врагами иконопочитания. В войсках, еще со времени Константина Копронима, также господствовал иконоборческий дух. Нужно было ожидать нового гонения на иконопочитание. Действительно, так и случилось, когда на императорский престол вступил Лев Армянин (813-820 гг). из иконоборческой партии зеленых. Воспитанный

на иконоборческих принципах и окруженный иконоборцами, Лев Армянин неминуемо должен был сделаться гонителем иконопочитания. Но сначала он старался прикрывать свою ненависть к иконам желанием примирить иконоборческую и православную партии. Не объявляя еще об уничтожении иконопочитания, он поручил ученому Иоанну Грамматику составить записку со свидетельствами из древних отцов против иконопочитания, чтобы убедить православных отказаться от иконопочитания. Но иконоборческая партия настоятельно требовала решительных мер против иконопочитания и даже открыто выражала свою ненависть к иконам. Так, однажды иконоборческие солдаты начали бросать камнями в известную икону Христа Споручника, поставленную Ириной на прежнем месте над воротами императорского дворца. Император, под предлогом прекращения беспорядков, приказал снять икону. Православные, во главе которых стояли константинопольский патриарх Никифор и знаменитый настоятель студийского монастыря, Феодор Студит, видя, что начинается гонение на иконы, устроили совещание и решили твердо держаться постановления седьмого Вселенского собора. Узнав об этом, император пригласил к себе патриарха, все еще рассчитывая путем убеждения достигнуть уничтожение иконопочитания. С патриархом явились Феодор Студит и другие православные богословы, и на предложение императора о примирении с иконоборческой партией решительно отказались сделать какие-либо уступки еретикам. Не достигнув уничтожения иконопочиная переговорами, Лев Армянин принялся за насильственные меры; он издал указ, по которому монахам запрещалось проповедовать об иконопочитании. Указ должны были подписать все монахи, но подписали только немногие. Феодор же Студит написал окружное послание к монахам, в котором убеждал повиноваться больше Богу, нежели людям. Император пошел дальше в своем преследовании иконопочитания. В 815 г. патриарх Никифор был низложен и сослан, а на его место поставлен иконоборец Феодор Касситер. Новый патриарх созвал собор, на котором седьмой Вселенский собор был отвергнут, а иконоборчекий собор Константина Копронима 754 г. признан законным. Впрочем, собор Феодора Касситера хотел сделать уступку православным, предлагая предоставить воле каждого почитать иконы или нет, т. е. признать иконопочитание необязательным. Только немногие монахи, пришедшие на собор по приглашению, согласились на это предложение, но и те, после убеждений Феодора Студита, отказались. Большинство же, под руководством Феодора Студита, не хотело знать ни нового патриарха, ни собора, ни его предложений. Феодор Студит не побоялся даже открыто выразить протест против иконоборческих распоряжений. В Вербное Воскресение он устроил торжественную процессию по улицам города с иконами, пением псалмов и тому подобное. Император был крайне недоволен таким противодействием православных и, подобно Константину Копрониму, начал открыто гнать их и прежде всего монахов. Монастыри были разрушены, монахи выгнаны или сосланы в ссылку. Феодор Студит был одним из первых страдальцев за веру. Его сослали в заточение и мучили там голодом, так что он умер бы, если бы темничный страж, тайный иконопочитатель, не разделял с ним свою пищу. Из заточения Феодор рассылал письма к православным и поддерживал в них любовь к иконопочитанию. Гонение на иконопочитателей продолжалось до 820 г., когда Лев Армянин был низвержен с престола и на его место был возведен Михаил Косноязычный (820-829 г.), который вернул из заточения патриарха Никифора, хотя и не возвратил ему престола, Феодора Студита и других православных. Но, опасаясь сильной иконоборческой партии, он не хотел восстановить иконопочитания, хотя и позволил домашнее почитание икон. Преемником Михаила был его сын Феофил (829-842 г.). Этот государь действовал решительнее своего отца по отношению к иконопочитанию. Воспитание под руководством известного Иоанна Грамматика (народ именовал его Ианнием (см. 2 Тим. 3:8) или Леканомантом (гадателем по воде, налитой в таз), который поставлен был даже патриархом, сделало его врагом

иконопочитания. Было запрещено домашнее иконопочитание. Монахов опять стали ссылать в заточение и даже мучить. Но, несмотря на это, в самом семействе Феофила нашлись иконопочитатели. Это его теща, Феоктиста, и жена Феодора. Об этом узнал Феофил уже перед смертью (842 г.). После Феофила на престол вступил его малолетний сын, Михаил III. Государством управляла Феодора, при содействии трех опекунов, своих братьев, Варды и Мануила, и брата умершего императора, Феоктиста. Феодора решилась восстановить иконопочитание; с ней были согласны и опекуны, кроме Мануила, который опасался противодействия иконоборческой партии. Но и Мануил согласился после того, как выздоровел от тяжкой болезни, во время которой, по убеждению монахов, дал обещание восстановить иконопочитание. Иконоборческий патриарх Иоанн Грамматик был низложен и на его место поставлен св. Мефодий, ревностный иконопочитатель. Он собрал собор, на котором была подтверждена святость седьмого Вселенского собора, и иконопочитание было восстановлено. Затем, 19 февраля 842 г., в воскресение на первой неделе Великого Поста состоялась торжественая процессия по улицам города с иконами. Этот день остался навсегда днем торжества Церкви над всеми ересями — днем Православия. После этого иконоборческие епископы были низложены и их кафедры заняли православные. Теперь иконоборческая партия окончательно потеряла свою силу."

Filioque.

Древние отцы Церкви, раскрывая учение о взаимном отношении Лиц Святой Троицы, утверждали, что Дух Святой исходит от Отца. В учении об этом личном свойстве Св. Духа они строго придерживались изречения Самого Спасителя: Иже от Отца исходит. Это изречение внесено в Символ Веры на втором Вселенском соборе. Затем второй, третий и четвертый Вселенские соборы запретили делать какие-либо прибавления к Никео-Цареградскому символу. Но, через несколько столетий на местном соборе частной испанской церкви, именно Толедском (589 г.), было сделано прибавление к этому символу в члене о Св. Духе — между словами: от Отца и исходящаго было вставлено слово: И Сына (filioque). Поводом к такому прибавлению послужило следующее обстоятельствою На Толедском соборе было решено присоединить вестготов-ариан к православной Церкви. Так как основным пунктом арианской ереси было учение о неравенстве Сына с Отцом, то, настаивая на полном равенстве их, испанские богословы на Толедском соборе решили поставить Сына в то же отношение к Св. Духу, в котором находился к Нему Отец, т. е. сказали, что Дух Святой исходит от Отца и Сына, и внесли в символ слово filioque. В 7 и 8 вв. это прибавление из испанских церквей распространилось во франкские церкви. Сам Карл Великий и франкские епископы ревностно отстаивали filioque, когда восточная церковь высказалась против этого прибавления. Карл Великий на соборе в Ахене (809 г). даже подтвердил правильность и законность прибавления в символе слова filioque, несмотря на представления восточной церкви, и заключения собора отослал к папе Льву III на утверждение. Но папа решительно отказадся признать filioque. По его распоряжению, Никео-Цареградский символ, без слова filioque, написан был на греческом и латинском языках на двух досках, и доски положены были в храме св. Петра для засвидетельствования верности римской церкви древнему символу. Несмотря на это, в 9 и 10 вв. учение об исхождении Св. Духа от Сына распространялось все более и более в западных церквах, так что и римская церковь стала склоняться к нему. Восточная церковь во второй половине 9 века, при патриархе Фотии, на соборах (867 и 879 гг.), обличала и осуждала это нововведение западной церкви, как противное учению Церкви Вселенской, но западная церковь

не принимала во внимание голоса восточной церкви, и папа Бенедикт VIII в 1014 году окончательно внес в символ filioque. С этого времени учение об исхождении Св. Духа и от Сына утвердилось навсегда в Римской и во всех западных церквх."

Епископ Арсений в своей "Летописи церковных событий," упоминая о Толедском соборе, пишет: "В деяниях этого собора в Символе Веры находим прибавку filioque, и в анафематствовании третьем говорится: "Кто не верует, что Дух Святой исходит от Отца и Сына и совечен Им, анафема да будет." Между тем в других местах деяний заповедуется читать в церквах Испании и Галисии (включая сюда и Галлию Нарбонскую, подвластную вестготам) Символ Веры неизменно по образу церквей восточных. Поэтому некоторые считают слова "и Сына" более поздним прибавлением; но другие небезосновательно полагают, что так действительно и веровали арианствующие готы; а за ними постепенно и тогдашние римляне испанские. Cyriaqut Lampryloss, "La mistification on elucidation d'une page d'histoire ecclesiastique," Athenes, 1883.

Евхиты (мессалиане).

Во второй половине 4 в. в некоторых монашеских обществах Сирии и Малой Азии стали обнаруживаться странные воззрения, перешедшие затем в ересь. Находясь непрестанно в молитвах, некоторые монашествующие доходили до такого самообольщения, что свою молитву поставили превыше всего и единственным средством к спасению. Отсюда и название их — евхиты или мессалиане, что значит, в переводе с греческого и еврейского языков, молящиеся. Они учили, что каждый человек, в силу происхождения от Адама, приносит с собой в мир злого демона, во власти которого он весь находится. Крещение не освобождает человека от него; одна только усердная молитва может изгнать демона. Когда усиленной молитвой изгоняется демон, место его занимает Всесвятой Дух и обнаруживает свое присутствие ощутительным и видимым образом, а именно: освобождает тело от волнений страстей и совершенно отвлекает душу от наклонности ко злу, так что после этого ненужными становятся ни внешние подвиги для обуздания тела, ни чтение св. Писания, ни принятие таинств, ни вообще какой-либо закон. К этим заблуждениям, подрывающим все церковные учреждения, евхиты присоединили заблуждение чисто догматического характера: они отрицали троичность Лиц в Боге, представляя Лица формами проявления одного и того же Божества. Отказавшись от подвигов, первого условия монашеской жизни, монахи-евхиты проводили время в праздности, избегая всякого рода труда, как унижающаго духовную жизнь, и питались только милостыней: но в то же время, ощущая в себе мнимое присутствие Св. Духа, они предавались созерцаниям и в пылу расстроенного воображения грезили, что они телесными очами созерцают Божество. По этой особенности евхитов называли еще энтузиастами, а также корефами от мистических плясок, которым они предавались, или, по именам их представителей, лампецианами, адельфианами, маркианистами и проч. Евхиты по внешности принадлежали к Церкви и старались скрывать от православных свои мнения и учения. Только к концу 4 в. епископу Антиохийскому Флавиану удалось обличить их главу Адельфия, после чего духовная и светская власти стали их преследовать. Но евхитские воззрения тем не менее не уничтожились.

В 11 в. во Фракии снова становится известной евхитская ересь. Обыкновенно евхитов 11 в. упоминают в связи с евхитами 4 века, которые, не уничтожившись после церковного осуждения, продолжали существовать тайно в восточных монастырях в 5 и последующих веках. Так как евхиты 4 в. смотрели на все материальное как на зло, то легко могло случиться, что они в последующие века в круг своего миросозерцания приняли дуалистические воззрения

древнейших гностиков и манихеев. Из восточных монастырей евхиты проникли в монастыри фракийские и здесь в 9 в. стали известны под тем же древним названием евхитов или энтузиастов, но с видоизмененным учением. Учение евхитов 9 в. представляется в таком виде: Бог Отец имел двух сыновей: старшего (Сатанаила) и младшего (Христа). Старший господствовал над всем земным, а младший над всем небесным. Старший отпал от Отца и основал на земле независимое царство. Младший, оставшийся верным Отцу, занял место старшего; он разрушил царство Сатанаила и восстановил мировой порядок. — Евхиты 11 в. так же, как и древние их собраться, свою молитву ставили высшей степенью нравственного совершенства и единственным залогом спасения, равно как разными искусственными средствами достигали экзальтированного состояния, во время которого, как они уверяли, получали откровения и удостаивались видения духов. Магия и теургия, с присоединением еще живого магнетизма, были в ходу у евхитов. Ересь евхитов, исследованием которой занималось византийское правительство в 11 в., скоро растворилась в ереси богомильской, развившейся особенно в 12 веке.

Ересь павликиан.

Ересь павликиан появилась во второй половине 7 века. Основатель ее был некто Константин, родом из Сирии, воспитанный в гностико-манихейских воззрениях, остатки которых находили приверженцев на крайнем востоке даже в 7 веке. Один сирийский дьякон, в благодарность за оказанное гостеприимство, подарил Константину экземпляр св. Писания Нового Завета. Константин с ревностью принялся за его чтение. Так как Константин разделял гностико-манихейские воззрения, то встречавшиеся в св. Писании, особенно у апп. Иоанна и Павла, выражения о свете и тьме, духе и плоти, Боге и мире он понял в смысле дуалистическом. Кроме того, в посланиях ап. Павла он встретился с учением о христианстве как религии преимущественно духовной, о внутреннем самоусовершенствовании человека, о второстепенном значении обрядности в христианстве, в противоположность иудейству, о служении Богу в духе и т.п. И эти пункты учения Константин понял своеобразно, а именно, что христианской религии, как духовной, чужды всякая обрядность и всякая внешность и что истинный христианин достигает нравственного усовершенствования сам собой, без посредства каких-либо церковных учреждений. На таких мнимо-апостольских началах Константин задумал основать свою религиозную общину. По его представлению, господствующая православная Церковь отступила от апостольского учения, допустив, подобно церкви иудейской, множество обрядов и церемоний, несвойственных христианству как религии духовной. Предположив устроить свою общину, Константин мечтал возглавить апостольское христианство. Первая такого рода община основана была им в г. Кивоссе, в Армении, куда он удалился со своими последователями. Себя Константин назвал Сильваном, именем ученика ап. Павла, своих последователей — македонянами, а общину в Кивоссе — Македонией. Православные же всех последователей Константина, вследствие того, что они приурочивали учение и устройство своей общины к ап. Павлу, называли павликианами.

Учение павликиан представляет собой смесь гностико-манихейских воззрений с неправильно понятым учением ап. Павла. Они признавали Благого Бога или Небесного Отца, открывшегося в христианстве, и демиурга или миродержателя, Бога ветхозаветного. Демиургу приписывали творение видимого мира и вместе с тем тел человеческих, откровение в Ветхом завете и господство над иудеями и язычниками, равно как и господство над христианской православной Церковью, уклонившейся от истинного апостольского учения. Об образе со-

единения духовной природы с материальной, по учению павликиан,— определенных сведений не имеется. Относительно падения первого человека они учили, что оно было только неповиновением демиургу, и, следовательно, вело к избавлению от его власти и откровению Небесного Отца. Православное учение о Св. Троице павликиане приняли. Только воплощение Сына Божия понимали докетически, утверждая, что Он прошел через Деву Марию как через канал. О Святом Духе говорили, что Он невидимо сообщается истинно верующим, то есть павликианам, и особенно их учителям. Следуя неправильно понятому учению ап. Павла, еретики в устройстве своего общества отвергли всякую внешность и обрядность. Иерархия была отвергнута; по образу апостольской церкви, они хотели иметь только учеников апостольских, пастырей и учителей. Звание учеников апостольких присвоено было главам их секты, которые вместе с тем принимали и сами имена апостольких учеников, например, Сильвана, Тита, Тихика, и проч. Пастырями же и учителями были лица, заведовавшие отдельными павликианскими общинами; они назывались спутниками. Все эти лица не имели иерархической власти в православно-христианском смысле; они существовали только для поддержания единства среди сектантов. Богослужение павликиан состояло исключительно из учения и молитв. Храмов у них не было, так как, по их мнению, они составляют принадлежность плотской религии иудейской, а были только молельни; почитание икон и даже креста Господня отменено как идолопоклонство; почитание святых и их мощей отвергнуто; таинства со всеми их обрядами отвергнуты. Впрочем, не отвергая принцип крещения и евхаристии, павликиане совершали их невещественным образом, в духе. Они утверждали, что слово Христа есть вода живая и хлеб небесный. Поэтому, слушая слово Христа, они крестятся и причащаются. Посты, аскетизм, монашество — все отвергнуто как не имеющее никакого значения для спасения, но павликиане вообще проводили жизнь умеренную. Брак допускали и относились к нему с уважением. Источником своего учения павликиане признавали только св. Писание Нового Завета, кроме посланий ап. Петра. Вообще, в ереси павликиан проявились реформаторские стремления во имя неправильно понятого апостольского христианства.

Константин, принявший имя Сильвана, с успехом распространял основанную им секту в продолжение двадцати семи лет (657-684 г.). Император Константин Пагонат обратил внимание на сектантов и послал в Кивоссу своего чиновника Симеона уничтожить их общину. Константин был схвачен и казнен; многие сектанты отреклись от своей ереси. Но через три года сам Симеон, на которого община павликиан произвела сильное впечатление, ушел к павликианам и сделался даже главой их секты с именем Тит. В начале 8 в. павликианские общины все более и более распространялись по востоку. В середине 8 в. они утвердились даже в Малой Азии, а император Константин Копроним сам содействовал распространению их в Европе, переселив (752 г) часть их во Фракию. Так как павликиане относились неприязненно не только к Церкви, но и к государству, то почти все византийские императоры 9-11 веков старались смирить их силой. Несмотря на это, павликианские общины во Фракии существовали до 12 столетия.”

Духовное просвещение 4-10 веков.

Духовное просвещение во второй период.

Духовное просвещение, развившееся в значительной степени еще в 3 веке, с признанием христианства господствующей в греко-римской империи религией, в 4 в. достигло своего

высшего процветания. Обстоятельства, содействовавшие возвышению духовного просвещения, были внешние и внутренние. С одной стороны, более спокойные времена, наступившие вслед за гонениями, дали возможность многим из даровитых христиан посвящать себя занятиям богословскими науками, с другой — само состояние христианского вероучения вызывало усиленную деятельность на поприще духовного просвещения. Св. Писание было еще не вполне истолковано и изъяснено; многие догматы, рассуждения о которых начаты были в предшествовавшие времена, не были уяснены и не получили общецерковного определения. Христианским богословам предстояло, таким образом, обширное поприще для исследований. И действительно, в 4 и 5 вв. мы видим целый ряд замечательных богословов, посвятивших себя исследованию всех сторон христианского вероучения. Отличительные черты их — это разнообразие предметов, входивших в круг их миросозерцания, самостоятельность, оригинальность, ширина и глубина воззрений. Христианские школы, основанные в прежние времена, служили и теперь рассадниками духовного просвещения. Многие из великих отцов и учителей Церкви 4 и 5 веков обязаны им своим богословским образованием, хотя некоторые из них достигали обширных богословских познаний и самостоятельным трудом. С 6 века, вследствие разных неблагоприятных обстоятельств, богословские школы, а с ними и духовное просвещение, начинают приходить в упадок. Самостоятельных и оригинальных трудов по разным отраслям богословия больше уже не видно. Только в середине 9 в. на греческом востоке пробуждается опять любовь к просвещению и начинается усиленная умственная деятельность, направленная главным образом на изучение древне-классической литературы. Эта деятельность отразилась и на духовном просвещении.”

Богословские школы на Востоке в 4 и 5 веках.

В 4 и 5 вв. особенно замечательными богословскими школами на востоке были: ново-Александрийская, Антиохийская и Восточно-Сирийская (Эдесско-Низибийская). По своему направлению последняя примыкала к школе Антиохийской.

Школа ново-Александрийская. Богословская школа в Александрии была в славе еще в 3 в. Ориген довел ее до цветущего состояния. Он же упрочил в ней созерцательное направление. С начала 4 в. это направление стало колебаться. Ориген в своих догматических воззрениях и в толковании св. Писания доходил иногда до крайностей, так что входил в противоречие с церковным преданием. Эти крайности оригеновского умозрения отвергли представители Александрийской школы в начале 4 в., не отвергая в принципе установившегося созерцательного направления. В своих исследованиях о догматах веры, наравне с философскими умозрениями, они стали принимать во внимание и церковное предание, проверяя и доказывая им свои, выработанные, при помощи разума, воззрения на догматы. Вследствие такого несколько измененного направления школа называется ново-Александрийской. Стремление сообразовываться с церковным преданием в воззрениях на догматы веры составляет ее характерную черту.

Новое направление школе придал св. Александр, еп. Александрийский (326 г.), первый защитник Православия против арианства. Другой поборник Православия, еще более знаменитый, св. Афанасий Великий (373 г.), является лучшим представителем ново-Александрийской школы. У него глубокие умозрения в догматической области идут рука об руку с церковным преданием. Он всю жизнь провел в борьбе с арианами и другими еретиками. Его сочинения носят отпечаток этой борьбы. Такими являются его четыре слова против ариан. Кроме нескольких других догматических сочинений, св. Афанасий писал сочинения историко-

полемические и нравоучительные, например, послание об определениях Никейского собора в защиту единосущия, история ариан, написанная к монахам, жизнь Антония Великого и др.

К этой школе относятся: святые Василий Великий, Григорий Богослов и Григорий Нисский.

Св. Василий Великий родился около 330 г. Отец его Василий был знатным гражданином в Каппадокии. Семейство его славилось всеми христианскими добродетелями. Из среды его вместе с Василием шесть лиц причислены к лику святых. Во время гонения Диоклетиана, дед, с отцовской стороны, 7 лет скрывался с семьей в глухих лесах Понта. Начальное образование он получил под руководством матери Еммелии (Эмилии) и, в особенности, бабки Макрины, причисленных за святость жизни своей к лику святых. Первые правила красноречия слушал он от отца. Для завершения образования посетил знаменитые тогда города. В Афинах он изучал грамматику, риторику, астрологию, математику, философию, медицину и проявил в этих науках блестящие успехи. Тогда же он сблизился с св. Григорием Богословом и на всю жизнь остался его вернейшим другом. Возвратившись в Кесарию, он некоторое время был адвокатом. Приблизительно в 30-летнем возрасте он крестился и возведен был в звание чтеца. Около 357 г. он предпринял путешествие, изучая монашескую жизнь в Сирии, Палестине и Египте. Вскоре он сам поселился в пустыне близ Неокесарии, на берегу реки Ириса. Там навещал его св. Григорий. Молодые подвижники проводили время в молитвах и трудах, чтении св. Писания и изучении трудов Оригена. Плодом этих занятий был их общий труд “Филокалиа.” К Василию стали стекаться искавшие аскетической жизни. По берегам Ириса стали возникать монастыри. Св. Василий, ознакомившись с отшельничеством и общежитием Египта, не удовлетворившими его полностью, создал смешанную форму монашеской жизни, которая, совмещая светлые стороны обоих типов иночества, была свободна от их крайностей. Молитва и созерцание в его монастырях чередовались с физическим трудом, соответственным духовной собранности и простоте жизни монахов. Отличительной чертой его монастырей были широкая благотворительность и воспитание детей.

В бытность свою пресвитером в Кесарии, он вызвал в одно время ревность со стороны епископа Евсевия, а также слишком пламенную, в ущерб епископу, приверженность к себе паствы. Василий удалился в свои монастыри. Потом произошло полное примирение его с Евсевием и он до смерти последнего оставался при нем. В 370 г. он возведен на Кесарийскую архиепископскую кафедру. При нем в Кесарии был сильный голод. Продав часть своего имущества, св. Василий устроил бесплатные столовые, а его обличительные проповеди против жестокости богачей открыли их житницы и привлекли пожертвования. Св. Василий отличался особенным умением обращаться с людьми. Он обладал большим тактом и чувством меры, умея быть и властным. “Умевший благодарить улыбкой и порицать одним взглядом,” — говорили про него.

Св. Василий ревностно подвизался во время арианской смуты, посвящая свои силы защите Православия. Арианин император Валент виделся с ним в Кесарии, и он произвел на него сильное впечатление. Скончался он в 379 г. после тяжкой болезни. Последними словами святителя были: “В руки Твои, Боже, предаю дух мой!” Церковь присвоила ему звание Великого и чтит его как Вселенского Святителя и Учителя.

Василий Великий был многосторонний писатель. Из догматических сочинений его особенно замечательны три книги против Евномия, в которых весьма основательно опровергаются софизмы и диалектические тонкости главы строгих ариан; Книга о Святом Духе к Амфилохию, в защиту равенства Св. Духа с Отцом и Сыном, против духоборцев и др. По части толкования св. Писания, Василий оставил после себя замечательнейшее произведение: Беседы на шестоднев, то есть о шести днях творения мира. В них он раскрывает человеческому уму с бого-

словской и научно-фолософской точек зрения необозримую славу Творца Вселенной. Также замечательны его Беседы на псалмы, Толкование на 16 глав пророка Исайи и др. В объяснении св. Писания Василий Великий придерживался приемов Оригена, избегая, однако, его крайностей. Кроме того, Василий Великий написал несколько аскетических сочинений; между прочим, известны его Большие и Малые монашеские правила. Наконец, Василию Великому принадлежит чин литургии, носящий его имя и доселе.

Св. Григорий родился около 326-328 г. в Ариазне близ Назианза (в Каппадокии), где отец его был сначала градоначальником, а потом епископом. Как сын обета св. Григорий был посвящен Богу с самого детства благочестивой матерью Нонной, очень рано начал обнаруживать любовь к подвигам благочестия и во всю жизнь оставался девственником. Образование он получил сначала в Неокесарии у Амфилохия, знаменитого учителя красноречия, потом в Александрии и, наконец, в Афинах, где подружился со св. Василием Великим. У святых друзей в Афинах была одна комната, один образ жизни; им были знакомы только две дороги: одна — к св. храмам и находящимся при них наставникам в слове Божием, другая — к училищу, где они слушали наставников наук внешних; улиц, ведущих на зрелища, они не знали, считая недостойным внимания то, что не ведет к добродетели. В 365 г. св. Григорий принял крещение и с неохладеваемой ревностью продолжал изучать св. Писание и подвизался в богомыслии, посте и молитве. Пустыня сильно привлекала к себе св. Григория, но он решился остаться в доме родителей, чтобы в лице их служить обществу и в то же время жить строгим аскетом: одежда его была грубая, пищей служил ему хлеб с солью, питьем — вода, постелью — голая земля, постоянным занятием его было упражнение в слове Божием. Отличаясь особенной любовью к своим родителям и всегда относясь к ним с истинной сыновней почтительностью и трогательной заботливостью, св. Григорий, по настоянию отца, принял сан пресвитера. Тяготясь этим саном, которого не желал, св. Григорий удалился в пустыню к св. Василию Великому. Возвратившись оттуда примиренным в душе, он стал примирять и других: примирил назианзян со своим отцом, по простоте подписавшимся под коварным символом полуариан. В 372 г. св. Василий Великий употребил некоторые усиленные меры, чтобы склонить друга к принятию епископского сана. Св. Григорий считал себя, по своему глубокому смирению, недостойным этого сана, но убежденный доводами своего отца, хотя и неохотно, принял от св. Василия рукоположение во епископа г. Сасима. Между тем, по проискам врагов св. Василия, в Сасимы был назначен другой епископ, и св. Григорий уступил ему Сасимскую кафедру. Отец Григория, чувствуя свою немощь, сделал св. Григория своим помощником, и св. Григорий разделяя епископские труды своего отца, проповедовал слово Божие и посвящал пресвитеров. Вместе с этим, любвеобильный и отличающийся особенной нежностью чувства, св. Григорий был питателем нищих, служителем больных, упокоителем странных, утешителем бедствующих, защитником несчастных. После кончины отца, св. Григорий удалился в Селевкийский монастырь св. Феклы. В 379 г. св. Григорий, как опытнейший в делах веры, был приглашен православными для устройства дел в Константинополь, где 46 лет господствовали еретики. В одном лишь частном доме мог проповедовать св. Григорий, когда явился в столицу, и сначала перед малым числом православных. Заметив в православных наклонность к излишним толкам и спорам о предметах веры, св. Григорий старался внушить им, сколь бесполезны прения о вере и, напротив, сколь важно исполнение заповедей Божиих для желающих утвердиться в высоких истинах веры. В то же время св. Григорий с неотразимой силой убедительности рассеивал все возражения еретиков (ариан, евномиан, македониан, новатиан и аполлинаристов) и с неподражаемым искусством раскрывал истинное учение Церкви. Жители столицы, враги православия, прельщаясь только внешним блеском роскоши, сначала презрительно посмотрели на св. старца, согбенного под бременем лет, на его простую и

бедную одежду, на обнаженную его голову, на лицо его, изнуренное слезами покаяния; смеялись над самим происхождением его из безызвестного бедного селения. Св. Григорий, силой своего ума и красноречия, все злобные нападки врагов обратил в стыд им самим. Слава вдохновенного оратора росла быстро, и его проповеди стекались слушать даже сами еретики, а также иудеи и язычники. Он всех удивлял глубоким знанием св. Писания, суждением правильным и властным, воображением плодотворным и блистательным, теплотой и глубиной чувства, необычайной ловкостью объяснения, речью точной и сжатой. Слушатели волновались около кафедры, подобно бурному морю, громко выражали знаки одобрения рукоплесканиями и восклицаниями и записывали слова его. Ожесточенные и упорные враги православия за это преследовали св. Григория клеветой; врываясь с палками в среду его слушателей, старались угрозами разогнать их; настраивали против него народ; простирали свою ненависть даже до посягательства на жизнь св. Григория. Но мужественный поборник православия все это переносил с замечательным спокойствием и терпением.

Несмотря на опасность, грозившую всему православному миру того времени, не падал духом, а мужественно и непрестанно продолжал стоять на страже веры православной как “пастырь преизряднейший.” Самая частная жизнь св. Григория невольно внушала к нему особенное уважение даже его ожесточенных врагов. Ему незнакомы были ни публичные собрания, ни палаты вельмож; он питался скудной пищей, облекался в бедную одежду, не занимался тонкостями светского обращения, избегал всякого внешнего блеска, не изменял простоте своих нравов даже после необыкновенных успехов, которыми увенчались его труды в устроении св. дела Церкви. “В тишине храня паству свою непотоплену, якоже словесный ковчег,” он “струями мудрых учений Ариев ум иссушил” и всех “Троице научил покланяться боголепно.” В 381 г. на Втором Вселенском Соборе св. Григорий был признан достойным Константинопольской кафедры и председательствовал на Соборе после смерти Мелетия Антиохийского. Между тем другие епископы стали оспаривать кафедру у св. Григория. Смиренномудрый, кроткий и миролюбивый Григорий пожертвовал собой для покоя Церкви и упросил собравшихся на Собор епископов уволить его из Константинополя. Остаток жизни (около 8 лет) св. Григорий провел на родине. Продолжая заботиться о делах Церкви и борясь письменно с еретиками, св. Григорий вел строгий подвижнический образ жизни: ходил босой, имел только разодранную одежду, спал на голой земле или на ложе из древесных ветвей под прикрытием рубища и никогда не возжигал огня, чтобы согреть свое тело; пищей для него служил хлеб с солью, огородные овощи, питьем — вода, к которой он иногда примешивал немного уксуса. Свои лишения св. подвижник простирал до того, что иногда отказывался от употребления дара слова. Такой обет молчания хранил во время одной из четыредесятниц. За свои проповеди св. Григорий почтен был Церковью, подобно ап. Иоанну, именем Богослова: в своих исследованиях истин христианских св. Григорий, при свете Откровения, постигал столь глубоко и выражал столь полно и точно глубины Божества, как только возможно это для человека.

До нас дошли от него 5 слов о Богословии, слова похвальные, на праздники, защитительные, обличительные; кроме того, письма догматического и исторического содержания и стихотворения, отличающиеся высокой поэзией. Скончался св. Григорий в 389 г. В церковных песнопениях он прославляется как “благочестия поборник,” “сеятель правых догматов всечудный, отгонитель еретичествующих зело крепчайший,” “светлый светильник вселенныя, слава православия.” В 950 г. мощи св. Григория были перенесены из Назианза в Константинополь. Часть их была перенесена в Рим” (С. В. Булгаков. “Настольная книга”).

Св. Григорий, епископ Нисский, был младшим братом св. Василия Великого. Он был значительно моложе св. Василия. Образование его не было столь блестящим, как его брата.

Оно ограничилось посещением отечественных школ и не было восполнено образовательным путешествием в центры просвещения. Знания, приобретенные им в языческой школе в Кесарии, были восполнены занятиями со св. Василием, которого он всегда называл своим учителем и отцом. В ранней молодости он не отличался и религиозностью. Одно время его занимало преподавание риторики. Позднее, под влиянием благочестивой супруги Феосевии, вскоре скончавшейся, и аскетически настроенной семьи, он удалился в монастырь св. Василия. В 371 г. св. Василий посвятил его в сан епископа в Ниссу, но, по проискам ариан, Григорий был лишен кафедры и проводил жизнь странническую, ободряя и поддерживая православных в борьбе с арианами. Только после смерти Валента он смог занять кафедру. В 381 г. он был видным членом Второго Вселенского Собора. Не будучи администратором и выдающимся церковным деятелем, он известен своей плодотворной литературной и учено-богословской деятельностью. Как в своих богословских воззрениях, так и в толковании св. Писания, св. Григорий ближе всех св. отцов и учителей Церкви стоит к Оригену. У него то же стремление объяснять догматы по началам разума. В своем труде “Великое огласительное слово” он дает руководство, как действовать при обращении неверующих — иудеев и язычников, и представляет доказательства от разума относительно истинности христианства. По изъяснению св. Писания, известны его Беседы на Екклезиаста, Песнь Песней, Молитву Господню и др. Умер он после 394 г.

Собственно в Александрии замечательным представителем Александрийской школы после Афанасия Великого был слепец Дидим. Он еще на четвертом году жизни ослеп, но, несмотря на это, достиг громадной учености, так что сделался катехером Александрийской школы. Умер в 395 г. Дидим был жарким почитателем Оригена и даже разделял некоторые из его оригинальных мнений, но в богословких вопросах, занимавших тогда общество, напр., в учении о Сыне Божием и Св. Духе он строго держался православного учения. Дидим составил комментарии почти на все св. Писание; сохранились три книги о Св. Троице и книга о Св. Духе.

Еп. Арсений, отмечая в “Летописи,” что Дидим в свое время считался знаменитейшим ритором, философом, математиком и богословом, пишет: “Преп. Антоний Великий, посетив его в Александрии, сказал ему: “Не печалься, Дидим, о потере телесного зрения; ты лишился очей, какие есть и у мух, и у блох. Радуйся, что имеешь глаза, которыми видишь ангелов, Бога и Его свет.”

Св. Кирилл Александрийский был видным представителем школы в 5 веке. Он был племянником архиепископа Александрийского Феофила и, с 412 г., преемником его на кафедре. Под его руководством, он получил отличное образование, как в богословии, так и в прочих науках, особенно в античной литературе, и довершил свое воспитание у монахов Нитрийской пустыни. В 403 г. он вместе с Феофилом был на соборе под Константинополем, осудившем св. Иоанна Златоуста. Когда, после преставления святителя, константинопольский первосвятитель Аттик предложил Кириллу внести имя Златоуста в церковные диптихи, св. Кирилл отказался, что объясняют убеждением его в законности низвержения святителя Иоанна. Лишь в 418 г., благодаря убеждению своего друга, святого Исидора Пелусиота, смягчавшего суровый характер святого Кирилла, он исполнил предложение Аттика. С 419 г. деятельность св. Кирилла почти всецело посвящена борьбе с Несторием. Несмотря на то, что последнего поддерживал император Феодосий, и его сторону держали патриархаты Антиохийский и (отчасти) Иерусалимский, св. Кирилл, в конце концов, одержал полную победу над ним. В своих сочинениях он защитил и обосновал “веру Церкви” по спорному вопросу, и настолько полно и ясно, что его учение стало учением всей Церкви. Напомним, что он, опираясь на папу Целестина, созвал собор в Александрии, который одобрил выработанные им тезисы его учения и

изрек анафему Несторию (почему эти тезисы известны под именем анафематствований Кирилла). Третий Вселенский Собор в Ефесе в 431 г., при видном участии св. Кирилла, осудил Нестория и его ересь. Святитель умер в 444 г. Кроме труда о Юлиане Отступнике и 12 анафемствований, св. Кирилл написал сочинения о Святой и Единосущной Троице, пять книг против Нестория. По изъяснению св. Писания, он написал толкования на Евангелия от Луки и от Иоанна, послания к евреям, коринфянам и другие. В своих толкованиях он придерживался приемов Александрийской школы, т. е. аллегоризма.

Преп. Исидор Пелусиот может быть отнесен, хотя не в строгом смысле, к этой школе. Он родился в Александрии от богатых родителей благородного происхождения, которые дали ему превосходное образование. Еще в молодых летах он оставил светскую жизнь и, удалившись не гору близ г. Пелусии, предавался подвижнической жизни. Но и в пустыне он не оставлял занятий науками, посвятив себя изучению богословия. С целью усовершенствования, Исидор ездил в Константинополь и слушал св. Иоанна Златоуста. По возвращении оттуда, он снова удалился в пустыню, где вскоре вокруг него собралось общество подвижников. Святой подвижническою жизнью, умом и образованием приобрел величайшее уважение современников. Его советы и наставления принимались всеми, не исключая епископов, вельмож и даже императора, как советы и наставления отца. Умер он около 440 г. Сочинения его состоят из писем, которых сохранилось более 2000. Содержание их разнообразно; большей частью — экзегетическое. Отличительная черта его изъяснений св. Писания — простота и ясность. В письмах догматического содержания он является ревностным защитником православного учения, чуждым страстности и увлечения. В письмах нравственного содержания преп. Исидор является замечательным наставником благочестия.

Св. Кирилл и преп. Исидор были последними наиболее замечательными писателями ново-Александрийской школы. Еще при жизни их некоторые из александрийцев довели направление Александрийской школы до крайности, разрешившейся после их смерти ересью монофизитской. Преп. Исидор замечал уже начатки этой ереси в Египте и писал по этому поводу несколько писем. С появлением монофизитства ново-Александрийскиая школа потеряла свое значение для православной Церкви.

Антиохийская школа. Она основана была в конце 3 в. В 4 в. она достигла своего высшего процветания. Направление ее было отлично от направления Александрийской школы. Антиохийская школа отвергала всякую отвлеченность в понимании догматов. Ясное и отчетливое понимание христианского вероучения на основании прямых указаний св. Писания и изложение его по правилам логического мышления составляло отличительную черту антиохийских богословов. Что касается толкования св. Писания, — которым Антиохийская школа занималась преимущественно перед Александрийской, — то оно состояло главным образом в исследовании прямого буквального смысла, при пособии филологии, археологии, и т.п. Аллегоризм и мистицизм в толковании Писания вообще очень мало ценились в Антиохийской школе. Последняя, как бы дополняя Александрийскую школу, принесла большую пользу духовному просвещению. К сожалению, некоторые из антиохийских богословов (Диодор тарсийский, Феодор мопсуетский и др). довели направление Антиохийской школы до крайности и упрочили в ней тот рационализм, который в 5 в. с такой силой заявил себя в несторианской ереси. Из числа ее представителей, чуждых ее крайностям, в 4 и 5 вв. замечательными были следующие:

Св. Кирилл, еп. Иерусалимский (314-386). Воспитанный при иерусалимской Церкви, он около 346 г. был поставлен пресвитером, а в 356 г. — епископом. Время служения его Церкви было временем борьбы ее с арианами. Он поражал их словом и делом. За это он подвергался

преследованию со стороны известного арианина, Акакия, епископа Кесарийского, от которого ранее получил посвящение. Он объявил его лишенным кафедры. При имп. Юлиане он получил опять кафедру, но при Валенте вынужден был ее оставить. Только со вступлением на престол Феодосия Великого (379) он мог утвердиться на своей кафедре. В 381 г. он был на втором Вселенском Соборе в числе ревностных защитников Православия. Умер он в 386 г. Из оставленных им сочинений преимущественно обращают на себя внимание 23 огласительных поучения, из коих 18 к готовящимся к крещению и 5 к новокрещенным. Это спокойное, ясное и удобопонятное изложение догматов веры по членам Символа, без всяких умствований, с присоединением опровержения древних и современных ему еретиков.

Св. Иоанн Златоуст. Он был одним из лучших и замечательнейших представителей Антиохийской школы, чуждый ее крайностей. Родился он около 347 г. в Антиохии; первоначальное воспитание получил под руководством благочестивой матери Анфусы. Светские науки, особенно красноречие, изучал он под руководством Ливания, а изъяснения св. Писания у учителя, пресвитера Диодора. Занимая константинапольскую кафедру, св. Иоанн заботился об исправлении клира, привыкшего к богатству и роскоши, возбудив этим вражду многих клириков и даже нескольких епископов. Было много недовольных им и среди знати за его проповеди против роскоши и зрелищ. Наконец, против него была и императрица Евдоксия.

Таким недовольством против святителя воспользовался архиепископ Александрийский, Феофил, человек гордый и властолюбивый, сделавшийся его врагом без всякого повода со стороны св. Иоанна. Преследуя монахов нитрийской пустыни за оригеновкое направление, Феофил (хотя до того времени сам был в числе почитателей Оригена) разорил их кельи, а самих осудил и изгнал из Египта. Монахи ушли в Константинополь и просили св. Иоанна принять участие в их судьбе. Златоуст принял их так, как требовала христианская любовь — дал им приют, но до церковного общения не допустил. Он даже писал Феофилу, прося простить их. Но последний был раздражен этим делом и обвинил св. Иоанна в нарушении церковных канонов, запрещающих принимать в общение осужденных епископом другой епархии до рассмотрения дела собором. Златоуст желал теперь совсем уклониться от дела нитрийских монахов, но они нашли доступ к императору Аркадию и просили передать их дело с Феофилом на суд столичного епископа. Таким образом, св. Иоанн невольно должен был сделаться судьей Феофила. Но последний решил сделаться лучше судьей, чем подсудимым. Прибыв в предместье Константинополя, Халкидон, он решил судить св. Иоанна. Вступив в сношение с его врагами, он в 403 г. составил в Халкидоне собор (под Дубом) из епископов, приехавших с ним, и некоторых епископов константинопольского округа, недоброжелателей Златоуста. Здесь рассматривались ложные жалобы на св. Иоанна, принесенные низложенными и недовольными клириками. Златоуст не знал даже, в чем его обвиняют. Феофил со своим собором осудили св. Иоанна и низложили, выставив причиной оригенизм и оскорбление царского величества. Св. Епифаний Кипрский, вызванный обманом на собор для суда над св. Иоанном за оригенизм, покинув собор, до окончания его, сказал врагам Златоуста: “Оставляю сам столицу, двор и лицемерие.”

Имп. Аркадий, под влиянием Евдоксии, утвердил решение и отправил Златоуста в ссылку. Заволновался народ. Случилось землетрясение. Устрашенная Евдоския упросила Аркадия вернуть св. Иоанна. Торжественно было его возвращение через три дня. Святитель требовал созыва собора, который — 65 епископов — оправдал бы его от возведенных обвинений и восстановил на кафедре. Царь и народ просили его поскорее занять кафедру. Феофил, видя такой исход дела, вернулся в Александрию. Его приглашали в Константинополь для пересмотра дела, но он отказался.

Обострились отношения святителя с Евдоксией. На площади, недалеко от кафедральной церкви, поставлена была серебряная статуя императрицы. Шумные восклицания народа вокруг статуи заглушали богослужения. Святитель безуспешно просил префекта прекратить шум. Тогда он произнес пламенную проповедь против бесчинств. Евдоксии донесли, что святитель называл ее беснующейся Иродиадой. Она настояла на том, чтобы епископы, осудившие Златоуста и еще не разъехавшиеся, осудили его вновь. Те осудили его за то, что низложенный собором, он занял кафедру по распоряжению гражданской власти. Это было в 404 г. Слабохарактерный Аркадий приказал солдатам схватить св. Иоанна. Его отправили в Кукуз на границе Армении. В 407 г., когда обнаружилось, какую всеобщую любовь приобрел там святитель, враги его добились перевода Златоуста в Пифиунт. По дороге туда, св. Иоанн, истомленный страданиями, преставился в 407 г., в Понте, недалеко от нынешнего Коман (Токат) у склепа св. Василиска. Последним его словами были: “Слава Богу за все.” При константинопольском патриархе Прокле, ученике Златоуста, мощи последнего были, в 438 г., торжественно перенесены в Константинополь.

Св. Иоанн Златоуст обладал необыкновенной проповеднической способностью. В своих беседах он изъяснял преимущественно св. Писание. Отличительные черты его толкования — простота, наглядность, общедоступность и увлекательность. Не отвергая аллегорического изъяснения Писания, он обращал преимущественное внимание на смысл буквальный. Ему принадлежат: Беседы на Евангелие Матфея, послания к Римлянам, 1-е Коринфянам, Галатам, Ефесянам и прочим. Из догматических его бесед замечательны: 12 бесед о непостижимом против Евномия, о провидении, против иудеев и язычников. Он оставил обширное сочинение о священстве в 6 книгах. Это — глубокомысленный трактат о значении и важности пастырского служения и о качествах, требующихся от пастырей. Ему принадлежит чин литургии, носящий его имя.

Блаженный Феодорит, епископ Кирский. Родился он в Антиохии в 386 г. На него имела большое влияние мать. Богословское образование он получил в Антиохийском училище, вместе с Несторием. Он рано поступил в монастырь св. Евтропия и был там чтецом. Жизнь его до епископства мало известна. Сделавшись в 422-3 г. епископом г. Кира на Евфрате, он приобрел громкую славу общественного деятеля, пастыря и писателя. Он был весьма образованным богословом 5 века, являл пример христианского аскетизма и глубины христианского умозрения. С молодости он стремился к бедности и уединению. Первое влечение он мог удовлетворить, раздав еще в Антиохии часть своего имущества, остальную употребляя на украшение Кира. Главной же заботой его было обращение еретиков, которых в Сирии было множество. Обладал он и ораторским искусством. Как друг и однокашник Нестория, Феодорит, во время несторианских споров стоял за Нестория. Выступал он против св. Кирилла Александрийского. Но затем он отказался от Нестория. Решительно выступил он против монофизитской ереси Евтихия и претерпел за это скорби. На разбойничем соборе в Ефесе Феодорит был низложен. Поруганный, он удалился в монастырь, откуда обращался к папе Льву, в поисках правды. После смерти императора Феодосия, в 450 г., император Маркиан восстановил Феодорита в его правах, Халкидонский Собор принял его как епископа и признал его вероучение правильным. Умер он во время общего признания его заслуг, но и после его смерти его имя и учение подвергалось гонениям со стороны монофизитов. Он был глубоким и разносторонним писателем. Самый важный его труд — “История Церкви,” состоящий из 5 книг. Отличается он беспристрастием, основан на подлинных документах, которые иногда приводятся полностью. Из сочинений его, кроме полемических в защиту Нестория и в опровержение монофизитства, особенно замечательны следующие: Толкование на Псалмы, Песнь Пес-

ней, на Пророков и послания ап. Павла, “Врачество против языческих заблуждений.” Умер он в 457 г.

Школа Восточно-Сирийская (Эдесско-Низибийская). Эта школа, по своему направлению, примыкала к Антиохийской. Учителя последней и их произведения были у нее в большом почете. Основана она была преп. Ефремом Сириным, который и был ее первым и лучшим представителем. Родился он в Низибии в самом начале 4 в. По сказанию сирского жизнеописания, он был сыном языческого жреца, который за обращение его к Христу изгнал Ефрема из родительского дома. Сам называет себя “неученым и малосмысленным.” В этом сказалось его смирение. Его учености удивлялся св. Василий Великий. По его сочинениям видно, что он хорошо знаком был с произведениями не только христианских ученых, но и с “эллинской мудростью,” с языческой мифологией и началами тогдашнего естествознания. В проповедях он говорил о пользе знания и образования, которые, по его выражению, “выше богатства.” Воспитывался преп. Ефрем под руководством св. Иакова Низибийского и сначала был учителем сирийского языка в основанной им в Низибии школе. В 262 г., после неудачной войны Юлиана Отступника в персами, Низибия отошла к последним. Ефрем переселился в Эдессу, где основал новую богословкую школу. В ней он толковал св. Писание и поучал вере и благочестию. Совершил он незадолго до смерти путешествие в Египет к тамошним подвижникам. Скончался он в 373 г., в Эдессе в сане дьяиакона.

Число его сочинений достигало до 1000, не считая составленных им и вошедших отчасти в богослужебное употребление молитв, а также стихотворений, излагающих церковние учение и положенных на народные напевы. Первое место среди его сочинений занимают его толкования на св. Писание, дошедшие до нас не вполне. Особенную цену его толкованиям придает знание им еврейского языка, этнографии и географии Палестины. Его богословие строго охранительного направления. Из знакомства с “эллинской мудростью” он вынес о ней отрицательное впечатление, отчего свое теоретическое миросозерцание обосновывает исключительно на религиозных началах, на т. н. вере Церкви. Даже в своих сочинениях против еретиков он не входит в научное обсуждение их еретичества, а довольствуется указанием на несогласие их с верой Церкви и глубокой скорбью о нечестии вольнодумцев. Очень хороши его проповеди, особенно нравоучительные. Он не столько доказывает, сколько высказывает свои мысли и чувства. “Сирский пророк,” как называли его современники, является здесь в своей прирожденной сфере. Он истинный и настоящий проповедник в христианском понимании. Его слова чужды искуственной конструкции и условной риторики. Проповедь его обращается в настоящую гимнологию. Господствующие доводы в его проповеди, удачная выдержка из св. Писания; главное содержание — учение о жизни для Бога и в Боге. Несоответствие действительной жизни христианского общества с христианским идеалом наполняет его душу неутешной скорбью. Его проповедь покаяния не есть проповедь мрачного и безотрадного состояния духа. Он обращает слушателя к христианскому учению о благости Божией. Уныние выставляется им как тяжкий грех. Из его трудов замечательны: толкование на Пятикнижие, Иисуса Навина, Судей, Царств, Паралипоменон, Иова, великих Пророков и некоторых малых, на послания ап. Павла и др. Оставил он также сочинения полемические и аскетические.

Эдесская школа, основанная преп. Ефремом, служила учебным заведением, в котором получали образование пастыри и учителя сирской Церкви. Впрочем, вскоре эта школа, вслед за Антиохийской, стала проводить односторонние взгляды на догматы и постепенно сделалась еретической. В 5 в., во время борьбы Церкви с несторианством, учителя ее высказались в пользу Нестория и против св. Кирилла Александрийского. Таков был известный ученый пре-

свитер Ива, впоследствии епископ Эдесский. После Ивы, который еще колебался между православием и несторианством, при Фоме Варсуме, Эдесская школа стала решительно склоняться к несторианству и, перенесенная после разрушения ее, в Низибию, сделалась средоточием несторианкой учености.

Великие Святители Восточной Церкви.

Святитель и чудотворец Николай, архиепископ Мирликийский, еще в детстве проявлял особенные знамения благодати, почившей на нем, и затем во всю свою жизнь был строжайшим постником и подвижником благочестия. Дядя его, епископ города Патар (в Малой Азии, в области Ликии), усмотрев особенные его дарования, посвятил его в священники. Вскоре после этого скончались родители св. Николая, и он все имущество, оставшееся от них, раздал бедным. При этом он всячески заботился о том, чтобы помощь его шла на истинную пользу не только тела, но и души бедных, и любил раздавать милостыню тайно, чтобы имя его оставалось в неизвестности (помощь обедневшему купцу для устроения трех его дочерей).

Будучи пресвитером, он посетил Палестину, для поклонения святым местам, и желал совсем удалиться в пустыню, чтобы служить единому Богу, но на молитве был ему голос: “Николай! Тебе должно подвизаться среди народа, если желаешь получить венец от Меня.”

Случилось, что во время путешествия он прибыл в город Миры. В Мирах в это время скончался епископ. Собрались епископы соседних церквей для избрания нового епископа. Одному из них было откровение, чтобы избран был тот священник, который на другое утро раньше всех придет в церковь. Святой Николай прибыл в этот город накануне, встал в полночь, по своему обычаю, для молитвы и затем поспешил в храм. Здесь объявили ему о Божием избрании.

В сане епископа святитель Николай отличался особенно кротостью, смирением и незлобием. Двери его скромного жилища были целый день открыты для всех, нуждающихся в его наставлениях. Во время гонения от Диоклетиана он претерпел темничное заключение. Возвратившись к своей пастве при Константине Великом, он был на Никейском вселенском соборе, где с особой силой восстал против Ария. Так как ересь Ария нашла себе много приверженцев среди ученых и придворных, и некоторые даже из епископов думали, нельзя ли как примирить ее с православным учением, то святитель Николай счел своим долгом прямо и решительно перед всем собранием осудить нечестивое учение Ария.

После возвращении из Никеи, святитель продолжал управлять паствой в духе кротости и по-отечески заботился о всех. Вот примеры его отеческого попечения о нуждах паствы. Один раз, по случаю мятежа во Фригии (соседняя с Ликией область), император послал туда трех военачальников с подчиненными им воинами. На море застигла их буря, и они высадились на берег в Ликийской епархии. Тут воины стали обижать жителей и силой отнимать у них то, что должно было по добровольному соглашению купить. Святитель Николай немедленно прибыл на это место и убедил воевод, чтобы они, наказав своих воинов, держали их в должном повиновении.

Между тем, в его отсутствие, правитель Мир-Ликийский по наветам злых людей, несправедливо осудил на смерть трех граждан. Некоторые из жителей г. Мир пришли к Святителю и рассказали ему об этом. Святитель Николай поспешил в город и, придя на площадь, увидел, что осужденные со связанными руками уже лежали на земле, и палач вынимал меч, чтобы отсечь им головы. Он отнял у палача меч, развязал невинных и поднял с земли. Затем объяснил правителю неправильность его суда и убедил отменить его приговор.

Святитель Николай скончался в глубокой старости (декабря 6 дня 343 года) и был погребен в соборной Мирской церкви. Впоследствии мощи святителя Николая перенесены были в 1087 г. в гор. Бари — в Италии, где покоятся и доныне. Праздник перенесения мощей святителя Николая 9-го Мая.

Св. Мелетий, епископ Антиохийский получил свой сан в самый разгар арианских смут. Ариане составляли большинство во время его выборов. Но очень вскоре они убедились в своей ошибке. Св. Мелетий начал открыто исповедовать истинное православие. Ариане добились через месяц его удаления. В начале правления Юлиана, он был возвращен. Во время его отсутствия был назначен арианский епископ. Строго же православные выбрали епископом пресвитера Павлина, совершавшего для них богослужения после ссылки Мелетия и ставшего их епископом перед возвращением святителя. Они не принимали к себе тех ариан, которые возвращены были в истинную Церковь проповедью Мелетия, а также не признавали и последнего, как избранного арианами. Кроткий Мелетий не отрицал епископства Павлина и спокойно пас свое стадо. Вскоре он снова был изгнан по приказу Юлиана. Благочестивый царь Иовиан вернул его на кафедру и почитал святителя. При Валенте он был снова изгнан. Царь Грациан вернул его. Продолжались несогласия с павликианами, но по царскому указанию настоящим архипастырем признан был Мелетий, оставивший Павлина пасти своих последователей. Очень почитал св. Мелетия имп. Феодосий. Не зная Святителя, император во сне видел Мелетия, венчающего его на царство. Он узнал Святителя, когда тот, в числе других иерархов, прибыл в Константинополь на Второй Вселенский Собор, председателем которого был избран, но непосредственно после этого преставился (381 г.). Святители Златоуст и Григорий Нисский составили ему панегирики. Из его сочинений известны “Слово при вступлении на Антиохийскую кафедру” и “Исповедание веры,” в которых он безусловно отрицает арианство.

Духовное просвещение на Западе в 4 и 5 веках.

В первые три века духовное просвещение сосредоточивалось преимущественно в Церквах восточных. Западные далеко отстали от них в этом отношении. Если и появлялись в западных Церквах замечательные и оригинальные писатели, например, из северо-африканской школы, то они были чужды всестороннего богословского образования, не знали и не хотели знать ни философии, ни умозрений в области догматической. Но в 4 в., во время арианских споров, и западные церковные писатели, вовлеченные в эти споры, по необходимости должны были познакомиться с догматическими умозрениями восточных писателей, и подобно им, вести борьбу с еретиками на научной почве. В этом случае, западные писатели брали за образец писателей ново-Александрийской школы и являлись их подражателями. Из западных писателей замечательны:

Иларий, епископ пуатьеский. Он происходил из благородной языческой фамилии, принял крещение уже в мужественном возрасте вместе с женой и дочерью. Около 350 г., в самый разгар борьбы с арианами, Иларий был избран в епископа своего отечественного гор. Пуатье. Вскоре ему пришлось вступить в борьбу с арианами, именно, в 355 г., на медиоланском соборе, в присутствии имп. Констанция. Он защищал с другими западными епископами св. Афанасия. За это он с другими епископами сослан был на восток, во Фригию. Здесь он ближе ознакомился с догматическими воззрениями ново-Александрийской школы. После четырехлетней ссылки, Иларий возвратился на свою кафедру и ревностно заботился об уничтожении в галльской Церкви арианства. Умер он в 368 г. Заслуги его для Церкви так ценили, что назы-

вали Афанасием запада. По своим догматическим воззрениям он, не будучи самостоятельным писателем, примыкал к писателям ново-Александрийской школы. Среди его сочинений самыми замечательным считается о Св. Троице в 12 книгах, написанное во время заточения во Фригии.

Святитель **Амвросий Медиоланский**. Он родился в 340 г., происходил из знатной римской фамилии. Занимал должность консулярия (губернатора) провинций Емилии и Лигурии, живя в Медиолане (Милане). Престол миланской церкви, в течение двадцати лет, занимался арианами. После смерти еп. Авксентия, арианина, собрался в храме народ для избрания ему преемника. Православные и ариане желали иметь епископа своего исповедания, и от споров дело начало доходить до борьбы. Для наведения порядка туда прибыл Амвросий. Едва он показался в храме, как раздался детский голос: "Амвросий — епископ," что принято было всеми за указание свыше. Амвросий поставлен был епископом, хотя принял крещение только перед самым посвящением. В семь дней он прошел все церковные степени и посвящен во епископа 7 декабря 374 года. Предавшись изучению творений великих отцов Восточной Церкви: Афанасия Вел., Кирилла Иерусалимского и Василия Великого, он дополнил скудость своего прежнего духовного образования и был одним из красноречивейших проповедников Западной Церкви. Самым важным красноречивым свидетелем этого является блаж. Августин, который, увлеченный прекрасной формой и глубоким содержанием его проповеди, под влиянием ее, крестился. Проповеди его грешат иногда большими отступлениями и чрезмерной иносказательностью. Амвросий был замечательным писателем. Его творения изобилуют весьма ценными практическими замечаниями и оказывали большое влияние. В своих трудах он опирался на св. Кирилла Иерусалимского и св. Василия Великого. Это заметно в сочинениях "Таинство," где чувствуется влияние первого, и о "Вере" и "Св. Духе," где отражается влияние второго. Из нравоучительных сочинений его особенно замечательно "О должностях служителей," то есть Церкви, в трех книгах. Он доказывает в нем превосходство христианского учения перед языческим. По части толкования св. Писания, Амвросий писал только преимущественно объяснения на отдельные исторические сказания. Во всех его объяснениях проглядывается оригеновский аллегоризм и мистицизм. Шестоднев св. Амвросия является почти полным переводом Шестоднева св. Васлия Великого.

Св. Амвросий известен и как преобразователь церковного пения. До него пение на западе состояло из монотонного и безыскусственного речитативного пения псалмов и молитв, с незначительным лишь повышением голоса. По примеру восточной и, особенно Сирийской Церкви, он ввел размеренный такт, правильные ритмы и придал разнообразие мелодии пения. Приходилось часто Амвросию, особенно в дни страстной седмицы, проводить в богослужении целые ночи и успокаивать возмущенный правительством народ. С целью ободрить молящихся он ввел антифонное, — то есть на два лика, пение и песни во славу Трипостастного Бога. Пение это употреблялось на Востоке еще со времен Игнатия Богоносца, а на Западе только теперь в первый раз. Когда имп. Юстина, мать имп. Валентиниана II, арианка, опасаясь народного возмущения и вторжения из Галлии, прекратила гонения на православных, св. Амвросий, по этому случаю составил благодарственный гимн-молитву "Тебе Бога хвалим" (386 г.). Скончался он в 397 г. Из Медиолана пение быстро распространилось, и в течение 5 и 6 вв. Амвросиево пение господствовало по всему западу.

Блаженный Иероним был одним из ученейших писателей Западной Церкви. Родился он вернее всего между 340 и 342 гг. (указываются также 331 и 346 гг). в Стридоне, городке, находящемся на границе Далмации и Паннонии. Родители его были благородного происхождения и благочестивыми христианами. Школьное образование получил он в Риме, богословским же образованием обязан Востоку. Нравственные устои, заложенные в семье, взяли верх

над низменными порывами и увлечениями молодости. С момента крещения, он определенно вышел на аскетический путь. С этих пор он любил посещать катакомбы и пещеры подвижников. Он отправился в Палестину для поклонения св. местам. Затем он поселился в Халкидской пустыне, сосредоточии сирийского подвижничества, где он провел 5 лет в тяжелых условиях отшельнической жизни и научных занятий. Там он начал изучение еврейского языка. Прибыв в Антиохию, он поставлен был пресвитером православным епископом Павлином. Продолжал научные занятия. Побывав в Константинополе, он слушал проповеди св. Григория Богослова и вел ученые беседы с св. Григорием Нисским. К этому времени относится его увлечение Оригеном. Папа Дамас вызвал его в 381 г. в Рим, как знатока Антиохийской Церкви, дела которой обсуждались на происходящем там соборе. По поручению папы, он начал тогда пересмотр и исправление латинского перевода Библии. В это время он написал много нравственно-назидательных писем. У него появилось много врагов, укором для которых была его подвижническая жизнь и неприятна была та резкость, с которой он обличал нравы тогдашнего Римского общества. После смерти папы Дамаса, он удалился в Палестину. Совершив путешествие по св. местам Палестины, Сирии и Египта, повидав преп. Исидора Пелусиота, он в 387 г. прибыл в Вифлеем. Он поселился в устроенном им же самим монастыре. Главным занятием его в это время был перевод св. Писания на латинский язык. Отсюда же он писал много писем на запад, между прочим, против появлявшихся там разных лжеучителей. Перевод его Библии не лишен некоторых недостатков, но — в общем — красота, выразительность и ясность речи сочетались с точностью словесного выражения. Его труд и тогда вызывал возражения. Но при папе Григории Великом он был принят во всеобщее употребление в латинской Церкви, а с 13 в. сделался известным под общим названием “Вульгаты.” В Вифлееме определилось и изменение его отношения к трудам Оригена. Он сделался ярым обличителем его заблуждений. Выступал он против пелагиан. Нравственно-аскетическая деятельность Иеронима, как христианского аскета, нашла широкое выражение в многочисленных письмах. Большинство из них имеет нравоучительно-аскетический характер. Как опыты живого воспроизведения возвышенно-подвижнической жизни, из под пера Иеронима вышли три в высшей степени поучительных жизнеописаний подвижников — Павла Фивейского, Малха монаха и св. Илариона. Но главнейшие работы Иеронима составляют его библиологические и исторические труды. Он был преимущественно ученым библеистом и историком. О его главном труде “Вульгате” сказано выше. В области истории Иероним перевел на латинский язык “Хронику” Евсевия. Написал он “Каталог о знаменитых мужах,” в котором тоже, главным образом на основании истории Евсевия, представил в последовательном изложении обзор всей христианской литературы, закончив 14 годом правления имп. Феодосия младшего.

В общем, Иероним был несомненно многознающим ученым, искусным ритором, человеком, проникнутым глубоким христианским чувством и воодушевлением, хорошим стилистом, но не глубоким мыслителем-богословом. Он являлся выразителем догматических взглядов, заимствованных, главным образом, у Григория Богослова и Григория Нисского. Его аскетика составляет весьма ценный и плодоносный источник для уяснения начал христианской нравственности. В отношении библиологии он приближается по значению к Оригену, в области истории — к Евсевию Кесарийскому (Прав. Богосл. Энциклоп.”). Скончался он в 420 г.

Блаженный Августин, епископ Иппонский (353-430). Сын язычника Патриция и благочестивой христианки Моники. От матери он унаследовал свою горячую, любящую натуру, и по ее молитвам, обратился в христианство. Ранняя его жизнь была бурная. Когда он получил начальное образование на своей родине (в Тагасте, в Нумидии), его честолюбивый отец, польщенный его успехами, отправил его на 16 году, в Карфаген, где он учился три года. Тво-

рение Цицерона пробудило в нем любовь к истине. Но сначала его не удовлетворило чтение Библии, как позднее и разные философские и религиозные школы. Одно время он преподавал риторику в Тагасте и в Карфагене, но как учитель особенного успеха не имел. Все же префект Римский отправил его в Медиолан в качестве преподавателя. Так и произошел у него перелом, под влиянием Святителя Амвросия. Став в 395 г. епископом, Августин вел неустанную борьбу против разных ересей. Под его ударами пали манихеяне и донатисты, пелагиане и полу-пелагиане. Творения, составленные им в разгар этих споров, принесли ему бессмертие и дали тон и направление всему последующему богословию западной Церкви. Особенно замечательны два его произведения: “Исповедь,” в которой он в высшей степени смиренно и откровенно, с полным признанием всех своих греховных увлечений, обозревает жизнь до самого своего обращения. Таким образом, эта книга в одно и то же время представляет собой и источник глубокого религиозного назидания, и самую надежную автобиографию. Другим важным творением является “О граде Божием.” Блаж. Августин один из учителей вселенской Церкви, которого почитают все христианские исповедания. Он был также и величайшим проповедником, который быстро составлял свои проповеди. Конечно, над многими из них он работал предварительно. Но еще большее число их явились плодом мгновенного вдохновения. Он не был таким ученым, как блаж. Иероним, так как не знал еврейского языка и слабо знал греческий, но у него было более глубокое духовное понимание св. Писания, чем у кого либо из западных учителей Церкви. Замечателен он был своей решимостью в защиту истины, бесстрашием при этом и возвышенным духом.

После Августина выдающихся писателей в западной Церкви не было, кроме разве папы Льва I Великого (440-461), который написал известное послание к константинопольскому архиепископу св. Флавиану о соединении в лице Иисуса Христа двух естеств, против Евтихия.

Духовное просвещение в 6-8 веках.

С 6 в., или даже в половины 5 в., начинается упадок духовного просвещения. Разные богословские вопросы, требовавшие разрешения, получили его в предшествовавшие века на соборах, при участии великих отцов и учителей Церкви. Новых вопросов, начиная с 6 в., не поднимается более. Если в 7 в. и был поставлен новый вопрос о волях в Иисусе Христе, то решение его дано было раньше отцами, боровшимися против монофизитства. Таким образом, материал православно-христианской догматики был дан и разработан. Интереса к новым догматическим исследованиям не было. Даже более, — по понятиям богословов 6-8 веков, — было опасно пускаться в новые догматические исследования, т. к., при новой разработке богословских вопросов, представлялось возможным отступить от учения древних отцов и погрешить против православия. Богословам оставалось только собирать завещанный прежними веками, богословской материал, изучать его и применять к обстоятельствам своего времени. Следствием такого направления богословской мысли был упадок самостоятельной богословско-литературной деятельности, а вместе с тем, и упадок духовного просвещения. С другой стороны, упадок духовного просвещения обусловливался стечением многих неблагоприятных обстоятельств церковной и политической жизни Востока и Запада. Так, вмешательство византийских императоров не только в церковное управление, но и разрешение богословских вопросов, стесняло всякое проявление самостоятельной деятельности в области духовной.

Императоры своими указами повелевали всем мыслить о религиозных вопросах так, а не иначе. Такие указы издавались во множестве во времена монофизитских и монофелитских волнений. Во время иконоборства давление императоров дошло до крайних пределов. Пре-

следуя и губя иконопочитателей, императоры иконоборцы преследовали и губили духовное просвещение. Они преследовали монахов, из которых многие были учителями и переписчиками книг, истребляли книги и даже целые библиотеки и тому подобное.

Падение классического образования также неблагоприятно повлияло на духовное просвещение. Языческий культурный мир, отстаивавший, между прочим, науки и искусства, угас в 6 в. окончательно. Последние классические школы в Афинах, в которых преподавались древняя словесность и Платонова философия, были закрыты Юстинианом I. А так как в классических школах получали образование христиане и даже отцы Церкви, то, с закрытием их, прекратились и средства к получению общего образования. Юстиниан, к тому же, прекратил жалование публичным наставникам и тем нанес окончательный удар образованию.

Наконец, арабы-мусульмане и варварские народы, своими почти постоянными вторжениями в области империи, довершали количество неблагоприятных условий для развития духовного просвещения. Целые христианские области предавались огню и мечу, при этом уничтожались школы, произведения искусств и наук. При халифе Омаре погибла в огне знаменитая Александрийская библиотека. Готы и особенно вандалы и др. варварские народы своими опустошительными набегами также отнимали все средства, — главным образом на Западе, — к духовному просвещению. Вообще тревожная политическая жизнь христиан в эти века сильно вредила успехам духовного просвещения.

При всем том и в эти столетия мы видим нескольких замечательных писателей в Церквах восточных и западных. Они не могут быть поставлены в ряду великих отцов и учителей 4 и 5 вв., но, тем не менее, своими трудами принесли Церкви много пользы.

Леонтий Византийский, живший в конце шестого столетия. Первоначально он был адвокатом и принадлежал некоторое время к несторианской ереси. Потом, присоединившись к православной Церкви, он сделался ревностным обличителем как несторианской, так и других ересей. Леонтий замечателен, как богослов-полемик. Он оставил много полемических сочинений, напр., “Книгу о сектах,” в которой исторически опровергает их, основываясь, главным образом, на древних отцах. Писал он против несториан, евтихиан, монофизитов, аполлинаристов. Он приводит из древних отцов изречения, неблагоприятные для еретиков. Леонтий был, после своего обращения, монахом в обители преп. Саввы Освященного в Палестине. Скончался он в 590 г.

Преп. **Максим Исповедник** (582-662 г) — знаменитый церковный деятель и учитель, самый сильный после Оригена, философский ум на христианском востоке. Глубокий знаток Платона и Аристотеля, а также неоплатоников, он прославился своей неустанной и решительной борьбой против монофизитскиой ереси. Происходя из благородной и знатной константинопольской семьи, получив превосходное образование, он долгое время был секретарем имп. Ираклия. Но, когда тот, в попытках примирения с монофизитами, издал указ, породив монофелитство, Максим, ревнуя о Православии, оставил двор. Он стал иноком одного из константинопольских монастырей и затем вступил в борьбу в монофизитством. С этой целью он ездил в Египет, в северную Африку и долгое время провел в Риме. После того, что папа Мартин был увезен в Рим и замучен, преп. Максим также был судим за государственную измену. Он с двумя своими учениками подвергся урезанию языка и усечению правой руки (659 г). и был сослан в страну лазов (близ Кавказа), где и преставился в 662 г. Сочинения преп. Максима, по большей части, направлены против монофизитства и монофелитства. В них он обнаружил замечательное глубокомыслие и ученость. Впадает он в мистицизм, напоминающий таковой св. Дионисия Ареопагита. Кроме догматико-полемических сочинений, он писал и толкования на св. Писание и на древние отеческие творения.

В толкованиях он следовал древним писателям Александрийской школы, а своим аллегоризмом напоминает более всего Григория Нисского.

Преп. **Иоанн Дамаскин**, родившийся около 673-6 гг., — один из знаменитейших отцов Церкви и богословов. Отец его, Сергий, занимал должность первого министра у дамасского калифа Абдалмелеха. Родители его знамениты были древностью рода и благочестием. Воспитанием Иоанна руководил просвещенный инок Косма, которого отец его купил в числе пленных, привезенных на рынок. Благодаря знатности рода, блестящим способностям и отличному воспитанию, Иоанн быстро возвышался и занял должность первого министра у калифа дамасского.

Управляя Дамаском, Иоанн в то же время ревностно подвизался в пользу Церкви, защищая ее от разных врагов силой и власти, и слова. По поводу открывшихся в Константинополе иконоборческих споров, он написал несколько посланий к тамошним христианам, в которых силой и красноречием защищал древний догмат иконопочитания. Император Лев Исавр, чтобы отомстить Иоанну, приказал своему писцу изучить почерк его руки. Потом сочинено было подложное письмо от имени Иоанна к императору, в котором Иоанн будто бы выражал готовность изменить своему властителю и отдать Дамаск грекам, послано было к калифу, который поверил клевете и велел отрубить Иоанну правую руку. По слезной молитве Иоанна перед иконой Богоматери, чудесной помощью Ее, срослась эта отсеченная рука со своим суставом.

По поводу своего чудесного исцеления, св. Иоанн воспел в честь Божией Матери песнь: “О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь.” Песнь эта поется у нас в дни Великого поста в качестве задостойника. Кроме того, в память своего исцеления святой Иоанн сделал серебряное изображение кисти руки и прикрепил его к иконе, перед которой молился. Весть о чуде быстро облетела весь Дамаск. Икона была чтима, как чудотворная, многие стремились приобрести список с нее. Живописцы,делавшие копии с нее, пририсовывали и третью руку, прикрепленную св. Иоанном Дамаскиным. Отсюда и получилось изображение Божией Матери, называемое “Троеручицей.”

Узнал об исцелении св. Иоанна и калиф и, убедившись в его невинности, хотел осыпать св. Иоанна всеми благами мира. Но св. Иоанн, узнав на опыте своей жизни, как непрочны все земные блага, не захотел оставаться в Дамаске и удалился в Палестинскую лавру Саввы Освященного. Здесь сначала ни игумен и никто из иноков не решались взять под начало столь знаменитого мужа. Наконец, один старец согласился взять св. Иоанна, но чтобы смирить его ум, он запретил ему заниматься писательством.

Долго выдерживал это испытание св. Иоанн, но однажды, когда старец отсутствовал в обители, к св. Иоанну пришел один инок. У него умер родной брат, с которым они жили душа в душу. Инок просил св. Иоанна составить погребальные песни на смерть его брата, чтобы этим облегчить свою скорбь. Долго колебался св. Иоанн, а инок умолял его во имя любви Христовой… На св. Иоанна снизошло вдохновение, и он написал те самые песнопения, какие ныне поются при прогребении.

Старец, учитель св. Иоанна, узнал о нарушении данной им заповеди, отлучил его от общения с собой и согласился простить его только при том условии, если св. Иоанн в знак своего смирения очистит сам своими руками все грязные места монастыря. И вот бывший вельможа с радостью и смирением идет выполнять строгий приказ старца. Увидя смирение Иоанна, старец понял, что св. Иоанн уже духовно созрел и принял его к себе с любовью. В ту же ночь старцу явилась Божия Матерь и повелела ему, чтобы отныне он уже не запрещал св. Иоанну сочинять свои боговдохновенныя песни. Старец внял голосу Божией Матери и с тех пор

не препятствовал святому Иоанну писать священные песнопения" (Петр Смирнов. "История христ. прав. Церкви").

Преп Иоанн обладал обширной ученостью. Философии Аристотеля он обязан точностью, отчетливостью и последовательностью мышления, которыми отличаются его сочинения. В сочинениях Иоанна о ересях исторически рассматриваются еретические системы, появлявшиеся в Церкви до иконоборчества включительно. "Точное изложение православной веры" — особенно замечательное произведение Дамаскина. Это первая православная догматическия система, составленная на основании учения древних отцов, преимущественно 4 в. и соборных определений. В систематизировании и своде догматического материала, разработанного в прошлые века, состоит заслуга преп. Иоанна. Труд его и доселе служит образцом для богословов не только восточной, но и западной Церкви. Главные сочинения Петра Ломбарда и даже Фомы Аквината — это схоластические переделки богословия Дамаскина. Высоко ценится преп. Иоанн как поэт-гимнолог. Его службы на Пасху (особенно пасхальный канон), каноны на Рождество Христово, на Богоявление, на Вознесние, его осьмикнижник ("Октоих") — превосходные, высоко-поэтические произведения. Всех канонов им написано 64. Еще при жизни песнопения Дамаскина распространились далеко за пределами Востока. Октоих его, по повелению имп. Карла Великого, был принят к употреблению и в западной Церкви. В восточной Церкви введение в богослужение песнопений преп. Иоанна изменили весь строй его. За необычный поэтический дар Дамаскину было усвоено название "Златоструйный." Замечательны его сочинения против манихеев (павликиан), несториан, манофизитов и монофелитов. Преставился он между 777 -780 гг. Считается, что он прожил 104 года.

Из писателей Западной Церкви надлежит отметить папу рисмского св. Григория Двоеслова и Беду Достопочтенного.

Св. **Григорий Великий или Двоеслов**, папа Римский (590-604), родился между 540 и 550 гг. Он происходил из знаменитой сенаторской фамилии, вероятно Аниции, был уроженцем Рима. Воспитанный сообразно своему положению, он посвящен был в диалектику и риторику, изучал законоведение. Григорий служил на гражданской службе при имп. Юстине и пользовался его доверием. Его род отличался большой релегиозностью: мать Сильвия и две сестры отца были канонизированы. Он изучал творения св. Амвросия и блаженных Августина и Иеронима. Глубоко религиозная натура Григория возмущалась роскошью и честолюбием, связанными с его должностью Он решил удалиться от мира. Все свое огромное богатство он употребил на построение шести бенедиктинских монастырей в Сицилии, и седьмой основал в Риме в собственном доме. Затем он сам стал монахом, и предавался такому суровому аскетическому подвижничеству, так что ему, из-за пошатнувшегося здоровья, грозила опасность смерти. В это время обратил на него внимание папа Пелагий II. Он взял его из монастыря, рукоположил в сан дьякона (578) и отправил в Константинополь. Возложенное на него поручение он исполнил с большим успехом. В Царьграде он начал свой известный труд "Толкование на Иова или XXXV книг о нравственности." После возвращения в Рим (585 г.), он продолжал принимать деятельное участие во всех делах курии. После смерти папы Пелагия, Григорий был единогласно выбран духовенством, сенатом и народом его преемником и был принужден принять эту должность. Положение Римского епископа в то время было трудное. С одной стороны он был тесним арианскими полуварварскими ломбардами, с другой — должен был во многих отношениях подчиняться власти византийского императора и его представителя в Италии, экзарха Равеннского. Но, обладая большими государственными и административными способностями, имея, как папа, огромные земельные владения, Григорий умел выходить из трудных положений. Много потрудился он для христианского просвещения чужеземных стран, в особенности Испании и Англии. Благодаря влиянию друга Гри-

горий, еп. Леандра Севильского, король вестготов, Реккаред отошел от арианства и присоединился к православной Церкви. Будучи монахом, Григорий проникся жалостью к англосаксонским мальчикам, выставленным в Риме на продажу в качестве рабов. Он собирался отправиться в Англию в качестве миссионера, но не был отпущен папой. Сделавшись папой, он отправил в 596 г. монахов в Англию. Через год король и 10000 его подданных крестились. Он сильно распространил влияние Римской кафедры в западных странах. Григорий был строг и явно стремился к верховенству. Весьма характерными были его старания отделить монахов от мирского духовенства. Он много сделал для преобразования монастырей, но еще более для упрочения их независимости. Очевидно, у него была мысль сделать из монахов могучее орудие, которым папа мог бы располагать независимо он духовенства. С другой стороны, некоторые из особенностей монашеской жизни он перенес на духовенство, напр., целибат (безбрачие), о введении которого особенно заботился. Для духовенства он написал, вскоре после своего восшествия на папский престол, знаменитую книгу: “Пастырское правило,” которая была переведена на греческий язык, а в западной Церкви считалась совершенно необходимой для всякого епископа и пресвитера. Проповедь он считал важнейшей обязанностью священников, и сам в этом отношении подавал блестящий пример. Со светскими науками он был знаком недостаточно и не придавал им никакого значения в богословии. Св. Писание изучил хорошо, а также сочинения бл. Августина. Сочинения Григория полны высоких нравственных мыслей. Название Двоеслов (Собеседователь) усвоено св. Григорию на Востоке за его сочинение: “Разговоры (собеседования) о жизни и чудесах италийских отцов.” Оно представляет собой весьма назидательное чтение. Им составлена Литургия Преждеосвященных Даров. Им же произведен полный переворот в церковном пении. Вместо Амвросиева пения, он ввел свое, так называемое “Григорианское пение.” К четырем главным гласам св. Амвросия он прибавил еще четыре гласа, усвоив им значение побочных. Благодаря его изменениям прежнее амвросианское пение утратило свой речитативный характер. Оно превратилось в одну сплошную мелодию, в которой музыка выдвигается над текстом и господствует над ним. Система Григорианского пения, называемого “равным,” доселе служит основанием для богослужебного пения Римско-католической Церкви.

Беда, прозванный Достопочтенным (637-735 гг.). Ново-английская церковь, вслед за церковью древне-британской, много заботилась о распространении духовного просвещения, главным образом, с помощью устройства школ, в которых изучались духовные и светские науки. Видным представителем учености ново-английской церкви был Беда. Уроженец Нортумберленда, он уже на восьмом году жизни поступил в монастырь. В 702 г. став пресвитером, он начал свою писательскую деятельность. Состояла она, главным образом, в толковании отдельных книг Ветхого и Нового Завета. Он обладал обширными познаниями в духовных и светских науках. Труды свои переводил на английский язык. Замечательна его “История церкви английского народа.” Сочинение это остается единственным источником древнейшей истории Англии до 731 года.

Духовное просвещение на Востоке в 9 и 10 веках.

С половины 9 в. на востоке замечается особенное движение в пользу просвещения. Греки, впавшие в умственное усыпление в предшествовавшие века, с усердием принялись за изучение почти забытых произведений поэтов, историков и философов древне-классического мира. **Варда** (умерщвленный в 866 г.), дядя (брат царицы Феодоры) и соправитель ничтожного имп. Михаила III (842-867 гг.), человек умный и образованный, — первый из лиц, облеченных

большой властью, позаботился о восстановлении классического образования. Он основал во многих больших городах школы, нашел учителей и установил им жалование. Им выписан был, для обучения с юным императором, **св. Кирилл** (тогда Константин). Преемник Михаила, **имп. Василий Македонянин** (867-886), хотя сам был не ученым, много покровительствовал просвещению. Известный своими государственными способностями, бережливостью, покровительством наукам и литературе, — он пользовался широким содействием тогдашнего **патриарха Фотия**. Влияние последнего сказывается и на некоторых личных литературных трудах имп. Василия Македонянина, основателя новой македонской династии.

Императоры **Лев IV Мудрый** (886-911) и, в особенности, сын его **Константин Багрянородный** (911-959), принадлежавшие к этой династии, также ревностно заботились о распространении просвещения посредством устройства школ и библиотек. После некоторого периода смут, Константин, став править единолично, время свое посвящал преимущественно занятиям науками и искусством. Им была предпринята реорганизация константинопольской школы. Целый ряд научных работ был произведен по его поручению и при его содействии. Он написал жизнеописание имп. Василия Македонянина, речь по поводу перенесения мощей св. Иоанна Златоуста и чрезвычайно ценные для византийской истории сочинения. Много забот посвящал он образованию сына Романа.

Следствием такого движения в пользу классического образования, было распространение в Византийской империи особого рода учености, состоявшей из массы знаний, заимствованных у древне-классических писателей путем механического изучения их. Знания эти, часто мелочные, были мертвым, чужим капиталом, и приобретались без самостоятельной переработки и движения вперед. Вся задача учености состояла в восстановлении в памяти добытых древними научных сведений. Такое направление мысли не могло не отразиться и на духовном просвещении. Стремление к изучению древних отцов, наряду с классическими поэтами и философами, все более усилилось. Богословы 9 и 10 веков выбирали все подходящее из древних отцов по всем отраслям богословского знания и из собранного материала составляли большие трактаты и сочинения. Общий недостаток их тот же, что и писателей светских — **отсутствие самостоятельности**.

Из церковных писателей этого времени более замечательны следующие:

Фотий (род. ок. 820 г., сконч. ок. 891 г.), патриарх константинопольский (858-886), самая крупная личность в Византии 9 в. Он был одним из ученейших людей своего времени. При своем великом уме, он обладал большими знаниями истории, богословия, св. Писания, философии, словесности, юриспруденции, математики, и даже в медицине. Отец его, человек знатного происхождения, родственник патриарха Тарасия, много претерпел от иконоборцев за свою ревность и лишился должности и имущества. Но это не помешало ему дать сыну блестящее образование. Служба Фотия началась в царской гвардии и продолжалась в государственной канцелярии. В доме его собирались любознательные люди, с которыми он делился плодами своих знаний. Беседы на филологические темы сменялись беседами философского и богословского порядка. Располагая богатейшей библиотекой, Фотий прочитывал со своими учениками избранные места из различных сочинений и метко оценивал их со стороны формы и содержания. Властная натура Фотия и тогда требовала от учеников безусловного повиновения. Таким средоточием живой умственной деятельности оставался Фотий и будучи патриархом. В 585 г. в Константинополе совершен был дворцовый переворот. Кесарь Варда, из мести к патр. Игнатию за недопущение его к приобщению св. Тайн, уговорил имп. Михаила III сместить первосвятителя и отправить его в изгнание. Преемником его стал Фотий, прошедший в

несколько дней все степени священства, до епископства включительно. В глазах сторонников Игнатия, Фотий являлся узурпатором. Началась длительная трагическая борьба двух партий. О дальнейшем в этой борьбе, в которую вовлечен был и папа Николай 1, будет сказано в отделе, касающемся разделения Церквей. Укажем только, что, низложенный вторично при имп. Льве VI Мудром, патр. Фотий окончил жизнь свою в изгнании в монастыре.

Крупнейшим богословским сочинением патр. Фотия является "Амфилохия," названная по имени кизикского митрополита Амфилохия, к которому обращается автор. В нем, наряду с догматическими вопросами — о Св. Троице, искуплении, воплощении, иконопочитании и т. д., затронуты вопросы светской и духовной науки. Одно из лучших его догматико-полемических сочинений — это против латинян о Св. Духе. В этом сочинении Фотий всесторонне рассматривает вопрос об нисхождении Св. Духа и разрешает его, на основании св. Писания и, главным образом, учения отцов и писателей восточной и западной Церквей, в смысле православном. Известны его сочинения против новых манихеев или павликиан. Он был замечательным **проповедником**, но, к сожалению, сохранилось мало его слов. Среди них имеется слово по поводу похода **русских** против Византии. Фотий видел в нашествии грозных варваров кару Божью за грехи христианства. В церковной литературе славен он своим **Номоканоном**. Он оказал большое влияние на каноническое византийское право. Постановления соборов 861 г. и 879-880 гг., включенные им в собрания канонов, постепенно получили почти вселенское значение. Труд его "**Библиотека"** содержит отзывы Фотия на множество прочитанных им сочинений — христианских и языческих — с большими выписками из некоторых. Видно тонкое и самостоятельное суждение. Особенно ценны извлечения из исторических сочинений, так как Фотий имел под рукой памятники, впоследствии совершенно, или отчасти, утерянные. Интересны его письма. Он же собрал 214 поговорок.

Икумений, епископ Трикки во Фракии, живший около середины 10 в. Он известен своими толкованиями на Деяния апостольские, послания ап. Павла и Апокалипсис. Толкования не самостоятельные. Это свод толкований из древних отцов, из патр. Фотия. Но выбор толкований очень хорош, равно как и собственные замечания, обнаруживающие знание св. Писания.

Преп. Симеон, новый Богослов (сконч. в 1032 г.). Он родился в пафлагонском селении Галате от знатных и богатых родителей. Воспитание получил при византийском дворе и был приближенным **императоров Василия и Константина**. Двадцати лет он поступил в **Студийскую обитель**, где предался строгому подвижничеству под руководством старца. По его совету перешел в обитель **св. Мамонта**, был там игуменом. Основал потом свою обитель, в которой прожил 13 лет. Отличительная черта богословствования преп. Симеона — **приложение теоретического христианского учения к христианской жизни**. Он замечателен преимущественно, как **богослов-проповедник**. Но он оставил также много поучений, которые, большей частью, остаются в рукописях. Из них заслуживают внимания: главы деятельные и богословские (101), главы богословские и созерцательные (25), 33 беседы о вере и нравственности с мирянами и иноками и др. "**Слова"** преп. Симеона отличаются простотой и сердечностью. он наставляет, внушает, умиляет. Современники его, привыкшие к искусственному красноречию, находили его "слова" ненаучными и не риторичными. Церковь наименовала преп. Симеона **новым Богословом**, находя в его произведениях сходство с произведениями **св. Григория Богослова**. И тот и другой отличались **глубиной созерцания истин христианского благочестия**. Одна из молитв преп. Симеона внесена в число молитв, читаемых во время приготовления себя к приобщению св. Таин.

Духовное просвещение на западе в 9 и 10 веках.

Варварские народы, волновавшие западную Европу во время великого переселения, к 8 в. утвердились прочно в занятых ими странах, начали государственную жизнь и мало-помалу усвоили Римское просвещение. **Италия**, бывшая ранее на западе средоточием просвещения, потеряла свое значение. Ее место заняли новые государства западной Европы: **Франция, Германия, Англия**. С учреждением на западе **новой империи**, на развалинах западно-римской, **имп. Карлом Великим** (род. 742-7 г.), стало распространяться просвещение как светское, так и духовное. Карл Великий, сам знакомый с римским образованием, говоривший по-латыни и понимавший по-гречески, ревностно заботился о распространении в своих владениях классического образования. Он усердно занимался науками. Карл Великий окружил себя учеными: Алкуином, Павлом Диаконом, Эйнгардом, Рабаном Мавром, Теодульфом, пользовался их содействием и советами. Он стремился дать образование духовенству и народу, в особенности заботясь об устройстве школ при церквах и монастырях. При своем дворе он устроил школу вроде академии для образования своих детей, а также придворных и их сыновей. дворцовой школой заведовал знаменитый Алкуин, вызванный Карлом из Англии. Прибывшие ученые привили варварам любовь к изучению латинской литературы и классических наук. Преемники Карла Великого также покровительствовали просвещению, в особенности **Карл II Лысый**, сын короля Людовика Благочестивого и внук Карла Вел. В основанных при Карле Великом школах изучали преимущественно св. Писание по толкованиям древних отцов, особенно бл. Августина. Вообще, направление духовного просвещения в веке Карла Великого, было **библейско-практическое**. Самостоятельной учености не было так же, как и на востоке.

Алкуин (ок. 735-804 г.), аббат Турский, — замечательнейший ученый 8 в., в смысле ума, знаний и влияния на научное образование своего времени. Он происходил из знатного англо-саксонского рода и получил монашеское образование в знаменитой школе **г. Иорка**, средоточием учености в Англии. Пользовался он особым вниманием архиепископа. В 782 г., возвращаясь из своего путешествия в Рим, он встретился в Павии с Карлом Великим и был приглашен заведовать **дворцовой школой**, в которой воспитывались сыновья высшей франкской знати. Он принял это приглашение, прибыл с несколькими своими учениками из Иорской школы, которой он заведовал. Ему даны были в заведование также два аббатства, к которым прибавлено было и **аббатство св. Мартина, в Туре**. Живя таким образом при дворе, преподавая самому королю и руководя школами всего государства, Алкуин сделался одним из самых выдающихся образованных людей, окружавших Карла Великого, который прибегал к советам Алкуина в самых разнообразных вопросах, главным же образом, при обсуждении вопроса о распространении образования. Большинство школ во французском королевстве **обязаны своим существованием** Алкуину. Существовавшие до него школы он старался усовершенствовать. В кругу ученых того времени он был известен под именем Флакка Альбина. В 801 г. он покинул двор, переселился в Тур и стал преподавать в основанной им там ранее школе, по образцу Иорской. Из Тура он вел оживленную переписку с Карлом Великим, до своей кончины в 804 г. Из его учеников, много сделавших для распространения науки и образованности, выдаются **Рабан Мавр и Гаймо**, впоследствии епископ Гальберштадский.

Идеалом всей жизни Алкуина было основание такого христианского государства, в котором все было бы проникнуто **религиозным духом которое** бы управлялось по законам Церкви. Он с восторгом и благоговением взирал на осуществление этого идеала, которое, по-видимому, обещали энергия и успех Карла Вел. Богословие он считал главной составной частью воспитания. Его собственное богословие всецело отличалось **положительным направ-**

лением и, не имея никакой оригинальности, основывалось на отцах и учителях Церкви. Из его догматических сочинений известны в особенности три книги **о Св. Троице**. В ряде его сочинений преобладает мистико-аллегорический метод. Классической научностью, по его мнению, не следовало пренебрегать. Классические и церковные предания тесно связаны между собой. Христианская Церковь, соединяя их, становится истинным хранилищем цивилизации. Он писал много и по общеобразовательным предметам, но в этом проявил себя только компилятором. Алкуин был плодовитым поэтом, но наибольшую славу в литературной области приобрел своими **письмами**. По поручению Карла Вел., он пересмотрел латинскую Библию в 802 г. Это одна из его важнейших заслуг, так как он привел ее в большой порядок.

"В 10 в. который в истории известен под названием **темного**, стремление к духовному просвещению на западе стало ослабевать. Только еще в некоторых монастырях сохранялось изучение Библии. Но вообще, в западном христианском мире распространилось крайнее невежество. Замечательных писателей в этом веке вообще не было. В 11 в. на западе снова пробуждается любовь к наукам, разрешившаяся двумя главными богословскими направлениями: **схоластикой и мистикой**."

Церковное управление.

Отношения между Церковью и государством в 4-11веках.

В первые три века христианская Церковь, существуя в пределах греко-римской империи, жила отдельной от государства жизнью: все отношения между Церковью и государством ограничивалось только тем, что Церковь была преследуемой стороной, а государство преследующей. Теперь же, когда христианство сделалось в империи господствующей религией, Церковь вступила в тесный союз с государством как учреждение, вошедшее в круг государственной и общественной жизни. Вследствие этого союза между Церковью и государством установились тесные отношения, характеризуемые, с одной стороны, влиянием государства на жизнь Церкви, а с другой — влиянием Церкви на жизнь государства. Влияние государства на Церковь выражалось в участии императоров в церковных делах и предоставлении Церкви разных прав и преимуществ; влияние же Церкви на государство обнаруживалось в том, что она имела нравственный контроль над гражданским управлением и проводила свои нравственные начала в государственное законодательство.

Участие императоров в церковных делах начинается с первого христианского государя, Константина Великого. Константин Великий, назвав себя епископом внешних дел Церкви, определил полностью свое участие в церковных делах. Он хотел быть блюстителем только внешних интересов Церкви, не простирая своего влияния на ее внутренний строй. И Константин Великий всегда поступал так. Например, он заботился о распространении христианства, об обеспечении Церкви, об устройстве и украшении храмов; если возникали в Церкви споры относительно вероучения, церковного благочиния и прочего, то для разрешения их, он созывал соборы епископов, присутствовал на них, сам или назначал уполномоченных; утверждал решения соборов, и, если нужно было, приводил их в исполнение своей гражданской властью. Но государи, правившие после Константина Великого, не довольствуясь ролью блюстителей внешних интересов Церкви, мало- помалу приобрели влияние и на внутренний ее строй. Так, они сначала присвоили себе право утверждать епископов в важных городах, а по-

том и право избирать их и низлагать, хотя и при посредстве соборов, потому и приобрели большое влияние на все церковное управление. При разрешении споров догматических и других вопросов императоры присвоили себе право руководить самыми решениями соборов, или даже решать спорные вопросы без соборов одними своими, так сказать, **вероисповедными** указами. Первый указ такого рода был издан, во время монофизитских споров, **Василиском** (476 г.). Такого рода участие императоров в церковных делах, если и было полезно для Церкви, то только тогда, когда они действовали во имя истинных, а не воображаемых интересов Церкви.

Что касается прав и преимуществ, предоставленных Церкви государством, то они были следующие: 1) **Обеспечение Церкви и ее клира содержанием**. До 4 в. Церковь содержалась на приношения верующих, которые были временные и случайные. Только немногие Церкви, в конце 3 века, владели недвижимым имуществом, от которого могли получать содержание. Но и такие церкви свое обеспечение не могли считать прочным, так как при первом же гонении все их имущество отбиралось в казну. Клир же содержался почти исключительно на собственные средства. С 4 же века, когда Церковь вступила в сферу государственной и общественной жизни, государство и общество взяли на себя обеспечение ее и клира содержанием. Главным способом обеспечения являются **недвижимые имения**: поместья, поля, дачи, угодья, дома и т.п. Константин Великий, законом 321 года, утвердил за Церковью право приобретать недвижимое имущество и владеть им. В силу этого закона она стала принимать в свое владение от ревностных христиан, особенно по духовным завещаниям, имения. Императоры со своей стороны нередко обращали в пользу Церкви общественные здания и особенно языческие закрытые храмы с принадлежавшим им недвижимым имуществом. Император Юстиниан 1, для обеспечения Церквей доходами с недвижимых имений, издал даже закон, которым все, желавшие построить новую церковь, обязывались предварительно назначать на содержание ее и клира имения, приносящие достаточный для этой цели доход. Чтобы недвижимые имения оставались при церкви навсегда и составляли источник дохода на содержание ее и клира, законами гражданскими и церковными запрещено было закладывать и продавать их, а также определять без нужды к известной церкви много клириков, содержание которых было бы для нее обременительно. Недвижимых церковных имуществ, с течением времени, накопилось столько, что Церковь и ее клир не только сами могли получать от них достаточное обеспечение, но даже устраивать множество благотворительных заведений, как-то: богаделен, больниц, странноприимниц и тому подобное. Кроме содержания, получаемого от церковных имений, клир пользовался еще от общества верующих и другими способами обеспечения, каковы: **десятины**, по образцу десятин церкви ветхозаветной, и **благодарность за исправление христианских треб** и **совершение таинств**. Десятины, известные с конца 4 века, на востоке были в употреблении только в немногих церквах и не получили там большого развития; на западе же они утвердились прочно. Здесь право пользоваться десятинами принадлежало только приходским священникам и не распространялось на епископов. Обычай благодарить духовенство известной платой за совершение церковных треб ведет свое начало также с древних времен. Хотя соборы и делали постановления против платы собственно за совершение таинств, но, с течением времени, когда на востоке недвижимые церковные имущества стали малопомалу отходить к государству, обычай благодарить за исправление треб вошел во всеобщее употребление. 2) **Освобождение Церкви и клира от общественных податей и повинностей**. Еврейские раввины и языческие жрецы всегда освобождались от общественных податей и повинностей. То же право предоставлено было и христианскому клиру первым христианским государем Константином Великим, законом от 319 года. Все, принадлежавшие к клиру, освобождены были от **поголовной** или **личной** подати: от **военной по-**

винности, от **прохождения общественных должностей**, из которых особенно тягостны были те, которые соединялись с издержками, и тому подобным. Кроме того, иногда законами императоров освобождались от государственных налогов и недвижимые имущества, лично принадлежавшие членам клира. Церковные же имущества почти всегда были освобождены от таких налогов."

Злоупотребления, выражавшиеся в причислении к клиру богатых — для освобождения от налогов на имения и от общественной службы, бедных — от рекрутской повинности вынудили имп. Константина издать в 321 г. ограничительный закон. В 383 г., вследствие обхода этого закона, разрешено было всем вступать в клир, с тем что богатые должны были отказываться от своего имущества, а обязанные общественными повинностями должны были выполнять их через других.

Третьим преимуществом было **освобождение клира от гражданского суда**.

"В христианском обществе издревле все споры и несогласия не только между клириками, но и мирянами решались епископами. Это право признано было за ними и государственной властью в лице Константина Великого. Император Констанций в 355 году издал даже прямой закон, по которому все клирики должны были подлежать исключительно суду духовному. Четвертый Вселенский собор — Халкидонский (451 г). — полностью запретил (9-е правило) клирикам, помимо духовного суда, обращаться к судам светским, установив при этом определенный порядок церковного судопроизводства. Юстиниан 1 подчинил суду епископскому монахов и монахинь, а император Ираклий (628 г). предоставил епископам разбирать даже важные преступления клириков. В последнем случае духовный суд снимал с обвиняемого священный сан и отсылал его к гражданскому начальству для наказания. Но, при всем этом, у клириков существовал обычай обращаться к непосредственному суду императора."

Четвертым преимуществом было **право церковного убежища**, которое предоставляли раньше языческие храмы. Имп. Аркадий, в 399 г., издал закон, отменивший право церковного убежища, под влиянием жестокого временщика Евтропия. Вскоре, последнему, личному врагу св. Иоанна Златоуста, пришлось самому спасаться в храме. Имп. Феодосий II в 431 г. восстановил это право за Церковью, позволив искать убежище при церковном алтаре только безоружным и преследуемым, запретив, под угрозой смерти, изгонять их из храма.

Если государство влияло на Церковь посредством внешней материальной силы, то Церковь, в свою очередь, влияла на государство своей нравственной силой. Церковь желала, чтобы государство, сделавшееся христианским, приняло в свою жизнь и христианские начала. Гражданское управление и законодательство, сложившиеся в этом мире, особенно испытали на себе нравственное влияние Церкви. Так, собор Арлесский (314 г). предоставил епископам нравственный контроль над правителями областей и другими высшими чиновниками. Императоры также признали за епископами право нравственного контроля. И епископы, действительно, наблюдали за правителями областей, следили за правильностью судопроизводства, посещали тюрьмы, расспрашивали заключенных о ходе их дел, в духе христианского милосердия ходатайствовали за обвиняемых и осужденных, в случае несправедливого решения дел правителями и судьями и, наконец, непосредственно от себя доносили императору о всех злоупотреблениях гражданских властей. В случае крайних и вопиющих злоупотреблений со стороны должностных лиц, епископы отлучали их от Церкви. От этого не освобождались даже императоры. Амвросий Медиоланский подверг, например, публичному покаянию Феодосия Великого за безжалостное наказание жителей Фессалоники. Кроме того, епископам предоставлено было право непосредственного участия в гражданских и общественных делах. Так, Константин Великий позволил всем подсудимым, если они охотно отказывались от гра-

жданских судов, требовать суда епископского, — и приговор епископов надлежало почитать окончательным, ставить его выше приговора других судей, так, как бы он был произнесен самим царем. Апелляций на такой суд епископа не допускалось. На общественную жизнь епископы влияли, главным образом, через заведование делами вдов и сирот. Они наблюдали за действиями опекунов и даже нередко избирали их, так что вследствие этого, сами становились главными опекунами. В этом отношение особенно замечателен закон Юстиниана I, который дал епископам опеку над всеми бедствующими лицами. И к чести большинства епископов того времени, нужно сказать, что они, если принимали участие в разрешении споров между тяжущимися или в опеке над сиротами, всегда действовали с истинно евангельской справедливостью и любовью. Христианские нравственные начала проникли и в государственное законодательство. Так, Константин Великий отменил казнь через распятие на кресте, клеймение лиц преступников; Гонорий запретил гладиаторские бои. Законы о рабах, пленных, об отношении родителей к детям и проч. были смягчены; законы брачные и бракоразводные получили христианский характер и т.п.

“На западе, в новооснованных государствах, Церковь заняла такое же положение, как и в греко-римской империи, т. е. вступила в союз с государством. И здесь государство предоставило Церкви разные права и преимущества. Из них право владения недвижимыми имениями имело характер несколько иной, нежели на востоке. Короли и вообще владетельные лица на западе давали Церкви, на содержание ее, и ее иерархии, населенные имения и даже нередко целые области на тех же основаниях, на каких они раздавали земли своим сподвижникам в завоеваниях. Вследствие этого, установились **ленные** отношения между епископами и всеми вообще иерархическими лицами, владевшими пожалованными церковными землями, и светскими владельцами, как **у вассалов** к своим **феодалам**. Вассальная зависимость епископов, естественно перешла из сферы гражданской в сферу церковную, так что власть светских владетелей простиралась и на дела чисто церковные. Так, право избрания епископов принадлежало светским владетелям — каждому в своей земле. В 10 в. установился даже обычай постановления епископов королем или князем **посредством вручения новоизбранному кольца и пастырского жезла.** Такое постановление называлось инвеститурой, и без нее не могло быть совершено церковное посвящение. С правом избрания епископов для светских владетелей соединялось и право суда над ними, причем, они могли наказывать их даже лишением священного сана. Инвеститура привела к тому, что нередко управление всеми делами известной церкви переходило в руки светских владетелей, так как они поставляли епископам тех, кто им нужен был для этого, например, пятилетних мальчиков. — Что касается влияния Церкви на государство на западе, то оно было незначительно. Лучшие из епископов, заведуя в своих землях гражданским управлением, устанавливали начала законности и справедливости, а участвуя в сеймах, старались вводить в общее государственное законодательство христианские и церковно-канонические начала, но все это были явления единичные.”

Церковная иерархия.

Три степени священной иерархии — **дьяконство, пресвитерство и епископство,** — появившиеся в Церкви, оставались неизменными и в 4 в. В клир по-прежнему мог вступать всякий желающий, удовлетворявший условиям поступления. Но повысились образовательные требования, учитывая возникавшие споры в **догматических** вопросах. Для усиления этих знаний огромную помощь оказали Церкви христианские училища в Александрии, Кесарии, Антиохии, Эдессе и др. Как известно, из них вышло много выдающихся пастырей Церкви.

При недостаточном числе этих заведений нередко пастыри Церкви первоначальное общее образование получали в оставшихся еще языческих школах в Афинах, Никомидии, Константинополе и др. Затем они готовились к церковным должностям в самом **клире**. “Клир, таким образом, как и в прежнее время, служил практической школой для приготовления к высшим иерархическим степеням. Клиры таких замечательных отцов, как Василия Великого и Амвросия Медиоланского, были в особенной славе, так что другие церкви от них брали себе клириков для занятия иерархических должностей. А некоторые епископы, напр., Августин, устраивали даже при своих кафедрах нечто вроде духовных семинарий, в которых молодые люди и мальчики научно и практически готовились к церковным должностям. При развитии с 4 в. монашеского образа жизни, монастыри сделались также воспитательными заведениями для клириков, и из них нередко выбирались пресвитеры и епископы.

Кроме научной подготовки к занятию той или другой иерархической степени, Церковь требовала еще, чтобы лица, избираемые на священнослужение, имели определенный возраст. Так, она установила — в иподьякона поставлять не прежде 20 лет, в дьякона не прежде 25 лет, в пресвитера не прежде 30. В церковных канонах, хотя не говорится о возрасте для епископского сана, но замечается, что удостаиваемый епископского сана должен предварительно пройти служение чтеца, дьякона, пресвитера и в не слишком короткое время, следовательно, должен иметь не менее 40 лет или, по крайней мере, 35, в соответствии с промежутком лет от дьяконства до пресвитерства. Назначая зрелый возраст для принимающих священство, Церковь желала допускать до священнослужения лиц возмужавших, отличающихся зрелостью мыслей, опытностью рассудка и твердостью воли.

“В самом способе избрания на иерархические должности в 4 и последующих веках произошли некоторые перемены. Прежде в избрании епископа, пресвитеров и дьяконов принимала участие вся община, составлявшая местную церковь. Теперь же это участие общины или мирян было ограничено. С одной стороны, когда христианство стало религией господствующей, при множестве верующих, было положительно невозможно всем мирянам принимать участие в избрании иерархических лиц, с другой, права мирян на участие в избрании, особенно епископа, естественно перешли к представителям народа — императорам. Кроме того, многие частные случаи давали повод к ограничению участия народа в избрании иерархических лиц. Так случалось, что народ, вопреки древним правилам Церкви, выбирал на священные должности лиц светских, неподготовленных или даже только что принявших христианство, но богатых или знатных; случалось, при выборе епископов, составлялись партии и происходили возмущения. Ввиду этого, собор Сардикийский (347 г). определил, чтобы ученый или богатый из светских не прежде был поставляем в епископа, как пройдет низшие степени и не малое время, а собор Лаодикийский (около 364 г). не позволил сборищу народа избирать желающих принять священство. Обыкновенно, епископа известной церкви избирали все епископы области, с последующим утверждением главным областным епископом или митрополитом. На епископские кафедры знаменитых городов избрание производилось по указаниям государя. Пресвитеров же и дьяконов обыкновенно избирал сам епископ. Впрочем, народ иногда силой отстаивал свои права на участие в избрании на иерархические должности, заставляя выбирать те лица, которые почему- либо нравились ему. В Риме, после падения Западной империи, при слабости и даже отсутствии государственной власти, народ принимал деятельное участие в избрании своих епископов. — Посвящение избранных совершалось так же, как и в первые века: дьяконов и пресвитеров рукополагал один епископ, епископов же рукополагали два, три и более епископов, вместе с митрополитом, а митрополитов рукополагал патриарх с епископами.

“В первые три века на все иерархические должности безразлично избирались лица, состоящие в брачной жизни и не состоящие. Были даже случаи, допускавшиеся Церковью, как исключение, когда вступали в клир и второбрачные. Теперь же произошли некоторые изменения в церковных узаконениях относительно браков иерархических лиц. Сначала, под влиянием взглядов на иерархическое служение, как священное, требующее от проходящих его жизни особенно святой, явилась мысль установить безбрачие для всех членов клира. В западной церкви, под влиянием монтанистического направления, эта мысль узаконена была на соборе **Эльвирском** (305 г.), который постановил, что епископы, пресвитеры и дьяконы должны проводить жизнь безбрачную, в противном же случае подвергаются низвержению из сана. На первом Вселенском соборе (325 г). некоторые склонялись было узаконить безбрачие духовенства во всей Церкви. Но против всего восстал епископ **Пафнутий**, исповедник и строгий девственник; он защищал святость брака и указывал на тяжесть безбрачия для многих из духовных лиц. Пафнутий предложил только, чтобы, по древнему преданию Церкви, безбрачные, вступив в духовное звание, не женились, а принявшие духовный сан после брака, не должны удаляться от жен, которых имеют. Собор одобрил его мысль, и относительно этого не постановил никаких правил; не связал никого необходимостью, и безбрачное состояние предоставил воле каждого. После такого решения собора в восточной церкви допускались брак и безбрачие для лиц духовных. Впрочем, епископы почти все вели жизнь безбрачную, тем более, что многие из них вступали на епископские кафедры прямо из монастырей. Исключений, — когда епископы состояли в брачной жизни, — было очень не много в 4 и 5 веках. Император Юстиниан 1, законом от 528 года, запретил избирать на епископские кафедры состоявших в браке. Собор Трулльский (692 г). окончательно решил вопрос о браке и безбрачии духовных лиц; он постановил, чтобы епископы вели жизнь безбрачную, священники, дьяконы и иподьяконы вступали в брак до посвящения в сан, и чтобы брачное сожитие никто не считал препятствием к получению сана священника, дьякона и иподьякона.

“Между тем в западной церкви, со времени Эльвирского собора, мало-помалу стало упрочиваться безбрачие духовенства. Там не следовали решению 1-го Вселенского собора. Епископ Римский **Сириций**, в одном из своих декретов, уже настоятельно требовал (385 г). безбрачия от иерархических лиц первых трех степеней и продолжающим вести жизнь брачную угрожал низложением. К концу 7 в. безбрачие клириков на западе утвердилось так сильно, что собор Трулльский счел нужным обличить Римскую церковь за введение его. В 8-11 вв. усилия сделать безбрачие духовенства общеобязательным законом продолжаются. Папы этого времени, заботившиеся об исправлении нравов духовенства, например, Николай I, прежде всего требовали от клириков, чтобы они вели жизнь безбрачную. Но принудительные меры к введению безбрачия духовенства породили величайшее зло в западной церкви, — **нравственная испорченность** клира была прямым последствием таких мер. Законные брачные связи клирики стали заменять незаконными. Только клирики тех церквей, которые, как напр., медиоланская, допускали брак для духовенства, отличались хорошей нравственностью. Для улучшения нравственности клириков западная церковь, во второй половине 8 века, установила для них особый образ жизни (vita canonica), наподобие монашеского. По правилам (canon, — отсюда название для клириков **каноники**) такой жизни, клирики известного прихода (если их было несколько), особенно состоящие при епископской кафедре, должны были жить вместе в одном доме, иметь общий стол, вместе молиться в определенные часы (horae canonica), иметь общие собрания, на которых читать известный отдел из св. Писания (capitulum), и т.п. Но и канонический образ жизни клириков не улучшил их нравственности. Правила монастырской жизни оказались непреложимыми к людям, служение которых совершалось в мире,

при постоянных столкновениях с мирскими людьми. По-прежнему они вели жизнь поразительно распущенную, как об этом свидетельствуют соборы и писатели того времени.”

Увеличение церковных должностей.

Новое положение Церкви в государстве вызвало установление новых должностей по управлению церковными делами. Для ближайшего заведования церковным имуществом учреждена была должность **эконома**. На таковую должность избирались пресвитеры, дьяконы, даже клирики, не имевшие иерархической степени, если они отличались честностью и практичностью. В своих действиях экономом отдавал отчет епископу. Для заведования церковной казной, состоявшей из денег и жертвуемых драгоценностей, созданы были, не позднее второй половины 6 века, должности **сакелляриев** и **саккелиев**, которым впоследствии были вменены и другие обязанности. Не позднее 6 в. установлена была особая должность **скевофилакса**. Они заведовали всей церковной утварью и распоряжались ее употреблением при богослужении. В 4 в. установлены были должности начальников благотворительных заведений, занимавшихся пресвитерами или дьяконами. Обязанности ходить за больными исполняли **параволаны**, избиравшиеся епископами. Позднее выяснились злоупотребления. Многие становились параволанами для освобождения от податей и повинностей. В 4 в. они были упразднены. Существовало общество **копиатов** (копателей). Члены его занимались безмездным погребением мертвых, по преимуществу бедных и казненных, участвовали в торжественных похоронных процессиях. Они пользовались привилегиями клира. Но в их общество тоже вкрались злоупотребления.

“По управлению сельскими церквами появилась во второй половине 4 в. новая должность **периодевтов**, которые мало-помалу заменили собой **хорепископов**. В 4 в. хорепископы стали выказывать большие притязания; желая освободиться из-под власти городских епископов, они вступали с ними в борьбу и отказывали им в повиновении. Ввиду этого, собор Лаодикийский (около 364 г). предложил не поставлять в малых городах и селах епископов, но **периодевтов**. Периодевты, по своей степени, были пресвитеры, но не имевшие прихода, а состоявшие при кафедре епископа. Их посылали епископы для обозрения сельских церквей и исправления на месте разных недостатков и злоупотреблений (настоящая должность благочинного сходна с должностью периодевта). При новом положении Церкви в государстве, ей очень часто приходилось входить в столкновения с гражданскими властями. Для такого рода сношений назначены были особые должностные лица **экдиков**. Должность экдиков появилась в 4 веке; назначались на эту должность пресвитеры и дьяконы. Обязанностью экдиков было — защищать права Церкви и клира в гражданских присутственных местах, почему они назывались еще церковными защитниками. На экдиках лежали также и полицейские обязанности по церкви. Они, — или сами, или по отношению с гражданскими властями, — имели право употреблять даже силу против непокорных клириков и вообще нарушителей церковного порядка. Наконец, для делопроизводства по суду и управлению церковному, при епископе находились особые должностные лица **хартофилаксов** и **нотариев** (скорописцев). Хартофилаксы вначале были не более как хранители деловых бумаг при кафедре епископской, но с течением времени, именно со второй половины 7 века, они получили важное начальственное значение в церковном управлении.”

Церковное управление.

В первые три века, управление каждой отдельной церкви, состоявшей из города с принадлежавшими к нему селами и деревнями, сосредоточивалось в епископе города; причем в управлении принимали участие клир и миряне. Тот же порядок остался и при новом положении Церкви. Только участие мирян в церковном управлении прекратилось, так как права их перешли к христианской государственной власти. Каждый епископ в своем пределе, называвшемся сначала **парокией**, а потом **епархией**, как преемник апостолов, имел всю полноту духовной власти. Он избирал клириков, посвящал их, назначал способных из них на особые церковные должности, определял пресвитеров и дьяконов к приходским церквам, городским и сельским (сельским приходам дано было название **парокии**, которое прежде принадлежало большему, чем приход, церковному обществу, именно городскому во главе которого стоял епископ). В 4 веке, при множестве верующих, окончательно образовались приходы и приходские церкви, к которым по большей части, назначались уже постоянные пресвитеры и дьяконы. Четвертый Вселенский собор (451 г). решительно потребовал, чтобы пресвитеры, дьяконы и другие клирики рукополагались не иначе, как к определенной церкви, городской или сельской, или к мученическому храму, и к монастырю. Приходские церкви в городах и селах, со своим клиром, назначаемым епископом, были в полном его подчинении. Со времени четвертого Вселенского собора епископу были подчинены также и монахи монастырей, находящихся в его епархии. При содействии должностных лиц, о которых сказано выше, епископ заведовал всем церковным управлением, как главный начальник: церковными имуществами, благотворительными заведениями, судопроизводством по делам клириков и, в известных случаях, мирян и проч. Как представитель местной церкви, он один только имел право присутствовать на соборах и приводить в исполнение соборные определения. Если епископ сам не бывал на соборе, то его уполномоченный подписывался его именем.

“Еще в первые века епископы некоторых церквей, преимущественно основанных самими апостолами, или находившихся в главных областных городах, получили преимущество **чести**, сравнительно с епископами церквей меньших городов. Из этого преимущества чести епископов главных городов, естественно, могло развиться и преимущество **власти**, — что и совершилось окончательно в 4 и 5 веках, когда появилось стремление сообразовать внешнее церковное управление с гражданским. Константин Великий в гражданском отношении разделил всю империю на четыре префектуры: **восточную, иллирийскую, италийскую и галльскую**, причем префектуры разделялись на **диоцезы** или **округи**, диоцезы — на **провинции** или **епархии**, а провинции — на **парокии**, состоявшие из одного или нескольких маленьких городов, сел и деревень. При таком делении начальники меньших правительственных округов были подчинены начальникам больших. В каждом диоцезе и каждой провинции были свои столицы или главные города, носившие, по крайней мере, в Греции, название **митрополий**, в которых сосредоточивалось местное гражданское управление. Применительно к такому порядку гражданского управления, в 4 и 5 вв. было устроено и управление церковное, тем удобнее, что столичными городами как диоцезов, так и провинций (например, в восточной префектуре столицами диоцезов были: **Александрия** — египетского, **Антиохия** — восточного в тесном смысле. **Ефес** — малоазийского. **Кесария Каппадокийская** — понтийского, **Ираклия** — фракийского; в префектуре италийской — **Рим** был столицей Римского диоцеза, **Карфаген** — африканского и т. д). были, по большей части, те, епископы которых еще в первые века получили преимущество чести перед епископами меньших городов. Оставалось только предоставить им преимущество власти, ввиду порядка и единства в церковном управлении. Это и было сделано на вселенских и поместных соборах 4 и 5 веков. Епископы малых

городов с прилежащими к последним селам и деревнями, т. е. епископы **парокий** (епископы малых городов, впрочем, скоро стали называться епископами **епархий, епархиальными**, когда епископам городов провинциальных дано было название митрополитов, а название парокии дано было сельским приходам), подчинены были в церковном управлении епископам провинциальным или **митрополитам**, а эти — епископам некоторых главных городов целых диоцезов; последние носили название **экзархов** (в соответствии с названием гражданского начальника диоцеза), **архиепископов**, и, наконец, **патриархов**. Титул митрополита для епископов главных провинциальных городов в первый раз появился в правилах 1-го Вселенского собора (325 г.). Этот же собор, а также поместный Антиохийский (341 г.),подтвердили и точнее определили права и значение митрополитов в управлении церквами целой провинции; они имели права созывать всех епископов провинции на соборы, председательствовать на них, принимать жалобы на епископов и предлагать их на разрешение провинциальных соборов. Избрание епископа принадлежало всем епископам провинции, но утверждение и посвящение новоизбранного принадлежало митрополиту. Постановление же епископа без согласия митрополита считалось недействительным. Без ведома митрополита, как имеющего попечение о церквах всей провинции, ни один епархиальный епископ не мог делать ничего важного. Если епископу нужно было на время оставить свою епархию — особенно, если он отправлялся ко двору царскому, — то на это требовалось согласие митрополита, который давал в этом случае епископу грамоту. Но власть митрополита над епископами не была безусловной: соборы провинциальные, которые, по древнему обычаю, бывали два раза в году, ограничивали ее.

Над властью митрополитов возвышалась, как упомянуто выше, власть **патриархов**. Епископы, которым на четвертом Вселенском соборе (451 г). дано название патриархов и предоставлена высшая власть в церковном управлении, в 4 в. стояли наряду с митрополитами. Но уже 1-й Вселенский собор (325 г). трем из них — **Александрийскому**, Римск**ому** и **Антиохийскому**, — предстоятелям церквей, издревле славных, основанных самими апостолами и находившихся в главных городах диоцезов, — предоставил преимущество власти перед другими митрополитами. Так, Александрийскому епископу, в силу древних обычаев, подчинил церкви всего Египта, Ливии и Пентаполя с такой же властью, какую имел, также по древнему обычаю, в церквах Римского округа епископ Римский. Относительно Антиохийского епископа собор постановил, чтобы сохранялись преимущества Антиохийской церкви. В силу такого соборного определения, эти три епископа имели власть и над митрополитами в своих округах. Второй Вселенский собор (381 г). предоставил преимущество чести еще епископу К**онстантинопольскому** непосредственно после Римского, вследствие политического значения Константинополя, как столицы императоров. А до этого времени константинопольский епископ был подчинен ираклийскому митрополиту, так как самый город Константинополь по гражданскому разделению принадлежал к фракийскому диоцезу. Константинопольский епископ, таким образом, сравнялся честью с епископом Римским и поставлен выше Александрийского и Антиохийского, хотя соответствующей власти ему не было предоставлено. Впрочем, через несколько десятилетий императорской властью ему были подчинены церкви во Фракии, Малой Азии и Понте. Между тем на степень первенствующей кафедры возвышалась кафедра иерусалимская. Первый Вселенский собор предоставил иерусалимскому епископу почетный титул митрополита, но без власти над другими церквами, так как церковная власть во всей Палестине, не исключая и Иерусалима, сосредоточивалась в митрополите Кесарии Палестинской, которая была центром гражданского управления. Но около середины 5 в. эдиктом императора Феодосия I и Иерусалимскому епископу предоставлено первенство власти в церквах Палестины, Финикии и Аравии, так что митрополит Кесарийский должен был

стать в подчиненное положение. Таким образом, ко времени четвертого Вселенского собора пять епископов знаменитейших кафедр заняли первенствующее и начальственное положение в Церкви. Четвертый Вселенский собор (451 г). окончательно определил округа этих первенствующих епископов, утвердив распоряжение царской власти относительно подчинения церквей Фракии, Малой Азии и Понта епископу Константинопольскому, а церквей всей Палестины — Иерусалимскому; церкви же Финикии и Аравии подчинены были собором епископу Антиохийскому, в ведении которого они находились и прежде. Вместе с тем собор всем этим епископам предоставил почетный титул **патриархов**, хотя Александрийский и особенно Римский епископы охотнее употребляли издревле присвоенное всем вообще епископам наименование **папы (отца)**. Таким образом, в Церкви образовалось пять высших правительственных центров. Все митрополиты, состоявшие в округах патриарших, были подчинены каждый своему патриарху; только некоторые из них самостоятельно управляли своими церквами. В таком случае церкви их назывались **автокефальными** церквами. Таковы на востоке — **кипрская**, на западе — **медиоланская**, **аквилейская** и **равеннская** и особенно **карфагенская**. Что касается прав и власти патриархов, то они стали в такое же начальственное отношение к митрополитам, в каком те стояли к обыкновенным епископам. Они наблюдали за церквами всего округа, утверждали избрание митрополитов и посвящали их, смотрели за исправностью и поведением их, принимали жалобы на них и на областные соборы и т.п. На вселенских соборах патриархи были представителями церквей своих округов сами или через своих уполномоченных, так что, без их ведома, митрополиты и епископы их округов не могли иметь решающего голоса. Они же от лица церквей своего округа сносились с государственной властью, для чего установлены были особые должности **апокрисиариев** и **референдариев**. Апокрисиариями назывались представители патриархов Римского, Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского, постоянно находившиеся при царском дворе для объяснений по делам своих церквей и патриархов с царской властью; референдариями же назывались лица, употреблявшиеся для сношений между государем и константинопольским патриархом.

Возвышение константинопольского патриарха.

“С течением времени, после четвертого Вселенского собора, среди восточных патриархов особенно возвысился константинопольский патриарх, благодаря тому, что его кафедра находилась в столице империи или, по выражению второго Вселенского собора, в новом Риме, и патриарх всегда был близок к императору. По своему положению в столичном городе и близости к особе государя, он имел возможность, в случае необходимости, оказывать помощь и покровительство другим патриархам, которые вследствие этого, относились к нему с особым уважением. Но здесь подчинения, подобного тому, какого требовала римская церковь, не было; 2-й и особенно 4-й Вселенские соборы, сравнив константинопольского патриарха с римским, отдали ему только преимущество чести перед остальными патриархами востока. Если иногда императоры предоставляли константинопольским патриархам большую, по сравнению с другими патриархами, церковную власть, то это были только исключительные случаи, не переходившие в постоянную систему церковного управления. С 7 века, когда три восточных патриарха пали под мечом мусульман, так что у Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского патриархатов остались одни только патриаршие титулы без соответствующей власти, — значение константинопольского патриарха, естественно, должно было возрасти. Только он один из всех восточных патриархов пользовался само-

стоятельной властью в своем округе и поэтому, по преимуществу перед остальными, имел решающий голос в общецерковных делах.

С возвышением константинопольского патриарха его управление получило окончательно сформировавшуюся организацию. При нем образовался целый двор, наподобие императорского, состоявший из значительного числа более или менее важных должностных лиц, которые разделялись на девять пятериц; принадлежавшие к первой пятерице имели особенно важное значение в церковном управлении. Это **великий эконом, великий сакелларий, великий скевофилакс, хартофилакс и сакеллий.** Они были высшими церковными сановниками. В большинстве своем они имели степень дьяконов, но рукополагались на свои должности еще особенным и торжественным образом. Во время богослужения они носили на голове венцы с крестами. Что касается их роли в церковном управлении, то они были начальниками особых присутственных мест, которые назывались **советами,** в которых сосредоточивались дела по той или иной отрасли управления, и, кроме того, заседали в патриаршем синоде. Количество советов определялось числом должностных лиц в первой пятерице. 1). **Совет великого эконома** под его главным управлением заведовал всеми церковными доходами и расходами. 2). **Великий сакелларий со своим советом** управлял константинопольскими монастырями, заведуя монастырским хозяйством и наблюдая за нравственной жизнью монахов. 3). **Великий скевофилакс, возглавлявший свой совет,** заведовал всей церковной утварью как в великой константинопольской церкви, так и в патриаршей епархии, собственно церковными доходами, доходами, поступавшими в церковь в пользу клириков, наблюдал за благочинием в храме. 4). **Хартофилакс со своим советом** заведовал всеми важнейшими административными делами и судопроизводством в патриаршей епархии. Наблюдая за всем делопроизводством при патриархе, хартофилакс давал разрешение на постройку церквей и монастырей; избирал и представлял к поставлению пресвитеров и дьяконов; наблюдал за верой, благочестием и нравами не только клира, но и мирян; заведовал брачными делами; разрешал различные недоумения, возникавшие в церкви касательно таинств, обрядов и т.п.; вершил суд над всеми, обвиняемыми в преступлениях против веры и Церкви, еретиками, раскольниками, отступниками от веры и т.п., а клириков судил даже по гражданским делам; виновных, как мирян, так и клириков, подвергал наказаниям. Вообще, хартофилакс, кроме рукоположения, делал все то, что должен был делать патриарх в своей епархии, по званию епископа. Должность хартофилакса была самой важной и почетной при патриархе. При этом, если прочие должностные лица первой пятерицы имели влияние на какую-нибудь отдельную часть церковного управления, то влияние хартофилакса простиралось на всю патриаршую епархию и нередко на весь патриархат. Поэтому его называли **устами и оком** своего патриарха. Важному значению хартофилакса соответствовала и торжественность его рукоположения в должность. Во время церемонии посвящения патриарх надевал на его руку кольцо, полагал на его грудь особого рода хартию и вручал ключи. 5). **Сакеллий со своим советом** заведовал приходскими церквами, наблюдал за их хозяйственной частью, а также за надлежащим исполнением своих обязанностей приходскими клириками, их поведением и т.п.; клириков, совершивших преступления, с согласия патриарха, заключал в патриаршую тюрьму.

Что касается должностных лиц остальных **восьми пятериц,** то они, будучи в известной мере начальниками, в большинстве своем, были помощниками высших церковных сановников — членами или писцами их советов; немногие из них имели независимый и самостоятельный круг деятельности. Таким был, например, **протэдикт,** который состоял во второй пятерице, но впоследствии занял место в первой пятерице, возглавляяя совет из 10-12 эдиктов.

Высшим правительством и судебным местом при патриархе, которое, под его главным начальством, управляло как всем патриархатом, так и епархией патриарха по важнейшим делам, — был **патриарший синод.** В его состав входили не постоянные митрополиты и архиепископы патриархата, а случайные, находившиеся в Константинополе по каким-либо обстоятельствам, а также должностные лица первой пятерицы — великий эконом, великий сакелларий, великий скевофилакс, хартофилакс и сакеллий. Последние присутствовали в синоде потому, что там нередко рассматривались дела, находившиеся в их ведении, но, по своей важности, превышавшие их полномочия и потому поступавшие на рассмотрение синода. Хартофилакс играл в синоде наиболее важную роль. В отсутствие патриарха он занимал его председательское место. Весь ход дел, рассматривавшихся в синоде, зависел от него, так как он заведовал всем делопроизводством в полном смысле этого слова, и все решения и распоряжения синода, утвержденные патриархом, вступали в силу только после того, как хартофилакс скреплял их своей подписью и печатью. Для непосредственного надзора на местах за монастырями, церквами и епархиями в целом, подчиненными патриарху, была учреждена должность экзарха. Экзархи сменили периодевтов. По поручению патриарха, с определенными полномочиями, они, обозревая монастыри, изучали нравы и поведение монахов, требовали соблюдения монашеских уставов, если замечали отступление от них, и т.п. Обозревая церкви и епархии, обращали особое внимание на поведение епископов и клира, и, в случае злоупотреблений, принимали к ним меры нравственного воздействия; вообще, они вникали во все стороны местной церковной жизни и церковного управления и обо всем, после обозрения, докладывали патриарху.

Вселенское управление и церковное законодательство.

Как ни велика была роль патриархов в церковном управлении, выше их стояли Вселенские соборы. Власть патриархов распространялась на церкви известного, хотя и большого, округа, власть Вселенских соборов распространялась на всю Вселенскую Церковь, на всю иерархию, не исключая и самих патриархов. Соборное управление появилось еще в первые века, но только в 4-м веке, когда христианство стало господствующей религией, оно достигло своего полного развития; теперь появилась возможность созывать соборы не из епископов какой-нибудь одной области, а из всех областей Римской империи. Так как с понятием империи соединялось понятие о Вселенной, то такого рода соборы получили название **Вселенских**. Впрочем, на Вселенских соборах нередко бывали епископы и из стран, не входивших в состав империи, но принявших христианство. Обычно соборы созывались императорской властью, по представлению духовных властей; императорская же власть принимала на себя заботы о внешних удобствах собиравшихся на соборы отцов и обнародовании их постановлений. Всех соборов, признанных православной Церковью Вселенскими, было семь (с 4-го по 8-й век включительно). Он созывались, главным образом, по поводу появлявщихся ересей, на них принято много правил относительно церковного управления, богослужения, христианской жизни и т.п. Решающий голос при принятии соборных определений имели только епископы или, в случае отсутствия кого-либо из них, их уполномоченные; но к совещаниям допускались пресвитеры, дьяконы и даже монахи, отличавшиеся богословской образованностью. Все соборные постановления, утвержденные государственной властью, получали силу общеобязательных не только церковных, но и государственных законов, и нередко приводились в исполнение гражданской властью. Постановления поместных соборов только тогда получали силу обязательных законов для всех церквей, когда их одобряли и утверждали на

Вселенских соборах. Таким образом, Вселенские соборы были высшей инстанцией церковного управления и ими обусловливалось как единство веры и богослужения, так и единство и порядок в церковном управлении. Вселенские соборы послужили широкому развитию церковного законодательства. К писанным церковным правилам, появившимся до времен Константина Великого и вошедшим в канон, прибавилось множество новых правил, охватывавших все стороны церковной жизни. По своей важности среди канонических правил первое место занимают вероопределения и правила семи Вселенских соборов: Никейского 1-го (325 г.) — 20; Константинопольского 1-го (381 г.) — 7; Ефесского (431 г.) — 8; Халкидонского (451 г.) — 30; вероопределения Константинопольского 2-го (553 г.) и Константинопольского 3-го (680 г.) и 102 правила так называемого пятошестого Трулльского собора (692 г.) и Никейского 2-го (787 г.) — 22 правила. Затем следуют правила поместных соборов, которые были приняты девятью соборами (с 4 по 9 в. включительно). Это Анкирский в Галатии (314 г.), составивший 25 правил, которые, главным образом, разрешают сложный вопрос о принятии в Церковь падших во время гонений, особенно священнослужителей; Неокесарийский в Каппадокии (315 г.), на котором было составлено 15 правил касательно церковного благочиния и чистоты супружеской жизни клира и мирян; Гангрский в Пафлагонии (около 340 г.) состоялся по поводу заблуждений Евстафия Севастийского, отвергавшего супружескую жизнь, и утвердил против него и его последователей 21 правило в защиту супружеской жизни христиан вообще и священнослужителей в частности; Антиохийский собор (341 г.) составил 25 правил относительно церковного управления, в них большей частью повторены и подтверждены апостольские правила; Лаодикийский собор (около 364 г.) составил 60 правил, в которых подробно определяются порядок богослужения, нравственное поведение клира и мирян и вообще церковное благочиние; Сардикийский собор в Иллирии (347 г.) рассматривал дело св.Афанасия Александрийского и вообще примирение ариан с Церковью; порешив дело Афанасия, собор составил 20 правил по церковному управлению; из этих правил некоторые касаются порядка управления исключительно в западных церквах (например, 3-5); Карфагенский собор (419-426 гг.) собрал правила предыдущих африканских соборов и, пересмотрев их, одобрил к руководству; таким образом были составлены 147 правил, которые приняты Церковью в канон под одним наименованием правил Карфагенского собора; эти правила подразделяются на три разряда: одни — общеканонические; вторые — местные правительственные и третьи — догматические, направленные против ересей и расколов, особенно пелагиан и донатистов; Константинопольский 4-й собор (861 г.) и Константинопольский 5-й собор (879 г.) созывались по поводу первого и второго избрания Фотия на константинопольский патриарший престол; первый собор принял 17 правил, а второй — 3 правила; и те, и другие касаются вопросов церковного благочиния и управления, поставленных тогдашней жизнью. Кроме правил Вселенских и поместных соборов, в канон приняты Церковью еще правила св. отцов, например, Афанасия Великого, Василия Великого и др. Для удобства пользования церковными правилами они, с течением времени, были сведены в систему; в разных сборниках они излагались не только в хронологическом порядке, по времени их появления, но и в систематическом, по предметам содержания. Замечательные опыты такого изложения правил принадлежат патриархам Константинопольским Иоанну Схоластику (ум. 578 г.) и гораздо позже его — Фотию (ум. около 891 г.). В западной церкви были известны в латинском переводе сборник правил Дионисия Малого, римского аббата (ум. около 556 г.), использовавшийся в римской церкви, сборник, приписываемый Исидору, епископу Севильскому (ум. 631 г.), который использовали в Испании, и другие.

Папские притязания на главенство в церкви

Вселенские соборы ни одному из патриархов не предоставляли исключительной власти над Вселенской Церковью. За римским патриархом признавалось лишь первенство чести. Вопреки этому, римские патриархи, именовавшиеся папами, подчинив себе все церкви запада, стали считать себя главами и правителями всей Вселенской Церкви, чему способствовали различные обстоятельства. С 3 в., особенно же в 4 в., западные церковные писатели стали насаждать особое понятие о том, что в Церкви, кроме невидимого, существует и видимый глава. Этим, по их утверждениям, достигается всеобщее единство Церкви. Таким же главой они признавали римского епископа, главу всемирного города, наследовавшего власть апостола Петра, который, по их утверждениям, был князь епископов. Римские епископы старались такие ошибочные утверждения проводить в жизнь. В этом им помогли, начиная с 4 века, обстоятельства церковной и политической жизни. В 328 г. император Константин Великий начал строить в Византии новую столицу, названную впоследствии Константинополем. После его переезда туда в 330 г. римский епископ сделался более свободным от непосредственного влияния императорской власти. В период ереси Ария, когда императорская власть еще поддерживала ариан, папа Юлий (336-352 гг.) проявил себя строгим ревнителем православия. В Риме оказывалась поддержка православным епископам, искавшим там убежища. В то время на папу и на востоке начали смотреть, как на единственного защитника веры и церкви.

Ко времении второго Вселенского собора папы настолько признавали свой авторитет, что не допускали возможности равенства с ними константинопольского епископа. Папа Дамас заявил протест по поводу определения об этом соборе. Когда Рим стал столицей западных императоров, значение пап возросло. Император Валентиан III в 445 г. утвердил власть папы над всеми церквами запада, провозгласив, что мир в Церкви будет только при условии, что вся Церковь признает главой единого правителя. Папа Лев I Великий, при котором был издан этот закон, смотрел на себя как на правителя всей Церкви. Его замечательные по православному образу мыслей послания, которые он писал во время монофизитской смуты в ответ на запросы восточных епископов, проникнуты сознанием верховного авторитета. На четвертом Вселенском соборе (451 г.) большое влияние имели его легаты. Папа Лев I, убедив себя, что римский епископ имеет всю полноту власти в Церкви, был недоволен 28-м правилом 4 Вселенского собора, подтвердившего равенство константинопольского и римского патриархов. Падение западной римской империи в 476 г. еще больше возвысило пап в мнении западных народов. Во время господства в Италии варварских германских племен они оставались единственными представителями порядка и защитниками народа. Когда император Юстиниан отвоевал Италию у готтов, то одновременно он ограничил стремление пап к независимости. Но когда Византия не смогла защитить Италию от лангобардов, то восстановилось прежнее высокое положение пап в глазах народа. Постепенно и сами византийские императоры с уважением стали относиться к могуществу пап. Эта независимость все прочнее утверждала мнение о главенстве в Церкви римского епископа. Папы отвергли почетный титул Вселенского, который в 587 г. был присвоен константинопольскому патриарху Иоанну Постинку. Епископ Арсений в своей “Летописи церковных событий,” под 589 г., излагая происходившее на Константинопольском соборе, пишет: “Патриарх Константинопольский, извещая папу о происходившем на соборе, подписался как “архиепископ Константинопольский и Вселенский патриарх.” Титул Вселенского уже издавна присваивался константинопольским патриархам в указах императоров (Иоанну Кап., Епифанию, Анфиму, Минне) в том же смысле, в каком и председатель коллегии двенадцати учителей, заведовавшей преподаванием наук в империи, назывался вселенским учителем. Но папа Пелагий счел это превозношением и за-

претил своему апокрисиарию, архидиакону Лаврентию, участвовать в служениях с патриархом. Папа Григорий I Великий, Двоеслов (590-604 гг.), ярый поборник идеи главенства римского первосвященника, желая сильнее подчеркнуть несообразность титула "Вселенский" со значением в Церкви константинопольского патриарха, называл себя рабом рабов Божиих. Но это не помешало папам принять вскоре от императора Фоки, свергнувшего и казнившего императора Маврикия, дарованный им титул "Вселенский." Папы оказались защитниками православного учения в 7 в. во время монофелитской ереси и в 8 в., во время иконоборческих смут. Они решились даже отказать в повиновении восточным императорам иконоборцам.

Когда на Западе окрепло новое христианское Франкское государство, папы сочли выгодным выйти из повиновения византийским императорам, признав франкских властителей. Посредником в этом выступил известный миссионер Бонифаций. По совету папы Захария франкский мажордом Пипин принял в 752 г. титул короля и был помазан в Суассоне на царство Бонифацием, тогда уже митрополитом Майнцским. Когда лангобарды заняли равеннский экзархат, принадлежавший Византии, угрожая Риму, тогдашний папа Стефан призвал на помощь Пипина, который за два похода (754-755 гг.) вынудил лангобардов оставить все их завоевания. Города равеннского экзархата Византии возвращены не были. Пипин заявил, что отнял эти земли для св. апостола Петра. Он подписал дарственную грамату, по которой все возвращенные земли отдавались во владение римской церкви. Грамата была положена на гроб св. ап. Петра. Папа был их государем, и Пипин удовольствовался покровительством ему и званием римского патриция. Византийский император Константин Копроним тщетно требовал возвращения этих земель, у него не было сил их отнять, посокльку он был отягощен борьбой с арабами и своими православными подданными. Подарок Пипина положил в 755 г. начало светской власти пап.

Во время постепенного освобождения пап из-под власти византийских императоров происходило и упрочение их власти в западных церквах, преимущественно тех, которые не входили в состав римского диоцеза.

В западных церквах, например, африканской, испанской и других римский епископ издавна пользовался большим авторитетом как преемник апостола Петра. Для решения разных недоумений эти церкви, по древнему обычаю, обращались к римской церкви, хранившей апостольское предание, что дало повод римским епископам писать к этим церквам послания, в которых разрешались спорные вопросы на основании апостольского предания. Такого рода послания, появившиеся еще в конце 4-го века, при постепенном усилении власти пап, получили название декреталий, т.е. определений, и считались каноническими. Естественно, что приняв папские декреталии, западные церкви очутились в подчинении у римской церкви. Карфагенская церковь сильнее других церквей отстаивала свою самостоятельность, но и она, под гнетом вандалов, в 6 столетии вынуждена была искать опору в римской церкви. Что касается папской власти в новооснованных церквах в Британии, Германии и других странах, то она установилась очень просто. Здесь идея о главенстве папы распространялась вместе с самим христианством, тем более, что все главные миссии шли из Рима.

К началу 9-го века во всех западных церквах папа считался уже верховным главой и судьей Церкви. К этому же времени на западе появился новый канонический сборник, известный в истории под названием лжеисидоровских декреталий, на котором папы стали основывать свое мнимое право на главенство. В этом сборнике главное место занимают декреталии пап, начиная с самых первых времен римской церкви (с 77 г. по Р.Х.); почти все они или подложные, или искаженные.

Подразумеваются т.н. декреталии (decretalia) пап (от Климента, третьего римского епископа, до Дамаса (384)), собранные неким Исидором, а потому и называемые лжеисидоров-

скими декретами. В соответствии с ними клир абсолютно неподведом светской власти, и высшей законодательной и судебной властью в церкви являются не соборы или митрополиты, а исключительно папы. В этих декреталиях много страшного и несообразного; считают, что они сочинены во Франции около 840 г. для защиты местных интересов, с тем чтобы вместо находившейся поблизости светской и митрополичьей власти подчиняться более отдаленной — в Риме. При тогдашнем невежестве выдумка удалась (хотя в самой Франции не сразу), тем более, что она соответствовала тогдашним понятиям и нашла покровительство у пап. Варварская латынь, противоречия, исторические ошибки — все это было обнаружено к концу средних веков.

По этим декреталиям папа как преемник князя апостолов — апостола Петра, обладает всей полнотой власти во Вселенской Церкви. Ему подчинены все церкви со своими предстоятелями, так что, если последние в известной мере пользуются властью, то эту власть они получают от папы. Без его соизволения не может созываться ни один собор, ни одно его решение не может быть приведено в исполнение. Все недовольные решением местных соборов и митрополитов могут обращаться с апелляцией к папе, и от него уже зависит окончательное решение, которому все должны подчиняться беспрекословно. В странах, удаленных от Рима, папой назначаются из старших митрополитов викарии апостольского престола, или примасы, которые пользуются на местах властью папы и служат, таким образом, проводниками центральной власти римских первосвященников. Таким образом, по лжеисидоровским декреталиям власть папы в Церкви стала выше власти даже Вселенских Соборов. Система церковного управления, изложенная в лжеисидоровских декреталиях и развившаяся на западе, известна в истории под названием папства.

Впервые начал ссылаться на лжеисидоровские декреталии и применять на практике раскрытые в них идеи о папском всевластии папа Николай I (858-867 гг.). Полностью разделяя эти идеи, он обладал всеми необходимыми для этого качествами — умом, твердым характером, строгой нравственностью. В период своего девятилетного правления он сделал для возвышения папства больше, чем другие папы в течение многих десятилетий. Убедительным подтверждением этому служат его победы в спорах с Лотарем, правителем Лотарингии, и Гинкмаром, архиепископом Реймским. Лотар хотел развестись со своей законной женой Титбергой, чтобы жениться на некоей Валдраде. Аахенский (862 г.) собор, на котором сторону Лотаря заняли архиепископы Кельнский Гюнтер и Трирский Титго, разрешил ему развод и новый брак. Лотар женился на Валдраде. Но Титберга обратилась с просьбой о защите к папе Николаю I, который решил воспользоваться этим случаем для проявления своей власти. Он назначил новый собор в Меце (863 г.), под председательством своих легатов, для вторичного расследования дела о браке Лотаря. Но и этот собор, находившийся под влиянием Лотаря, решил дело в его пользу. Гюнтер и Титго, главные деятели на соборе, сами отвезли папе на утверждение соборные определения. Николай, очень хорошо осведомленный о ходе рассмотрения дела на соборе, решил со всей строгостью отнестись к ослушникам его приказаний и покровителям явного прелюбодеяния. Он отменил постановления Мецкого собора, лишил сана Гюнтера и Титго и пригрозил тем же остальным епископам — участникам собора, если они не раскаются. Лотарь не смутился папским решением; Кельнский и Трирский архиепископы также не захотели подчиниться папе. Они, не признавая за папой верховного суда, требовали созыва собора, составленного из митрополитов, на котором бы они лично могли защищать свое дело. Кроме того, они настроили против папы брата Лотаря, императора Людовика II, который, для того, чтобы вынудить папу отменить свое решение, занял со своими войсками Рим; впрочем, он вскоре примирился с Николаем. Но Гюнтер и Титго продолжали высказывать протесты против папской власти, которые, однако, не находили сочувствия, так

как дело, которое они защищали, было неправое; общественное мнение было на стороне папы. Николай пошел еще дальше, — он отлучил от церкви Гюнтера. Тогда трирский и кельнский архиепископы, не находя выхода из создавшегося положения, решили покориться папе. Но папа оставил в силе свое определение относительно лишения их сана. Остальные епископы также поспешили засвидетельствовать перед папой свое раскаяние. Тогда и Лотарь, вынужденный считаться с неблагоприятным для него общественным мнением, счел за лучшее примириться с папой, который потребовал, чтобы Лотарь оставил Валдраду и принял законную жену Титбергу. Лотарь должен был повиноваться. Также успешно для Николая окончилось столкновение с Гинкмаром, архиепископом Реймским, человеком умным и энергичным, который отстаивал права местного самоуправления церкви; папа, напротив, проводил мысль лжеисидоровских декреталий о централизации церковной власти в лице папы. Борьба эта произошла по следующему случаю. Гинкмар низложил на соборе одного подчиненного ему епископа, Ротада, который апеллировал папе. Папа, несмотря на отпор Гинкмара и галльских епископов, потребовал, чтобы Ротад и Гинкмар явились в Рим на суд. Когда явился только Ротад, папа признал его восстановленным в сане, после чего тот занял свою кафедру, без возражений со стороны Гинкмара. Таким образом, в этих двух спорах папа оказался блюстителем нравственныхъ законов, защитником невинности во всем христианском мире и верховным судией в Церкви. Кроме того, для централизации власти в лице папы, Николай I установил, чтобы каждый вновь поставленный архиепископ, при получении от папы паллиума, давал клятву и подписку в верности апостольскому престолу и беспрекословном повиновении папе.

Следующий папа, Адриан II (867-872 гг.) действовал в пользу папских интересов не так удачно, как Николай. Неудачи, между прочим, происходили от того, что папа изъявил претензии быть судьей государей не только в духовных, но и в политических делах. Так, когда, после смерти Лотаря, Карл Лысый завладел его землями, вместо законного наследника, императора Людовика II, Адриан потребовал, чтобы Карл возвратил лотарингские земли Людовику, и, в противном случае, угрожал своей церковной властью, от лотарингских же епископов потребовал прекратить с Карлом общение. Но папу никто не слушал, ни Карл, ни епископы. Гинкмар Реймский в письме к папе дал понять, что и король, и вельможи не потерпят вмешательства папы в их политические дела. Тот же Гинкмар, по случаю низложения им на соборе одного епископа (так же, как и при Николае), отказал Адриану в праве рассматривать вновь дело в Риме, а не на местном собборе, — и Адриан должен был уступить. Преемник Адриана, Иоанн VIII (872-882 гг.) был замечателен тем, что, по стечению благоприятных обстоятельств, положил начало тому порядку, по которому императорская корона стала раздаваться папами. Карл Лысый (875 г.), незаконно присвоивший себе императорское достоинство (875 г.), нуждался в его признанни со стороны Церкви. Папа Иоанн VIII, короновав Карла, признал его законным императором, но в то же время воспользовался этим случаем, чтобы заявить, что получение императорского достоинства зависит исключительно от апостольского престола. Карл не протестовал против этого, и действительно, с этого времени на западе утвердилось представление, что папа является источником императорской власти. Пользуясь расположением Карла Лысого, Иоанн VIII успел и со своей стороны принять несколько постановлений, направленных против вмешательства светских правителей в дела Церкви, например, чтобы никто из герцогов и князей не назначал епископов, не судил их и не обкладывал их и их церкви податями, — хотя эти постановления и оставались только на бумаге. После Иоанна VIII папство, вовлеченное в разные политические интриги, быстро пришло в упадок. Папский престол поступил в распоряжение светских правителей и политических партий и замещался, по большей части, людьми недостойными. Безнравственность и разного рода

преступления были присущи очень многим папам. Папская власть, находившаяся в руках таких людей, если и не потеряла своего значения в идее, — на практике потеряла очень много, по сравнению с прежними временами. Нестроения на папском престоле продолжались целых полтора столетия, до самой середины 11-го века.

Богослужение и Монашество.

Места общественного богослужения.

Богослужение получило полное развитие в 4 и в последующих веках.Установился определенный порядок и единоообразная форма богослужения, от которой постепенно отступала римская церковь. Богослужение повсюду отличалось блеском и великолепием.

Со времени царствования Константина Великого началось интенсивное строительство храмов. Особенной любовью к сооружению храмов отличались императоры св. Константин Великий с матерью св. Еленой, Феодосий Великий, Юстиниан. Св. Константин воздвиг храм в Иерусалиме на месте гроба Господня, в Константинополе — во имя св. апостолов Петра и Павла, в Риме — т.н. латеранскую церковь, которая была личной церковью пап, и церковь во имя св. ап. Петра на Ватиканской горе, месте его и других мученической кончины. Св. Елена строила храмы в Святой Земле. Юстиниан воздвиг храм св. Софии в Константинополе.

Храмы продолжали своим видом походить на базилики (общественные здания продолговатой четырехугольной формы). С 4-го века начинают появляться храмы восьмиугольные, круглые и продолговатые. На церквах вместо плоской крыши стали делать крышу со сводами, т.н. купола. Эти постройки приобрели известность под названием византийского стиля. Храм св. Софии в Константинополе был построен в этом стиле.

Во внутреннем устройстве церквей не так резко стали отделять среднюю часть от притвора. Объяснялось это уменьшением числа оглашенных и кающихся, для которых был создан притвор. В некоторых церквах появились хоры, предназначавшиеся для женщин. Перед алтарем стали устраивать солею, чтобы молящимся лучше было видно совершение богослужения. Сначала в церкви имелся только один алтарь, но со времени правления папы св. Григория Двоеслова (509-604 гг.) стали устраивать их несколько. С 8 в. на востоке стали устраиваться иконостасы. В 4 в. для созывания верующих были установлены деревянные била, а на западе — колокольчики. Колокола на западе появились в 7 в., откуда перешли на восток во второй половине 7 в. С появлением колоколов при церквах стали устраивать для них помещения — колокольни.

Богослужебные времена, праздники и посты.

В первые века христиане посвящали молитве известные часы дня, — третий, шестой и девятый; молились также утром и вечером. В 4 веке к этим временам присоединились еще полночь, а в монастырях, — первый час и повечерие. Впрочем, в том же 4-м веке все отдельные богослужебные части суток стали соединять собственно в три времени: время между полночью и утром; перед полднем и вечером, причем таинство Евхаристии, или литургия, совершалось перед полднем, а не ночью, как в большинстве случаев, было в первые века. Соединение произошло сначала в приходских церквах, а потом перешло и в монастыри. Так называе-

мые всенощные получили окончательный и определенный вид также в 4-м веке и совершались под особенно торжественные праздники.

Праздничные дни и посты в недельном круге остались те же. Воскресный день празднуется с 4 века с особой торжественностью. Константин Великий издал закон (321 г.) о прекращении в воскресный день судопроизводства; впоследствии он запретил в этот день и воинские занятия. А Феодосий младший даже запретил (425 г.) в воскресный день все увеселения и зрелища. Среда и пятница, как и прежде, были днями поста. Римская церковь продолжала сохранять пост в субботу, в воспоминание пребывания Спасителя во гробе и в противоположность иудеям, у которых суббота была праздничным днем. Папа Иннокентий I особенно заботился о распространении обычая поститься в субботу. К концу 7 века этот обычай прочно установился на западе, так что Трулльский собор (692 г.) счел нужным заметить о посте в субботу, как об отступлении римской церкви от древнего апостольского правила (Трулльский вобор пр. 55). Впрочем, и на западе африканская и медиоланская церкви не соблюдали поста в субботу, по крайней мере до тех пор, пока не подчинились полностью римской церкви.

Праздники в годичном круге, установленные в первые века, остались и теперь. Время празднования Пасхи окончательно было определено на I Вселенском соборе, а именно, в первый воскресный день после 14 нисана. Александрийский епископ, по поручению собора, должен был каждый год особыми пасхальными посланиями извещать все церкви о дне, на который, по астрономическим вычислениям, приходится Пасха. Отсюда, в александрийской церкви сложился 19-летний пасхальный круг, который в 525 г. ученым аббатом, Дионисием Малым, был введен и в римской церкви. Однако все-таки еще оставались христиане, праздновавшие Пасху вместе с иудеями 14 нисана; они известны как раскольники, под именем тетрадитов или четыренадесятидневников. Пасха как самый важный христианский праздник праздновалась торжественнее всех других праздников. На целую неделю прекращались судопроизводство, все общественные увеселения и зрелища. Императоры освобождали из темниц узников, а господа иногда давали свободу рабам. Праздник Рождества Христова в 4 веке распространяется в восточных церквах, а Богоявления — в западных. Кроме того, появляется много новых праздников. Так, в 4 веке установлен был праздник Обрезания Господня. Особенностью этого праздника в первое время было то, что его проводили в посте, как день печали и сетования, в противоположность язычникам, у которых в этот день был праздник календ, сопровождавшийся соблазнительными зрелищами. В 4 веке праздник Обрезания распространился во всех церквах. Праздник Сретения Господня, если до 4 века не был всеобщим, то теперь распространился повсюду так же, как праздник Входа Господня в Иерусалим. Начало праздника Преображения Господня восходит к 4 веку. В 4 веке установлен праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня — в память его обретения. В 7 в. с этим праздником соединилось воспоминание возвращения Креста Господня от персов, при императоре Ираклии (628 г.). Праздник Благовещения Пресвятой Деве Марии, в 5 веке, после III Вселенского Собора, на котором была осуждена ересь Нестория, унижавшего достоинство Божией Матери, распространился повсюду. К 5 веку относится установление празднования дня Рождества Богородицы. Другие праздники в честь Пресвятой Богородицы появились позже: Успение — в 6 веке; Введение во храм в 7 веке и т.д. Праздники в честь св. апостолов, св. ангелов, св. Божиих человек, пророков, святителей, мучеников, преподобных и проч. ведут свое начало с 4 века, кроме апостолов и мучеников, в честь которых празднования были установлены ранее. В 4 веке установлен общий праздник всех мучеников, а в 7 веке на западе — праздник всех святых. На западе в 5 веке установлен еще своеобразный праздник кафедры апостола Петра. Словом, образовался полный церковный год, начинавшийся, по обычаю, за-

имствованному от евреев, с 1 сентября, и с каждым днем года соединялось празднество или в честь святых и Богородицы, или во славу Христа Спасителя.

Что касается постов в годичном круге, то, кроме Четыредесятницы, которая была установлена уже в первые века, Церковь установила еще три многодневных поста — перед днем Рождества Христова, перед праздником в честь апостолов Петра и Павла и перед Успением.

Богослужебные действия и обряды.

В 4 и последующих веках установился определенный порядок всех богослужебных действий. Появились т.н. лекционарии, в которых обозначались отделы св. Писания, назначенные для чтения в тот или другой день. После чтения св. Писания следовало поучение. Право произносить поучения принадлежало епископам, в приходских же церквах поучения говорили пресвитеры. Своими проповедями славились: на востоке, где проповедничество было особенно развито, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст; на западе — Августин, папа Лев Великий. В 7 веке на западе проповедь совсем прекратилась.

Относительно пения нужно заметить, что на нем отразилось сильное влияние искусства. Начиная с 4 века, в Церкви стали появляться разного рода гимны, отличавшиеся поэтической силой, и разного рода напевы, проникнутые прекрасными мелодиями. Из церковных песнописцев 4 в.особенно выдается Ефрем Сирин (ум. 372 г.), составивший много поэтических песнопений в честь мучеников, в противоположность еретическим гимнам, распространившимся в Сирии со времен еретиков-гностиков. С целью противодействия еретикам, особенно арианам, которые посредством гимнов распространяли свое лжеучение, писали церковные песни: Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Амвросий Медиоланский (4 в.). В 5 веке был известен своими песнопениями, а именно стихирами на воскресные и другие праздничные дни, Анатолий, патриарх Константинопольский (ум. 458 г.), а в 6 в. — Роман Сладкопевец (ум. около 510 г.), написавший до 1000 вдохновенных песнопений, известных под названием кондаков, и множество икосов. В 7 в. Софроний, патриарх Иерусалимский (ум. 641 г.), трудился, между прочим, над составлением церковных песнопений. Но особенно славен церковными песнописцами 8 век. Андрей, архиепископ Критский (ум. около 712 г.), был в полном смысле слова поэтом, доказательством чему служат его полные глубокого религиозного чуства покаянные каноны. Герман, патриарх Константинопольский (ум. 740 г.) также должен быть поставлен в ряду с лучшими песнописцами своего времени. Но Иоанн Дамаскин (ум. ок. 760 г.) и Козьма Маюмский (ум. после Дамаскина) по всей справедливости занимают первое место в ряду песнописцев всех времен. Их каноны и другие церковные песнопения полны высокой поэзии. В 9 веке Иосиф Песнописец (ум. 833 г.) своими песнопениями закончил создание недельных служб. Напев, употреблявшийся в богослужении в 4 веке, вначале, так же как и в первые века, был самый простой, близкий к разговорной речи (речитативный). Но скоро в богослужебную практику стали вводить искусственное пение, более или менее мелодичное. Поводом к этому послужило то, что христиане стали увлекаться театральной музыкой и стройным пением еретиков. Для предотвращения подобных увлечений отцы Церкви допустили и богослужении стройное мелодичное пение. Так поступали Ефрем Сирин и Златоуст. На западе размерное мелодичное пение ввел Амвросий Медиоланский, по имени которого оно и обозначалось (cantus ambrosianus). Но так как в амвросианское пение, с течением времени, был привнесен театральный элемент, то папа Григорий Двоеслов ввел новый напев — величественный, торжественный.Окончательная разработка церковных

напевов принадлежит Иоанну Дамаскину. Он изобрел 8 гармоний или гласов, и на них положил составленные им воскресные службы, которые образовали так называемый октоих или осмогласник. Осмеричное число гласов или напевов Дамаскина вскоре вошло во всеобщее употребление в восточных церквах и было даже отчасти принято в западных, после чего церковное пение получило большее или меньшее единство и однообразие во всех церквах. Что касается порядка пения, то он был различен. Во время богослужения пели все присутствующие вместе или попеременно, на два хора; начинал петь один певец, а за ним повторял то же самое народ; наконец, пели один или несколько певцов, причем иногда в конце той или другой песни ему припевал и народ. Ограничение участия народа в богослужебном пении относится ко временам Лаодикийского собора (364 г.), запретившего петь в церкви "иным некоторым," кроме певцов, состоящих в клире (Правило 15).

В порядке совершения таинств, по сравнению с первыми веками, не произошло никаких перемен. Так, чтобы принять крещение, требовалось предварительно пройти степени оглашения, которые оставались теми же, что и в 3 в. Только число оглашенных в 5 в. стало уменьшаться, потому что к этому времени окончательно утвердился обычай крещения детей. К этому же времени стал мало-помалу исчезать распространившийся было в 4 веке обычай взрослых откладывать свое крещение на неопределенное время, в расчете с помощью крещения, принятого в конце жизни, получить отпущение всех грехов. К обрядам при совершении таинства крещения присоединилось еще дуновение на крещаемого при чтении заклинательных молитв. Обычно крещения совершались в субботу под праздник Пасхи и в Пятидесятницу; на востоке — также в праздник Богоявления. Вопрос о крещении еретиков, поднятый в 3 веке, был разрешен окончательно на соборах.Было решено (Перв.всел.соб., прав. 19; 2 всел.соб., прав.7;Трулл.соб., прав.95) — всех еретиков, которые извращают христианское вероучение в его сущности и не имеют у себя правильного крещения во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, перекрещивать при обращении их к Православной Церкви, прочих же присоединять только через миропомазание. Относительно миропомазания нужно только заметить, что с 5 в. уже во многих западных церквах это таинство совершали исключительно епископы. Совершение таинства Евхаристии осталось таким же; только то богослужение, во время которого оно совершалось, т.е. литургия, получило определенность и единообразие. К 4 веку в разных церквах были разные литургии, хотя и сходные в существенном. В иерусалимской церкви была своя литургия, по преданию приписываемая апостолу Иакову, в александрийской — евангелисту Марку, в римской — св. Клименту, в испанской и галльской — тоже свои, сходные с иерусалимской; в 4 веке появились, кроме того, еще новые изложения литургии, в медиоланской церкви — Амвросия, в Кесарии Каппадокийской — Василия Великого, в Константинополе — Иоанна Златоуста (сокращение литургии Василия Великого) и, наконец, чин литургии преждеосвященных даров, составленный папой Григорием Двоесловом. Литургия Василия Великого и Иоанна Златоуста со временем вошли во всеобщее употребление в восточных церквах. Остальные таинства — покаяние, священство, брак и елеосвящение— вообще все получили определенный чин, как свидетельствует о том сакраментарий (6 в.) Григория Двоеслова.

Покаянная дисциплина и раскол донатистов.

Заботясь о чистоте нравов своих членов, Церковь, в первые три века, установила строгую дисциплину относительно их образа жизни и поведения. Она требовала, чтобы все верующие вели по возможности жизнь святую, свободную от грехов. Если же в ней появлялись тяжкие грешники — отступники от Церкви, еретики, блудники, убийцы и т.п., то она отвергала их от

себя как недостойных членов, и затем, когда они желали опять вступить в общество верующих, принимала их после продолжительного, тяжелого испытания и принесения публичного раскаяния. Но уже в 3 веке, назначив особых пресвитеров для кающихся (падших), Церковь отчасти смягчила строгость своего суда. В 4 веке, когда членами церкви становились целые народы во главе со своими правителями, а не отдельные лица, во многих частных случаях было неудобно применять строгую дисциплину, и она была ослаблена еще больше. Хотя отлучение от церковного общения явных, открытых грешников, равно как и степени кающихся, установленные в 3 веке, существовали и в 4 в.; но отцы Церкви, определяя на соборах продолжительность отлучения и виды наказаний за те или другие грехи, в то же время нередко предоставляли епископам, по их личному усмотрению, облегчать участь кающихся. К концу 4 в. отлучение от церковного общения обыкновенных грешников и затем публичное прохождение "степеней кающихся" с публичным покаянием совсем стало уходить из церковной практики сначала на востоке, а потом и на западе. Константинопольский патриарх Нектарий отменил (390 г.) в своей церкви должность пресвитеров для кающихся, после чего каждый, по собственному желанию, мог избирать себе духовника и перед ним исповедоваться тайно во всех своих тайных и явных грехах. Примеру Нектария последовали епископы других восточных церквей. Сообразно тяжести грехов духовники накладывали на кающихся разного рода искусы, которые они должны были выполнять тайно, и затем получали разрешение. В этом случае епископы давали своим пресвитерам определенные наставления относительно самой исповеди и тех наказаний, которые, по церковным канонам, должны были накладываться на кающихся за те или другие грехи. Торжественное же отлучение от Церкви употреблялось в приложении к еретикам и раскольникам и редко к обыкновенным грешникам. На западе частная тайная исповедь окончательно заменила публичную около середины 5 в., при папе Льве Великом.

Во 2 и 3 веках противниками общецерковной покаянной дисциплины были монтанисты и новациане. В 4 веке такими противниками стали донатисты. В сущности они разделяли те же мнения, что монтанисты и особенно новациане, и самый раскол донатистов, можно сказать, был возобновлением новацианского раскола, только в другой стране и под другим названием. Донатисты, как и новациане, смешивали понятие о Церкви видимой с понятием о Церкви невидимой, перенося на первую признаки последней — чистоту, святость и проч. Так, приняв за основание, что Церковь должна быть святой, они полагали святость ее в святости ее членов.

"Донатисты," пишет С.В. Булгаков, "последователи Доната, епископа Нумидийского, который, при избрании в 311 г. епископа Карфагенского, не признал достойным этого сана Цицилиана, потому что он, подобно многим другим, во время гонений на христиан, вынужден был выдать язычникам священные книги, которые они требовали для уничтожения. Донат называл его отступником и под этим предлогом образовал в 312 г. собственную партию, и проповедовал необходимость вторичного крещения, потому что первое, принятое от "еретиков," по его учению, было недействительно, и необходимость восстановления первобытной церкви: это назначение он приписывал себе. В фарисейском сомнении его последователи считали себя обществом святым, духовным и отделились от Церкви как общества греховного и плотского. От своих последователей они требовали высокой нравственности, с щепетильной боязнью и фанатическим ужасом избегали всякого сношения с тяжкими грешниками и даже людьми, находящимися в церковном общении с ними, считая их смертельной заразой, эпидемией, отравляющей своим греховным ядом всю нравственную атмосферу церковного общества. Они признавали действительность таинства зависящей от нравственного поведения совершителя его, от его личной веры, и считали крещеных грешным духовенством, или толь-

ко находящимися в церковном общении с тяжкими грешниками, за некрещеных язычников; они проповедовали полное и всецелое отделение церкви от государства, утверждая, что церковь и государство не должны иметь ничего общего; протестовали против насильственных мер и всяких стеснений в делах церкви и совести, и в гонениях, воздвигнутых на них со стороны православной гражданской власти, видели доказательство истинности своей церкви. Последователи Доната господствовали в христианских провинциях северной Африки, и в 330 г. имели уже 172 епископов. Донатисты, всегда враждебные господствовавшей Церкви, наконец, до того окрепли, что в 348 г. напали на императорское войско, выступившее против них для обращения, и в течение 30 лет опустошали Мавританию и Нумидию, грабили, занимались разбоем, мучили не принадлежавших к их секте.

Большую свободу донатисты имели в царствование Юлиана Отступника. Православные епископы старались воздействовать на раскольников силой убеждения. Блаженный Августин, бывший (395 г.) епископом в г. Иппоне в Нумидии, особенно трудился над их обращением. Он писал опровержения их сочинений, устраивал с ними диспуты. Пользы это приносило мало. Обращались только единицы. В 405 г. на соборе в Карфагене и бл. Августин согласился с необходимостью принятия против них строгих мер. Император Гонорий издал против них строгий указ. Донатисты продолжали проявлять крайний фанатизм. В 411 г. в Карфагене состоялся, по желанию Августина, торжественный диспут. На соборе присутствовало 268 православных епископов и 279 донатистских. Присутствовал и представитель императора Марцеллин. Споры продолжались три дня, но ни к чему не привели. Со стороны православных особенно выделялись Августин и Аврелий. Донатисты остались непреклонными в своем отщепенстве. “Эта секта,” пишет С.В.Булгаков, “столь грозная в 4 и 5 в., истребилась совершенно с завоеванием сарацинами тех провинций, где она находилась.” С 7 в. существование донатистских обществ прекратилось.

Христианская жизнь вообще.

Как и в первые века, так и теперь, христианство, когда принималось и усваивалось надлежащим образом, оказывало благотворное влияние на жизнь, Его высокие нравственные начала находили и теперь прекрасное осуществление в жизни как целого христианского общества, так и отдельных личностей. Так, мы видим, что христианское правительство греко-римской империи, под влиянием христианских нравственных начал, издает благодетельные для общества законы, например, об ограничении рабства, облегчении участи пленных и рабов, против гладиаторских зрелищ и т.п. Общество начинает устраивать свою жизнь сообразно христианским требованиям. Страсть к безнравственным театральным зрелищам, укоренившаяся в греко-римском обществе, постепенно ослабевает, и место зрелищ занимают благочестивые христианские упражнения, например, путешествия к святым местам; возрастает общественная и частная благотворительность; семейный гнет и произвол уступают место христианской любви; женщины выходят из того рабского положения, в котором они находились в языческом мире, и как жены и матери занимают в семье почетное место; отношения отцов к детям и детей к отцам становятся гуманнее и т.п. Многие примеры из жизни христиан 4-го и последующих веков полностью это подтверждают. На первом месте перед нами стоят великие отцы Церкви, которые навсегда остались образцами благочестивой и святой жизни (со многими из них мы уже встречались в этом разделе). Далее, мы видим множество страдальцев за веру и благочестие, как, например, во времена Юлиана и еретиков-императоров, когда многие христиане считали за лучшее лишиться житейских выгод, чем изменить своим

религиозным убеждениям, или во время гонений за пределами Римской империи (например, в Персии); все они отличались теми же добродетелями, что и мученики первых веков. Наконец, семейная жизнь христиан представляет немало примеров благочестия и святости. Такие благочестивые женщины, как Нонна, мать блаженного Августина, и другие представляют собой прекрасный образец христианских матерей и жен. Вообще женщины по преимуществу были представительницами благочестия в семейной жизни; занимаясь в тиши и уединении воспитанием своих детей, они полагали в них первые семена благочестия.

Но, с другой стороны, нельзя сказать, чтобы жизнь христиан 4 и последующих веков была такой же, как и в первые века. Христианское общество первых веков, по всей справедливости, может быть названо обществом святых. Отклонений от требований христианской жизни там было немного, тогда как теперь среди чистой пшеницы встречается много плевел. В 4 в. христианство стало государственной религией; вследствие этого язычники стали вдруг вступать в Церковь большими массами. В их числе было много таких, которые принимали новую веру не по убеждениям в ее истинности и превосходстве, а по житейским расчетам и выгодам. Такого рода люди облекались в христианскую внешность, не заботясь о внутренней благочестивой настроенности и, став христианами, в сущности оставались язычниками, с языческими обычаями, привычками, предрассудками и суевериями. Посещая в христианские праздники церкви, они не отказывались посещать и языческие зрелища. Принимая христианские таинства, они смотрели на них, как на языческие волшебные действия, и были убеждены, что одно только принятие их, без собственного нравственного усовершенствования, избавит их от всех грехов и спасет от всяких несчастий. Все благочестие, по понятиям таких полу христиан, заключалось в исполнении предписаний обрядового закона, в соблюдении постов, вычитывании молитв, хождении в церковь, в пожертвованиях в церкви и проч. Малопомалу такие взгляды на благочестие и добрые дела распространились среди многих, преимущественно людей светских, преданных мирским занятиям и удовольствиям, и остались господствующими надолго, как в восточных церквах, так и в западных.

Монашеская жизнь на Востоке.

Начало монашества относится к 3 столетию. В 4 в. оно получило полное развитие. Способствовало этому вступление в Церковь не осознавших духа христианства язычников, заботившихся о мирских интересах. Ревнители благочестия из-за этого стремились покидать города и селения, уходить в пустыни. Там они могли проводить жизнь в молитве, подвигах самоотречения, помышлениях о Боге. Среди этих подвижников основоположником монашества является преподобный Антоний Великий (251-356 гг.).

Она был уроженцем городка Комы, в верхнем Египте, и унаследовал после родителей богатое состояние. Помышляя о благоугождении Богу и спасении души, он однажды вошел, во время богослужения, в храм, и услышал там слова из Евангелия: *“Если хочешь быть совершен, иди продай имение свое и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и пойди и следуй за Мною.”* Эти слова спасителя богатому юноше (Мф. 19:21) показались Антонию ответом на его мысли. Он так и поступил. Свою малолетнюю сестру он поручил благочестивым женщинам, жившим общиной, и на 21-м году жизни поселился в пещере, недалеко от места своего рождения. Там он начал подвизаться под руководством старца-отшельника. Через некоторое время, стремясь к совершенному уединению, он ушел в удаленное место пустыни, переплыв через Нил, поселился на восточном его берегу в пустой гробовой пещере, а потом в развалинах старой крепости, вдали от человеческих жилищ.

Двадцать лет прожил в этих развалинах святой Антоний в совершенном уединении, подвизаясь в посте и молитве и подвергая себя всевозможным лишениям.

Только два раза в год некоторые из его друзей приходили к нему сюда и приносили ему хлеб, получая взамен сплетенные руками преподобного корзины. Суровая отшельническая жизнь, которую вел преподобный, проходила, однако, для него не без тревог и волнений. С одной стороны, великий подвижник нередко подвергался искушениям от демонов, наводивших на него страх и ужас разными чудовищными привидениями, а с другой его душу смущали собственные его помыслы об удовольствиях и наслаждениях, оставленных им в миру. Однажды в порыве глубокого уныния от осаждавших его мирских желаний он воскликнул: “Господи, что мне делать? Хочу спастись, но помыслы мешают мне,” После этих слов преподобный вдруг увидел перед собой человека, который работал, а затем начал молиться, после же молитвы снова начал работать. Это видение вразумило Антония: он понял, что постоянный труд и молитва самое лучшее средство успокоить душу и очистить сердце от нечистых пожеланий. Увеличив свои труды и усилив молитву, он, наконец, настолько укрепился в духовной жизни, что ни демонские искушения, ни его собственные помыслы не тревожили его больше. Слава о необыкновенной жизни Антония, между тем, распространилась по всему Египту, и многие из христиан стали посещать его, а некоторые даже пожелали поселиться возле него, чтобы, под его руководством, вести такую же подвижническую жизнь. Антоний согласился принять на себя обязанность руководителя в отшельнической жизни, и вокруг него образовалось целое общество учеников-подвижников. Это была первая монашеская община (305 г.). Подробных правил относительно монашеской жизни Антоний не давал своим ученикам; но в общем виде он точно определял те требования, которые они должны были выполнять, чтобы достигнуть высшего нравственного совершенства. Так, он словом и примером собственной жизни заповедовал им: полное отречение от всех земных благ, совершенную преданность воле Божией, молитву, уединенные размышления о Боге и мире духовном, телесный труд и проч. Через шесть лет (312 г.) после основания монашеской общины преподобный Антоний, обеспокоенный множеством посетителей, удалился из развалин крепости в так называемую внутреннюю пустыню, отстоявшую на три дня пути к востоку от места его последних подвигов, и поселился в одной горной пещере. Только иногда приходил он к оставленной им братии для назидания и укрепления их в духовной жизни. Но народ нашел его и в новом уединении, тем более, что Господь сподобил великого подвижника дара чудотворения и прозрения. Люди всех сословий, богатые и бедные, знатные и незнатные, приходили к нему в пустыню, одни — чтобы видеть святого мужа, другие — чтобы получить от него совет, утешение или исцеление. Приходили к нему даже языческие ученые, привлеченные его славой, и вступали с ним в споры о вере. Антоний, глубоко изучивший человеческую природу и уединенными размышлениями достигший полного христианского ведения, своими простыми безыскусственными рассуждениями всегда одерживал над ними верх. Слава Антония была так велика, что даже сам император Константин обращался к нему с письмом, в котором называл его отцом и убеждал писать ему о нуждах. Но Антоний, порвавший все связи с миром, не хотел было даже принять письма и, только по убеждению братии, принял и написал ответное письмо, в котором, верный самому себе, хваля благочестие царя, советовал ему не превозноситься царским званием, так как цари земные имеют над собою Царя небесного, Иисуса Христа. В течение своей долговременной отшельнической жизни преподобный Антоний только два раза оставлял свою пустыню и появлялся в мире. В первый раз он приходил в Александрию в 311 году, во время гонения Максимина, чтобы ободрить и утешить страдальцев за веру, а во второй раз — тоже в Александрию в 351 году, чтобы поддержать православных в борьбе с арианами. В последний раз появление в шумном городе уважаемого столетне-

го пустынника было особенно благодетельно для Церкви; в несколько дней он обратил ко Христу значительное число язычников и еретиков.

В глубокой старости преп. Антоний встретил во внутренней пустыне преп. Павла Фивейского, раньше него начавшего подвижническую жизнь и, до встречи с ним, не видевшего человеческого лица. Кончина этого праведника относится к 314 году. Преп. Антоний похоронил его в мантии, полученной от ревнителя православия святителя Афанасия Александрийского. Преп. Антоний преставился в 356 году, прожив в пустыне около 85 лет.

Преп. Антоний является основателем иночества отшельнического, скитского. Подвижники, руководимые старцем, аввой (отцом), жили отдельно в хижинах или пещерах, предаваясь уединенным подвигам. Такие общины назывались лаврами. Но еще при жизни преп. Антония создался иной род монашества — общежительное иночество. Подвижники образовывали одну общину, под управлением одного аввы, называвшегося также архимандритом, т.е. начальником общества монахов. Иноки жили в одном или нескольких помещениях, соблюдая установленные общие правила. Такие общины именовались киновиями, монастырями. Основателем общежительного монашества был преподобный Пахомий Великий (292-348 или 349 гг.).

Родиной его был египетская Фиваида. Будучи язычником, он в 18-летнем возрасте был призван на военную службу. Его поразило проявление любви к нему и другим воинам христиан, жителей одного городка. По окончании службы он крестился. Услышав о египетских подвижниках, он сблизился со строгим аскетом Паламоном и провел с ним десять лет, изучая христианское подвижничество. В 325 г. Пахомий, по внушению Божию, удалился в пустыню при реке Нил, под названием Тавенны. Сюда к нему пришел его брат Иоанн. Они подвизались вдвоем, питаясь трудами своих рук. У Пахомия созрела мысль об основании общежительного иночества, и он создал монастырь на одном острове Нила.

Слава о подвигах Пахомия вскоре привлекла к нему множество учеников, так что построенный им монастырь не мог вместить всех желающих, и он принужден был основать еще несколько монастырей на недалеком расстоянии друг от друга на берегах Нила. Он основал также и женский монастырь на другом берегу Нила; в нем первой жительницей была сестра Пахомия. В своих монастырях Пахомий ввел определенные правила монашеского общежития. Это первый иноческий устав. Все общество монахов, разделенное Пахомием на 24 класса, по степени развития их духовной жизни, находилось под управлением одного общего аввы, которым был при жизни Пахомий. Он осуществлял главный надзор над всей братией. Далее, каждый монастырь имел своих второстепенных начальников, называвшихся настоятелями и игуменами. Они находились в подчинении у главного аввы и доносили ему о состоянии своих монастырей. В монастырях были еще экономы с помощниками, заведовавшие хозяйственной частью. А так как каждый монастырь делился на несколько общин, состоявших из трех или четырех домов, и в каждом доме было по несколько келий, в которых жили по два или три монаха, то в каждом доме еще были и частные надзиратели, подчиненные настоятелям монастырей. Начальствующие лица должны были быть образцами строгой жизни для остальной братии. Под руководством начальников монахи должны были проводить жизнь в молитве, чтении книг духовного содержания, особенно св. Писания, и трудах. Общественное богослужение совершалось два раза в сутки — днем и ночью. Монахи собирались в церковь по данному знаку, скромно и в молчании, читали св. Писание и молитвы, пели псалмы. В первый и последний день недели они причащались св. Таин, причем литургия совершалась, обычно, пресвитерами из соседних сел, так как Пахомий, опасаясь проявления в братии духа любочестия, не допускал, чтобы кто-нибудь из них принимал пресвитерский сан, как и сам не принял его. Кроме того, иноки должны были совершать молитвы отдельно в каждом доме пе-

ред отходом ко сну и после сна. После молитвы или богослужения настоятель предлагал братии беседы о христианских истинах. Чтением монахи занимались в своих келиях в свободное от молитвы и от работ время. Книги они получали из монастырской библиотеки от эконома. Работы, которыми занимались монахи, были разного рода. Они возделывали землю, разводили сады, работали в кузницах, мельницах, кожевнях, плотничали, валяли сукна, плели корзины и циновки. Вообще иноки занимались всяким трудом, необходимым для содержания целого общества; сторонних средств к жизни у них не было никаких. На работу они выходили в порядке и молчании, вслед за своим настоятелем. Молчание, вообще, предписывалось во всякое время, во избежание пересудов. Все эти обязанности иноки должны были исполнять с безусловным послушанием, по данному знаку. Послушание, от которого зависел весь порядок монашеской жизни, предписывалось самое строжайшее. Без разрешения начальников никто из братии не только не мог выйти из монастыря, но не мог даже начать новой работы или перейти с одного места на другое. Все иноки носили одинаковую и самую простую одежду. Нижняя одежда была льняная, хитон, без рукавов, верхняя — кожаная; на голову надевалась волосяная шапочка — куколь, а на ноги сандалии. Эта одежда никогда не снималась, даже во время сна. Постелей для сна у иноков Пахомия не было, а были сидения с наклоненным задником и двумя загороженными стенками; подстилать разрешалось только рогожу. Вставали иноки задолго до рассвета. Пища была самая простая, один раз в сутки, обычно в полдень. Это были хлеб, маслины, сыр, овощи и плоды. В субботу и воскресенье была вечерняя трапеза. Ели все вместе в молчании, опустив на лицо покрывала, так что не могли видеть, как и что кто ест. Пахомий, предлагая братии все необходимое для поддержания жизни, предоставлял каждому по своей воле умерщвлять свое тело, но в то же время он осуждал тех, кто принимал пищу с жадностью. Одним из главных иноческих обетов в своих правилах Пахомий считал совершенную нестяжательность. Вступающему в общину монахов не позволялось приносить в монастырь никакого имущества; даже мирская одежда вновь прибывшего раздавалась неимущим мирянам. Монахи не должны были иметь ничего собственного. Работа, выполненная тем или другим братом, принадлежала не ему, а всей общине. Считалось важным преступлением, если кто-то из братии хранил у себя в келии деньги, хотя бы самую мелкую монету. Все необходимое для жизни — пищу, одежду, — иноки получали из общих средств монастыря. Экономы занимались снабжением братии пищей и одеждой из материалов, заготовленных в монастыре или купленных ими на стороне на деньги, вырученные от продажи иноческих изделий. Чтобы все эти строгие правила неизменно выполнялись иноками, Пахомий установил, чтобы вступающие в его общину принимались не раньше, чем через год, в течение которого опытные старцы испытывали их готовность вести жизнь согласно этим правилам. При жизни преподобного Пахомия основанное им на таких началах общество монахов возросло до 7000, а через сто лет после его кончины, — до 50 000.

Преподобный Пахомий за свою святую жизнь был удостоен от Господа дара прозорливости и чудотворения.

И отшельническое, и общежительное монашество вскоре распространилось по всему Египту и даже в другие страны. Так, Аммон основал общество пустынножителей на Нитрийской горе с прилегающей к ней пустыней, Макарий Египетский — в так называемой Скитской пустыне, где было много замечательных подвижников, Иларион, любимый ученик Ангония, перенес монашество на свою родину, в Палестину, где около Газы основал монастырь. Отсюда монашество распространилось по всей Палестине и Сирии. Василий же Великий, совершивший путешествие по Египту и Палестине и ознакомившийся с тамошней монашеской жизнью, распространил мужское и женское монашество в Каппадокии. Устав, который он дал своим монахам, скоро распространился по востоку и стал всеобщим. В 5 веке уже весь

восток был усеян множеством монастырей. Из подвижников 5 в. замечательны: Исидор Пелусиот, Симеон Столпник, Евфимий, Савва Освященный и многие другие. Исидор, человек богословски и философски образованный, удалившись в египетские пустыни, проводил жизнь подобно Иоанну Крестителю: одевался в одежду из жесткого волоса и питался только кореньями и травами. Выбранный настоятелем одной монашеской общины, он вел такую же суровую жизнь и располагал к тому же братию. Симеон, родом сириянин, много лет подвизался в молитве, не сходя со столпа и перенося голод и все атмосферные перемены. Он положил начало новому роду подвижничества — столпничеству. Евфимий, основатель палестинской лавры, за свои подвиги получил дар чудотворений. Савва, ученик Евфимия, начал пустынническую жизнь с восьми лет. Он основал множество монастырей в Палестине и ввел в них определенный богослужебный устав. Наконец, кроме столпничества, в 5 столетии появился еще особый род подвижинчества — это в обителях неусыпающих. Один инок, Александр, устроил такой монастырь, в котором богослужение совершалось непрерывно, в течение целых суток. Богатый константинопольский житель Студий, которому понравился такой порядок, построил в Константинополе монастырь и пригласил поселиться в нем общину неусыпающих. Этот монастырь получил название Студийского. 6 век славен замечательными подвижниками: Симеон Юродивый, принявший на себя новый подвиг юродства и достигший полного бесстрастия, Иоанн Лествичник, много лет подвизавшийся на Синайской горе и написавший сочинение, известное под названием Лествицы, в котором изобразил степени духовного восхождения к нравственному совершенству; в 7 веке Алипий Столпник подвизался на столпе более пятидесяти лет. В конце 8 и начале 9 века представителем строгой монашеской жизни был известный поборник иконопочитания — Феодор Студит. Из его монастыря, славившегося строгостью иноческой жизни, вышло много подвижников благочестия, например, в 9 веке Николай, подвергавшийся истязаниям за иконопочитание, Иоанникий, прославившийся даром прозрения, и другие. В 9 веке становятся известными пустынники на Афоне: св. Петр (9 в.) подвизался здесь более пятидесяти лет в одиночестве, и св. Афанасий (10 в.), устроивший на Афоне монастырь, в котором вскоре появилось множество подвижников.